

"Городская магия"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Кира Измайлова

Городская магия

Часть 1

Зачёт по высшей магии

Глава 1

Авантюра

Очередной учебный год начался на удивление спокойно. Деканат не устраивал нашей группе разносы за плохую посещаемость, никого не ловили с сигаретой в коридоре, а преподаватели были сама любезность. Словом, скука стояла невероятная.

Честно говоря, только перейдя на четвертый курс, я всерьёз задумалась о том, кем же я буду по окончании университета. Надо отметить, что я отличница, и преподаватели неоднократно говорили мне, что я точно получу красный диплом. Всё это, конечно, замечательно, но... Что я буду делать после окончания университета? В принципе, выбор не столь уж велик — или предаваться исследовательской работе в какой-нибудь конторе, что само по себе довольно скучно, или остаться в университете и преподавать. Все места, где можно заниматься практической деятельностью, давным-давно поделены, и освобождаются очень редко. Что поделывать, специфика такая...

Я учусь в ГМУ — Государственном Магическом Университете. Звучит довольно глупо, но раньше, например, наша альма-матер именовалась Государственным Университетом Магии, и нас постоянно путали с тем ГУМом, который магазин. Я поступила сюда, купившись на романтику названия. К слову, это удалось мне без труда — а кое-какие способности для поступления всё же требовались. Но я быстро разочаровалась в выбранной профессии. Первые два года нам читали только общеобразовательные предметы: историю, математику, иностранный, философию, культурологию, логику, риторику и прочую дребедень. На третьем курсе началась специализация — всего два предмета: история магии и теория заклинаний. На четвертом курсе добавились разные практические занятия. Однако ничему действительно серьёзному нас не учили. Так, ерунда: как создать иллюзию, как быстро освоиться с любым механизмом, как ускорить рост подопытного кактуса... Невероятная чушь, к тому же совершенно бесполезная в повседневной жизни.

Я затосковала. Неужели это всё, чему нас будут учить? Ни тебе прохождения сквозь стены, ни боевых заклинаний, ни хоть сколько-нибудь серьёзного врачевания... С тем же успехом я могла учиться в любом другом университете. Может, пока не поздно, перевестись на факультет прикладной магии? Там обучались студенты с ярко выраженными способностями к созданию иллюзий. Выпускники этого факультета часто находили работу в киноиндустрии — создавали потрясающие спецэффекты. Сложно объяснить, как это работает на практике, для этого пришлось бы пересказать несколько увесистых томов, посвященных теории и практике создания иллюзий и их применению в повседневной жизни. Я сильно подозреваю, что господа продюсеры, режиссеры и вся та братия, что занимается съемкой фильмов, о теоретической стороне вопроса и вовсе не задумывались. С них довольно было того, что иллюзии выглядели правдоподобнее компьютерной графики, стоили дешевле и не налагали почти никаких ограничений на фантазию сценариста. Ну а каким образом все это запечатлевается на камеру... Я, честно говоря, сама не слишком хорошо это понимала, довольствуясь простой аналогией: мираж ведь тоже можно заснять, чем же иллюзия хуже миража?

Впрочем, в киноиндустрии конкуренция тоже была весьма жесткой, и многие выпускники этого факультета устраивались, так сказать, массовиками-затейниками. Кому не хочется, чтобы с днем рождения его поздравила знаменитая топ-модель или огнедышащий дракон? Или, скажем, разве не здорово придать скучному залу, снятому для корпоративной вечеринки, вид старинного замка или тихоокеанского пляжа с полным эффектом присутствия? В любом случае, зарабатывали ребята неплохо, а это тоже, согласитесь, не последнее дело.

Однако на факультет прикладной магии меня не взяли, мотивируя отказ тем, что группы полностью укомплектованы. К тому же способности у меня не так чтобы очень выдающиеся, нечего и соваться на престижную специальность. Это было правдой, поэтому я даже не слишком сильно расстроилась: иллюзионист из меня и в самом деле паршивый. К тому же, магам-иллюзионистам нужно еще и богатое образное воображение, а у меня с этим проблемы, облекать свои мысли в образы я умею плохо.

На факультете медицинской магии свободных мест тоже не было, а студенты подвергались еще более строгому отбору, чем маги-прикладники. С простым желанием вроде "хочу научиться лечить людей" нечего было и думать попасть туда. В основном на этом факультете учились люди, уже закончившие мединститут или хотя бы медицинское училище, то есть хорошо знакомые с теми проблемами, с которыми им надлежало бороться.

Было еще одно направление, в обиходе именуемое «сельхозмагией», но туда мне вовсе не хотелось: эти господа занимались ветеринарией и проблемами магического вспомоществования выращиванию различных сельхозкультур в суровых климатических условиях. С животными я всегда ладила не так чтобы очень хорошо, опять же, и ветеринарное училище я не заканчивала. А отправляться после окончания университета куда-нибудь на Дальний Восток и пытаться выращивать там апельсиновые рощи — вот уж увольте!

На мой пристрастный взгляд, только эти факультеты и занимались стоящим делом, переводиться же на другие было все равно что шило на мыло менять. Ну не на исторический же идти, чтобы потом всю жизнь изучать влияние магии на развитие мировой цивилизации и домысливать, что было бы, если бы ее, магии, то есть, и вовсе в природе не существовало. Очень интересное занятие, ничего не скажешь! Были еще, конечно, «связисты», «химики», «физики», «промышленники» и прочая научно-техническая братия, но к таким занятиям у меня никогда душа не лежала.

Судя по всему, проблема была не в том, что преподаваемые на моем факультете общей магии науки были плохи сами по себе, а скорее, во мне самой. Никак я не могла выбрать то, что пришлось бы мне по душе, чем бы я на самом деле хотела заниматься. И виной тому была вовсе не лень, как обычно утверждали мои родители, тому, что мне было интересно, я училась легко и с удовольствием. Впрочем, тому, что мне было не очень интересно, я тоже училась, хоть и через силу, и вполне прилично сдавала экзамены, зато и забывала вы зубренное через неделю. Должно быть, я просто неудачно выбрала университет, решила я в конце концов. Что ж, доучусь здесь хотя бы этот курс, а там, глядишь, и соображу, куда податься. Вполне может быть, что из меня выйдет неплохой бухгалтер или экономист, как из моей матери, а обучиться этому ремеслу никогда не поздно.

Итак, на некоторое время я успокоилась, смирившись с судьбой, но интерес к учебе потеряла почти совершенно.

В один прекрасный день мне достался доклад по истории магии. Делать доклады я всегда терпеть не могла: не люблю торчать посреди аудитории и под одобрительные кивки преподавателя пересказывать заранее подготовленный текст, в то время, как однокурсники

развлекаются по мере возможностей: кто на мобильном телефоне в игры играет, кто в морской бой режется, кто книжку читает. Впрочем, опять-таки, будь предмет интересным, было бы не так скучно. Но, увы, с преподавателями нам отчаянно не везло, даже более-менее занимательную историю магии читали нашему потоку так, что впору было в летаргический сон на лекции впасть.

Тем не менее, сдавать экзамен мне не хотелось совершенно, а поскольку за энное количество подготовленных докладов полагалась простановка оценки «автоматом», то на оные доклады я хоть и не напрашивалась сама, но и отделаться от них не пыталась. В результате мне пришлось идти в библиотеку и торчать там в читальном зале. Тема мне попалась довольно-таки обширная, так что на подготовку я убила не один день. Книжки, как назло, были толстенными, пыльными и чудовищно скучными. С трудом продираясь сквозь хитросплетения пустых слов в поисках полезной информации, я то и дело бегала пить кофе, чтобы не заснуть.

Одна из сотрудниц библиотеки, молоденькая Леночка, тоже не горела желанием сидеть на месте и тоже часто наведывалась в буфет. Там мы познакомились и почти подружились.

Леночка Сливина когда-то тоже пыталась учиться в нашем ГМУ, все на том же факультете общей магии, но не потянула — её вышибли со второго курса. По моему личному мнению, для этого было нужно либо сильно постараться, либо совсем уж ничего не делать. Но Леночка не походила на хулиганку, к тому же казалась прилежной и старательной девушкой. Впрочем, пообщавшись с ней пару дней, я поняла, что Леночка просто глупа до невероятия. Бывают такие люди, в общем-то, приятные и добрые, но совершенно не приспособленные к учебе. В школе они частенько «едут» на тройках только потому, что учителям жаль ставить «пары» славным ребятам, которые никогда не отлынивают от дежурства по классу или, скажем, от подготовки стенгазеты. Но вот в высшие учебные заведения такие люди могут попасть разве что чудом. Впрочем, частенько чудо носит наименование богатых родителей, тогда эти ребята оказываются на платном отделении и еще пять лет предаются блаженному безделью, после чего все те же родители пристраивают обремененное дипломом чадушко на какую-нибудь непыльную работенку.

У Леночки, тем не менее, богатых родителей не было, имелась только пожилая и не очень здоровая мама, работавшая терапевтом в районной поликлинике, а какие у терапевтов зарплаты, говорить не надо, даже на взятку за поступление не наскрести. Поэтому для меня так и осталось тайной, как Леночка умудрилась поступить в университет. Впрочем, возможно, её пристроил тот же доброжелатель, что дал ей место в библиотеке после того, как Леночку все-таки исключили.

Так вот, несмотря на глупость и полную неспособность к учебе, Леночка была очаровательным созданием. Она могла часами болтать о какой-нибудь ерунде и, полагаю, в компаниях её любили. Думаю, и неизвестный покровитель выбрал Леночку не только за внешнюю привлекательность, доброту и отзывчивость, но и за то, что она очень хорошо чувствовала, когда можно поболтать вволю, а когда лучше не напрягать собеседника и благоразумно помолчать. Надо полагать, это своеобразное чутье очень помогало Леночке в жизни.

Вот и сегодня она подошла ко мне, когда я клевала носом в читальном зале (кроме меня, там вообще никого не было!), и спросила:

— Тебе долго ещё?

Я молча кивнула на стопку толстых книг.

— Ну вот... — огорчилась Леночка. — Я думала, ты мне поможешь...

— А что надо? — спросила я, решив, что снова «повис» компьютер с электронным каталогом. Справляться с такой бедой самостоятельно Леночка не умела, страдая, как метко выразился какой-то аспирант, полным техническим кретинизмом. Леночка даже по Интернету без посторонней помощи лазить не умела, и то, что она смогла освоить работу с электронным каталогом, было большим достижением.

— Да вон, книжки по местам расставить, — ответила Леночка. — Вобла умотала внучка из школы забирать, а мне велела закончить с этим делом. А то ведь придет завтра с утра и примотается...

Воблой Леночка называла свою начальницу, Эмму Германовну Штольц, и, надо отметить, прозвище было довольно метким — в профиль Эмма Германовна удивительно напоминала сей морепродукт. Вобла была добрейшей души человеком, и Леночку обожала, однако без взаимности. Дело в том, что Вобла обожала читать мораль и поучать всех и каждого. Каждый день она талдычила Леночке, что пора взяться за ум и попытаться освоить какую-нибудь профессию, хотя бы того же библиотекаря. Само собой, она надоела бедняге хуже горькой редьки, но сказать ей об этом прямо Леночка не могла в силу врожденной интеллигентности...

— Ладно, давай, помогу... — вздохнула я и потянулась. — Хоть разомнусь.

Вдвоем мы быстренько расставили книги на стеллажах и собрались пить кофе. Я, надо сказать, впервые была внутри библиотеки, в смысле, не в читальном зале или на выдаче, а в самом книгохранилище. Надо же, и не знала, что оно такое огромное! Жаль только, большая часть книг — просто макулатура.

— А там что? — кивнула я на металлическую дверь в конце узкого помещения. — Особо ценные экземпляры?

Леночка вдруг посерьезнела и, понизив голос, сказала:

— Вроде того. Туда только народ с шестого этажа навевывается, больше никто...

Шестой этаж нашего университета был окутан тайной. Вроде бы там располагались кафедры, залы заседаний, кабинеты ректора и его замов, но... Как-то я от нечего делать обошла весь университет и почитала таблички на дверях. Все кафедры располагались внизу, кабинет ректора и его заместителей тоже. На долю шестого этажа не оставалось ровным счетом ничего. Ходили слухи, что на шестом этаже проводят какие-то эксперименты, что там расположены секретные лаборатории, что там располагается кафедра боевой магии, хотя руководство университета всегда заявляло, что боевой магией ГМУ не занимается, на то есть особые службы при правительстве страны. Словом, народ болтал всякую чушь. Какие могут быть секретные лаборатории, если там даже никакой охраны нет! Лично я некоторое время считала байки о шестом этаже обычным студенческим фольклором, из одной серии с историями о "красной руке и черной простыне", и только удивлялась, насколько легко окружающие в эти сказки верят. Ведь на шестой этаж можно было свободно подняться! Вот только никто этого почему-то не делал, даже самые отчаянные ребята.

Но теперь я готова была изменить свое мнение. Похоже, слухи рождаются не на пустом месте, а на шестом этаже и впрямь занимаются серьезными делами, раз уж их книжный фонд хранится за стальной дверью!

— Там даже окон нет, — добавила Леночка страшным шепотом. — А ещё мне сказали, что если

я ключ потеряю, меня под суд отдадут, поэтому ключ я в сейфе держу!

Как это нет окон? Если смотреть снаружи, то глухой стены на втором этаже, где расположена библиотека, нет! Значит... значит, это иллюзия, и, надо отметить, мастерская: то на оконном стекле появится трещина, то форточка окажется открытой, то шторы поменяются. Вот это да! Выходит, там может храниться что-то действительно важное!

Я поняла, что больше всего на свете хочу попасть именно в закрытую часть хранилища. И это не так уж сложно проверить... Спрашивается, зачем мне это понадобилось? Жажда знаний одолела или еще что? Тогда я над этим вопросом не задумывалась, а теперь даже не знаю, что сказать. Случается со мной иногда такое: взбредет что-то в голову, совсем как в тот раз, когда я со скандалом отказалась поступать в экономический и подалась в ГМУ, и ведь я непременно этого добьюсь. Правда, желанная цель частенько при ближайшем рассмотрении оказывается совершенно не стоящей таких стараний, но это уж другой вопрос. Это — вечная моя беда. Если бы я давала себе труд задуматься, зачем мне то, что так жажду заполучить, наверно, я бы избежала многих проблем. Но чего не умею — того не умею...

Итак, первым делом я во всеуслышание заявила, что завтра на занятия не приду. Поскольку я в последнее время частенько прогуливала лекции, это никого не удивило, только староста группы стенал, что опять на семинаре по эзотерической литературе окажется всего пять человек, а это уже ни в какие ворота не лезет, при численности группы в восемнадцать студентов! Впрочем, старосту быстро успокоили, предложив ему не командовать, а самому сходить на этот семинар, чем вопрос и был исчерпан.

Домашних я заранее предупредила, что заночую у подруги, что тоже не вызвало никаких подозрений, я частенько забредала к школьной еще подруге, девушке серьезной и целеустремленной, в отличие от меня. Родители считали, что она положительно на меня влияет, поэтому не препятствовали нашему общению. Катерина тоже не теряла надежды наставить меня на путь истинный, поэтому охотно давала приют (благо жила она одна в двухкомнатной квартире, ее родители могли это ей позволить), когда мне окончательно надоедало выслушивать родительские нотации. Ну а самой Катерине я наплела что-то про день рождения однокурсника, празднуемый ночью в общежитии, на который родители меня ни в жизнь не отпустят. Катерина понятливо вздохнула и обещала обеспечить прикрытие. Таким образом, я получила свободу на следующую ночь.

Следующим шагом была несложная операция, в результате которой в Леночкиной чашке с кофе оказалось некое совершенно безобидное снадобье. Кофе Леночка распивала постоянно и охотно угощала всех, кто забредал в библиотеку, меня, например, чем я и воспользовалась. Спустя полчаса Леночка почувствовала настоятельную потребность посетить дамскую комнату, а ещё через час поняла, что лучше бы ей отправиться домой, чтобы не носиться туда-сюда по коридору.

— Иди-ка домой, — посоветовала я ей. — Ты, наверно, что-нибудь не то съела. Опять салат в нашей столовке покупала?

— Ага... — со страдальческим видом ответила Леночка. — Ладно, пойду... Только Воблу предупрежу...

— Иди уж, — вздохнула я. — Я ей сама скажу, пусть она тебе на завтра отгул выпишет.

— Да я сама... — пробовала сопротивляться Леночка, но я была непреклонна.

— Ты что, хочешь, чтобы Эмма тебе полтора часа втолковывала, почему не стоит есть салат в

нашей столовой? — поинтересовалась я. Леночка замотала головой, на лице её отразился неподдельный ужас. — Ну и иди себе. Я к Эмме зайду...

Разумеется, к Эмме Германовне я пойти и не подумала.

План мой строился на очень простом расчете: Эмма Германовна была полнейшим профаном в области магии, хоть и работала в ГМУ. Во всяком случае, она была не способна распознать иллюзию: в этом я убедилась, когда мне срочно потребовался учебник, а книг мне больше не выдавали — я и так набрала под завязку. Тогда я взяла читательский билет у однокурсницы, «надела» её облик и преспокойно получила требуемое. Эмма Германовна ничего не заподозрила, хотя знала всех студентов в лицо — память у неё была феноменальная.

Рано утром я в облике Леночки явилась на рабочее место. Первым делом я выслушала выговор за то, что вчера так безответственно покинула рабочее место, не дожидаясь окончания рабочего дня. Пришлось просить прощения и выслушивать длинную нотацию, после чего я с большим пониманием стала относиться к Леночкиной нелюбви к доброй, в общем-то, но чудовищно занудной пожилой женщине. Счастье еще, что я была закалена родительскими нравоучениями, а потому умела отключаться от произносимых речей, сохраняя на лице виноватое выражение и кивая в нужных местах. Впрочем, в конце концов, Эмма Германовна выговорила и оставила меня в покое.

Я сидела на выдаче. Дело это было несложное, Леночка неоднократно рассказывала мне, по какой системе расставлены книги и как можно быстро отыскать нужную. Разумеется, я не забывала периодически отпрашиваться в буфет за булочками и то и дело наливать себе кофе. К обеду я налилась этим кофе чуть не по уши и задумалась над тем, как можно ежедневно пить этакую гадость в больших количествах. Наверно, у Леночки организм как-то иначе устроен, меня от растворимого кофе уже тошнило.

После обеденного перерыва наступило затишье. Первая смена уже отучилась, а сидеть в библиотеке после занятий никто не жаждал.

— Леночка, — снова завела Эмма Германовна. После дня, проведенного в её обществе, я стала еще лучше понимать Леночку. Последней следовало выписывать молоко за вредность. — Ну почему ты не хочешь учиться? Вот сидишь, читаешь какой-то глупый журнал...

Я и впрямь сосредоточенно изучала «Космополитен», от которого меня тошнило почище, чем от кофе. Но нужно же было поддерживать образ!

— Вот, полистай... — Эмма Германовна подсунула мне пухлый том. — Очень интересно!

Я вздохнула и покорно раскрыла книгу. Хм... «Травник»? Надо же, какое старое издание! В каталоге я такого не видела.

— Сегодня с шестого этажа принесли, а я не успела в хранилище отнести, — подтвердила мои подозрения Эмма Германовна. — Посмотришь — отнесешь, хорошо?

— Конечно, Эмма Германовна, — уныло ответила я. — Только...

— Опять код от сейфа забыла? — всплеснула она руками. — Леночка, ну нельзя же так!

Я покаянно вдохнула и сделала несчастное лицо.

— Вот, пишу тебе код на бумажке, — сказала Эмма Германовна. — Смотри, не потеряй!

Я поблагодарила и уткнулась в книгу. Это действительно был травник, но какой! Никаких нудных поучений и лирических отступлений, всё четко и ясно, растения нарисованы безо всяких стилизаций, вполне узнаваемо, даны подробные инструкции по применению тех или иных трав, дозировка... Я задумалась: а наша преподавательница народной медицины хоть когда-нибудь держала эту книгу в руках? Судя по той ахинее, что она обычно несет — вряд ли.

Я воровато оглянулась, не обнаружила поблизости Эммы Германовны, вынула из сумки маленький цифровой фотоаппаратик, родительский подарок на день рождения, и пересняла несколько особенно интересных страниц. Потом подумала и пересняла еще пару десятков. Неизвестно еще, удастся ли мне проникнуть в хранилище, а травник — вещь полезная даже в повседневной жизни.

К вечеру я засобиралась домой, как обычно делала Леночка, примерно за час до окончания рабочего дня. Эмма Германовна милостиво меня отпустила, обрадованная моим неожиданным интересом к народной медицине, и даже не вспомнила о том, что велела мне вернуть травник в хранилище. Разумеется, я никуда не ушла, а постаралась слиться со стеной в коридоре. Через полчаса мимо меня промаршировала Эмма Германовна, окинула меня взглядом, пробормотала что-то вроде "давно пора стены красить", заперла двери и ушла.

Я осталась в библиотеке одна. Было темно и довольно жутко.

Я достала из сумки фонарик — зажигать верхний свет я опасалась, чтобы не привлекать внимания (мало ли, кто бродит вечерами по университету, вдруг сторож увидит) — отыскала сейф, набрала любезно предоставленный мне Воблой код и извлекла ключ. Вернее, целую связку ключей, в том числе электронный — для отключения сигнализации.

Открывая дверь в хранилище, я чувствовала себя, как одна из жен Синей Бороды. Я, в общем-то, далеко не трусиха, но на этот раз глубоко внутри что-то вроде бы дрожало, а еще ощущалась противная слабость в ногах. Хотя, возможно, это были последствия чрезмерного употребления кофе в течение дня.

А в целом хранилище оказалось не таким уж особенным. Большое помещение было тесно заставлено стеллажами, забитыми книгами, проходы узкие, вдвоем там, пожалуй, и не разминуться. Побродив между стеллажами, я нашла ещё несколько старинных травников. Потом забрела в отдел... боевой магии! Во всяком случае, так значилось на табличке. Ничего себе, вот вам и заверения руководства о том, что ГМУ к боевой магии никакого отношения не имеет! Я сняла с полки один фолиант, другой, пролистала... но не поняла ни слова. Ладно бы там была написана какая-то абракадабра, заклинания все так звучат, но в этих книгах я не узнавала ни одной буквы!

Поддав горькое разочарование, я окинула взглядом хранилище и взяла в руки красивый том под названием "Флора и фауна Северных гор: мифы и реальность". Где располагались эти Северные горы, я не знала, но книга оказалась невероятно увлекательной. Я потратила на неё последние кадры — карта памяти фотоаппарата уже была переполнена, — и вышла из хранилища. Заперев дверь, я включила сигнализацию, убрала ключи в сейф и стала устраиваться на ночлег.

Спать на столе не очень удобно, опять же кофе, будь он неладен, меня здорово взбудоражил, поэтому я предалась размышлениям. Что ж, теперь я, по крайней мере, знаю, что не все в этих стенах маются дурью. На шестом этаже определенно занимаются чем-то серьёзным, но вот кто и чем именно? И как бы это выяснить? Я долго еще разрабатывала фантастические планы проникновения на шестой этаж, и в конце концов все-таки уснула...

Эмма Германовна пришла, как всегда, очень рано. Мне очень удачно удалось выскользнуть из библиотеки, даже не прибегая к иллюзии. Надеюсь, Леночка не слишком удивится, когда Эмма Германовна начнет хвалить её за проявленное вчера рвение и страсть к учебе. Решит ведь, что старушка подвинулась рассудком, но вслух не скажет, потому что постесняется. Разве только приятелям-студентам растреплет. А это нехорошо... Мало ли, кто до чего додумается! Жаль, я не озаботилась этим вопросом раньше. Всегда вот я так, сперва сделаю, потом думаю. Хотя оно того стоило...

Так или иначе, пару дней я не навещала библиотеку. Просто на всякий случай. А на третий день во время одного из семинаров в аудиторию заглянула лаборантка Маша из учебной части и сказала:

— Чернова! Немедленно к ректору!

Я почувствовала, как сердце у меня ушло в пятки. Неужто прознали про мои подвиги? Но что я такого ужасного натворила, чтобы сразу — к ректору?! Почему не к завкафедрой, не к начальнику учебной части?

Ребята уставились на меня с нехорошим любопытством. На подгибающихся ногах я вышла за дверь и спросила Машу:

— В какой кабинет-то?

— В 696-й, — ответила Маша, глядя на меня с некоторой опаской. — На шестом этаже...

— Я уж догадалась, — фыркнула я и пошла к лестнице.

Мыслей в голове не было никаких. Впрочем, присутствовала стойкая убежденность: самое страшное, что могут со мной сделать — так это отчислить. Тут только мне в голову пришла мысль: если книгохранилище на сигнализации, так там ведь и система видеонаблюдения могла стоять, а я об этом даже не подумала! А что меня несколько дней искали — так поди, сличь мою обыкновенную физиономию с фотографиями всех студентов университета... Хотя, возможно, поиски проводились более прогрессивными методами. Если правда то, что говорят о магах-сыскарях, и если хоть один такой у нас в ГМУ есть, мой след ему было взять как раз плюнуть. "Да уж, Чернова, тайный агент из тебя никакой!" — подумала я почему-то весело. Интересно, что мне могут пришить? Проникновение в помещение? Ну, это конечно, само собой. Хорошо, я ничего оттуда не вынесла. Только вот пересняла несколько страниц, а если это секретные сведения, то за такие дела меня тоже по головке не погладят...

Я поднялась на шестой этаж и пошла по коридору, посматривая на номера кабинетов. Значит, 696... Хорошо, не 666... Стоп! В голову мне вдруг пришла ошеломительная мысль: какой ещё 696-й кабинет?! На пятом этаже последний кабинет имеет номер 518! Коридор заканчивается тупиком, в котором есть окно, а через это окно прекрасно видно захламленный двор...

Я почувствовала невольную дрожь в ногах, на этот раз определенно не от кофе. Вообще-то, на шестом этаже было жутковато. Лампы горели тускло, тёмно-красная ковровая дорожка гасила звук шагов, и в коридоре стояла неестественная тишина. "Хватит выдумывать," — велела я себе и, наконец, увидела дверь искомого кабинета.

Я поглядела направо — коридор уходил в бесконечность, определенно не желая считаться с законами архитектуры и конфигурацией скучного здания ГМУ. Я поёжилась и осторожно постучала в дверь.

— Входите, — раздалось в ответ.

Я потянула на себя тяжелую дверь и осторожно переступила порог.

В кабинете было очень темно, тяжелые шторы не пропускали дневной свет, только на огромном письменном столе тускло горела небольшая настольная лампа. Сидящего за столом видно не было, но в круге света, отбрасываемом лампой, были отлично различимы его руки, сцепленные на стопке бумаг.

— Чернова? — осведомился сидящий за столом. Я вдруг сообразила, что он никак не может быть нашим ректором, которого я неоднократно видела — тот довольно пожилой тучный дядька, да и голос у него совсем другой. А кто это тогда? Во что я вляпалась?!

— Да, — выдавила я.

— Думаю, вы догадываетесь, зачем я вас сюда вызвал, — сказал мужчина.

Я промолчала, глядя на его руки. На безымянном пальце левой руки было надето кольцо с довольно крупным матово-черным овальным камнем. Камень пересекала вертикальная золотистая полоска, из-за чего он был неприятно похож на чей-то глаз с кошачьим зрачком. Мужчина расцепил руки — камень словно подмигнул мне — и побарабанил пальцами по столу.

— За допущенную халатность небезызвестные вам Сливина и Штольц будут уволены, — сообщил он. — Несмотря даже на то, что первая пользуется покровительством не последних лиц в этом университете.

"Уж не твоим ли?" — подумала я, но вслух ничего не сказала.

— Вы не будете просить за них или брать их вину на себя? — поинтересовался он.

— А это что-то изменит? — хмуро поинтересовалась я.

— Нет, — ответил мужчина. — Приказ об увольнении уже подписан. А вы будете отчислены за поведение, порочащее звание студентки ГМУ.

"Ну и черт с тобой, — подумала я. — Пойду в экономический."

— Впрочем... — Мужчина поднялся, слегка опираясь кончиками пальцев о столешницу. — Вы могли бы остаться в университете, но с потерей курса.

"Ещё раз выслушивать всю ту дребедень, которой нас пичкали в прошлом году?" — ужаснулась я.

— Вам также придется сменить специальность, — добавил мужчина.

— На какую? — удивилась я.

— Узнаете позже, — ответил он. — Разумеется, в том случае, если вы согласны. Если же нет — дверь у вас за спиной. Документы заберете в учебной части.

— Я... я согласна, — выдавила я, на мгновение представив, какой скандал мне закатят дома, узнав, что я вылетела из университета. Добро бы сама ушла! Хотя, если представить это так, будто я прониклась родительской мудростью и все-таки решила сменить вуз... Нет, не прокатит, предки у меня не дураки.

— Хорошо. — Мужчина снова сел за стол и пододвинул к себе какой-то бланк. Взял было ручку, но тут же отложил. — Сперва вам придется ответить на несколько вопросов.

Я кивнула. Спорить с этим типом мне вовсе не хотелось. Было у него что-то такое в голосе, что заставляло слушаться беспрекословно.

— Зачем вам понадобилось проникать ночью в книгохранилище? — спросил он.

— Ну... — Я не знала с чего начать, а пристальный взгляд из темноты и вовсе сбивал меня с толку. — Я думала...

— Этот процесс ещё доступен нынешним студентам? — удивился мужчина.

Я вдохнула поглубже и выпалила:

— Я хотела узнать что-нибудь действительно стоящее, а не ту муру, которой нам забивают мозги!

— У вас ещё будет такая возможность, — сказал мужчина и написал что-то на бланке. Протянул мне бумажку и добавил: — Явитесь завтра с этим к восьми утра в 618-ю аудиторию. Если опоздаете, можете считать себя отчисленной.

Прижимая к груди листок, я выскочила в коридор. После темноты кабинета тусклый свет ламп показался мне ослепительным. Я взглянула на бумагу. На ней было написано всего лишь несколько слов стремительным почерком. Надо ли говорить, что в написанном я не поняла ни слова?

Глава 2

Тяжело в учении...

На следующий день я примчалась в университет без четверти восемь. Каких усилий мне стоило проснуться в шесть утра, трудно даже представить!

Вихрем взлетев на шестой этаж, я проскакала по коридору... и уперлась в тупик. Очень интересно! Как и на пятом этаже, коридор заканчивался после 618-й аудитории, а через окно в тупичке был виден двор. Интересно, коридор только по ночам удлиняется до невозможности, что ли? Или этот тупик — иллюзия? Или сам коридор — иллюзия? Гадать можно было до бесконечности, чем я и скрашивала время ожидания: аудитория была еще заперта, так что мне пришлось некоторое время помаяться под дверью.

Постепенно подтянулось ещё несколько человек — три парня и две девчонки. Никто из них не сделал попытки заговорить со мной или друг с другом, а взгляды, которыми они обменивались, трудно было назвать дружелюбными.

В конце концов появилась техничка в синем халате и отперла дверь. Мы зашли в аудиторию.

На первый взгляд — ничего особенного. Только зачем-то решетки на окнах, наверно, чтоб никто не выпал ненароком. Или не сиганул с перепугу.

Я заняла своё любимое место — первую парту в крайнем правом ряду, у стены. Как ни странно, именно это место преподаватели обычно обходят своим вниманием, пристально следя за задними рядами.

Одна из девушек села за вторую парту в среднем ряду, вторая, подумав, уселась прямо за ней. Парни заняли ряд у окна, и тоже сели поодиночке. Получился этакий треугольник.

Где-то далеко прозвенел звонок. Я глянула на часы — ровно восемь. В ту же секунду дверь распахнулась, и в аудиторию вошел незнакомый мужчина лет тридцати на вид. Ничего примечательного в нем не было — довольно простое лицо, тускло-зеленые глаза и аккуратно подстриженные русые волосы. В толпе таких лиц тринадцать на дюжину.

Мужчина остановился перед нами, окинул взглядом аудиторию и положил на стол какую-то папку.

— Все на месте, — сказал он утвердительно, и перстень на безымянном пальце его левой руки подмигнул золотой искоркой.

Но даже раньше, чем перстень, я узнала голос — это был тот страшноватый тип, с которым я вчера имела малоприятную беседу! Если он будет нам преподавать, то, может быть, мне лучше сразу уйти, пока не поздно?

— Позвольте представиться, — сказал он. — Игорь Георгиевич Давлетьяров. Куратор вашей группы.

Однако и заковыристое же у него имечко! Язык сломать можно... Кстати сказать, голос у него был куда интереснее внешности, уж во всяком случае, выразительнее.

— Ваш преподаватель немного задерживается, — продолжал Давлетьяров. — Поэтому у нас есть время для решения некоторых организационных вопросов. Для начала я проведу переключку...

Он вынул из папки список группы и назвал первое имя:

— Балашова Маргарита.

— Это я, — сказала высокая брюнетка, та, что заняла вторую парту в среднем ряду. Выглядела она первостатейной стервой, а уж одета была как супермодель. Хотя нынче этим никого не удивишь, по университету передвигаются до того экзотически одетые личности, что иногда даже заснять их хочется на память. Ясно было одно — с этой красавицей мы не подружимся. Я отчего-то, хотя и не обладаю выдающимися внешними данными и на фоне таких вот красоток выгляжу серой мышью, все равно вызываю у них безотчетное раздражение. Видимо, исключительно в силу мерзости характера.

— Вас не учили вставать, когда преподаватель называет ваше имя? — вкрадчиво поинтересовался Давлетьяров.

Маргарита слегка зарумянилась и поднялась из-за стола.

— Садитесь, — сказал ей Давлетьяров минуты через две, когда девушка успела известись под его пристальным взглядом. — Горенко Светлана.

— Я! — вскочила вторая девушка, симпатичная кудрявая блондинка. Про эту я ничего пока сказать не могла. Может, окажется ничего себе человеком, а может, и нет.

— Садитесь. Евдокимов Александр.

— Я. — Евдокимов оказался тощим шатеном с крайне унылым выражением лица.

— Ковалев Алексей.

— Я. — Ковалев тоже был шатеном, только невысоким, с лицом ехидного вундеркинда.

— Федоренко Сергей.

— Я! — Этот был брюнетом, и довольно симпатичным. Светлана тут же начала строить ему глазки, а я сделала для себя вывод, что с мужской частью группы нам не повезло. То есть мне не повезло, Маргарита-то их быстро выстроит по ранжиру. Ну да и Бог с ними...

— Чернова Наина.

— Я, — сказала я, выбираясь из-за стола. На мне скрестились шесть пар взглядов, пять из них — любопытные, а один — равнодушный.

— Итак, все на месте, — повторил Давлетьяров. — Следующий момент. Положите руки на стол.

В некотором недоумении все положили ладони на парты. Светлана определенно смущалась, и было от чего — оказалось, что у этой симпатяшки ногти сгрызены под корень. Впрочем, Давлетьярова этот факт не заинтересовал. По мне он тоже едва скользнул взглядом. Ну, мне-то своих рук стыдиться нечего. Ногти у меня недлинные (а длинные и не отрастают, ломаются), безо всякого там новомодного лака. Просто лак на второй день облезает, а мне лень возиться и наносить его заново.

А вот у стола Маргариты Давлетьяров задержался. Та выложила руки на стол с невероятно самодовольным видом. Ещё бы! Таких длиннющих ногтей — причем не наращенных, а явно своих, — я в жизни не видывала! Похоже, Маргарите никогда в жизни не приходилось мыть посуду... Однако Давлетьяров сию красоту не оценил. Окинув взглядом этот шедевр маникюрного искусства, он холодно сказал:

— Чтобы завтра я этих когтей не видел.

— Но почему?! — возмутилась Маргарита.

Давлетьяров цепко взял её за запястье и очень задушевно произнес, как-то неожиданно перейдя на "ты":

— Потому, что если ты неудачно сбросишь боевое заклинание с таких вот пальцев, то в лучшем случае останешься без руки. Я доступно объяснил?

Маргарита подобострастно кивнула и вроде бы сделалась меньше ростом. Я же, наоборот, сперва обрадовалась, а потом призадумалась. Боевое заклинание! Значит, я всё же не ошиблась, и здесь нам придется заняться чем-то более серьезным, чем прежде. Еще бы знать, чем это может быть чревато...

— Теперь передайте сюда ваши студенческие билеты, — велел Давлетьяров, усаживаясь за стол. Получив требуемое, он что-то пометил в билетах красной ручкой. — Теперь вы будете приходить в университет не через главный вход, а с другой стороны здания. Там есть стальная дверь, воспользуетесь студенческим билетом, как магнитной карточкой на метро.

— А если я его потеряю? — осведомился Ковалев, тот, что походил на вундеркинда.

— Будешь отчислен, — в тон ему ответил Давлетьяров. Судя по всему, после переключки, то есть ритуала знакомства, он не считал больше необходимым разводить реверансы. Лично меня это устраивало, я почему-то страшно неуютно себя чувствую, когда преподаватели обращаются ко мне на «вы» и по имени-отчеству. Отчего-то мне это кажется изощренным издевательством, хотя чаще всего такое обращение в самом деле всего лишь проявление вежливости.

— Доброе утро, — произнес женский голос, и в аудиторию вошла пожилая дама. Под ледяным многообещающим взглядом Давлетьярова мы невольно вскочили, чтобы поприветствовать её вставанием.

— Прошу прощения за опоздание, — произнесла дама, обменявшись с Давлетьяровым приветственными кивками. — Меня зовут Лариса Романовна, я буду читать вам базовый курс практической магии.

— Я вас оставляю, — произнес Давлетьяров.

— Всего хорошего, — царственно наклонила Лариса Романовна седую голову.

Когда Давлетьяров скрылся за дверью, одарив нас на прощание взглядом снулой рыбы, она развернулась к аудитории.

— Итак, — сказала она, — пожалуй, приступим. Не будем тратить время на реверансы, займемся сразу делом. Полагаю, раз уж Игорь Георгиевич счел возможным перевести вас на этот факультет, вы обладаете необходимыми способностями для того, чем мы сейчас займемся. Начнем, пожалуй, с простейшего заклинания материализации. Слушайте внимательно и постарайтесь запомнить...

Заклинание материализации звучало полнейшей бессмыслицей. Только со второго раза мне удалось различить отдельные слова, а там и запомнить всю формулу.

— Теперь смотрите внимательно на мои руки, — велела Лариса Романовна, убедившись, что мы запомнили формулу. — Заклинанию материализации должны сопутствовать определенные жесты. Во всяком случае, до тех пор, пока вы не овладеете им в совершенстве...

С жестами было сложнее. Евдокимову, например, никак не удавался заключительный пассаж. В конце концов и он смог вывернуть пальцы под нужным углом, и тогда наша наставница продолжила:

— Теперь самое главное — совмещение жеста и слов. Проговорите заклинание про себя, сопровождая его необходимыми жестами. Пока не нужно говорить вслух!

Мы добросовестно выполнили требуемое. Я, признаться, чувствовала себя довольно глупо. Эдакий детсадовский утренник: "а теперь, детки, возьмите в руки скакалки!" Но все-таки — материализация предмета! До сих пор мне об этом приходилось только слышать.

— Хорошо, — сказала Лариса Романовна. — Теперь перейдем непосредственно к исполнению формулы. Потренируемся мы, пожалуй, на спичках. Итак, показываю...

Она произнесла формулу, сопровождая её движениями рук, и — я не поверила своим глазам! — на столе перед ней действительно появилась спичка!

— Если кто-то сомневается в подлинности сего предмета, — сказала Лариса Романовна, — можете попробовать прикурить. Сомневающихся нет? Или никто не курит? — Мы немного

нервно захихикали. — Ну что ж, приступим. Начнем, пожалуй... — Она посмотрела в список и решила начать с конца. — Чернова Наина?

— Это я, — сказала я, вставая и внутренне холодея. А ну как у меня сейчас ничего не получится?

— Замечательно. Последовательность действий вы запомнили, теперь осталось подключить воображение, — сказала Лариса Романовна. — В момент завершения формула и заключительного жеста нужно как можно четче представить себе предмет, который вы хотите получить. Итак?..

Я постаралась взять себя в руки и начала выговаривать формулу. Руки автоматически выводили нужные жесты... Спичка? Ага. Что это такое? Такая деревянная щепочка с цветной серной головкой... Мне вдруг вспомнились спички, которые я видела только в раннем детстве — не с коричневыми головками, а со светло-зелеными. Они мне ужасно нравились, я любила клеить из них домики...

Я произнесла последнее слово формулы. Внутри меня что-то вдруг словно напряглось и тут же отпустило.

Я опустила взгляд — на столе передо мной лежала спичка. Точно такая, как я представляла, с зеленой серной головкой.

— Отлично, — удовлетворенно кивнула Лариса Романовна. — Вижу, хотя бы один человек мой урок усвоил. Теперь вы...

Пока все остальные усердно извлекали из воздуха спички, я пыталась прийти в себя. Вот это да! Неужели мне повезло? Неужели я смогу научиться чему-то стоящему? "Да. А потом пойду работать на спичечную фабрику," — добавил внутренний голос.

— Внимание! — постучала по столу Лариса Романовна. — Вы молодцы, первый опыт прошел успешно. Продолжим...

И мы продолжили. Битых три часа мы тренировались на этих клятых спичках, чтобы научиться легко и непринужденно создавать их сперва без помощи рук, потом без помощи голоса, одним лишь жестом, а потом и вовсе одним усилием мысли...

К концу занятий я чувствовала себя, как выжатый лимон, остальные, похоже, ощущали то же самое, но никто не роптал. Видимо, быть отчисленным не хотелось никому. А я задумалась — за какие же грехи попали на этот факультет остальные? Они тоже стремились к закрытым от широкой общественности знаниям или причина в другом? И как это так удачно совпало, что все мы оказались в группе одновременно, считай, в самом начале учебного года?

— Ну что ж, — прервала мои раздумья Лариса Романовна. — Последнее усилие, дети мои, и я вас отпускаю. Итак, что мне от вас нужно? Нужно мне, чтобы вы сейчас создали какой-либо сложный предмет. Разумеется, не спичку, их тут и так более чем достаточно. Ограничиваю я вас только в размерах — предмет должен быть не больше теннисного мяча. Теннисный мяч все представляют? Ну вот и отлично. Приступайте. Даю вам пять минут.

Преподавательница вышла за дверь, оставив нас в некотором недоумении. Я прикрыла глаза, чтобы не отвлекаться, и представила себе яблоко. Яблоко — это ведь сложный предмет, не правда ли? К тому же мне очень хотелось есть. Когда я нервничаю, я всегда хочу есть, хорошо еще, завожусь я не так уж часто, иначе бы разъелась до неприличных размеров.

Итак... Ну вот, ко мне привязалось любимое словечко Ларисы Романовны! Яблоко... Скажем, сорта «уэлси» — они как раз не очень крупные. Такое зелененькое, с красным бочком, блестящее... Если его укусить, сок так и брызжет, мякоть довольно мягкая, кисло-сладкая, а шкурка немного терпкая на вкус, чуть горьковатая...

Я открыла глаза. Ух ты, получилось! Это яблоко определенно просилось в рот!

Оглядевшись, я посмотрела, кто что сотворил. Евдокимов пошел по наиболее простому пути, создав коробок спичек. Перед Ковалевым лежал перочинный нож, перед Федоренко — брелок с эмблемой «Мерседеса». Светлана вертела в руках заколку для волос, Маргарита — карандаш.

— Ну что, все готовы? — В аудиторию вошла Лариса Романовна. — Итак, что у вас? Гм...

Маргарита чиркнула что-то на клочке бумаги своим карандашом и ехидно прошептала, склонившись в мою сторону:

— Карандаш хоть пишет, а твоё яблоко вообще съедобное?

Я почему-то обиделась чуть не до слез и, особенно не раздумывая, ухватила яблоко и откусила едва ли не половину. Яблоко как яблоко. В прошлом году мы чуть не два мешка таких собрали.

— Ну что ж, — весело сказала Лариса Романовна, не без интереса наблюдавшая за мной. — Если продукт магического эксперимента можно есть, это доказывает успешность самого эксперимента! Вы отлично сегодня потрудились, дети мои! Жду вас завтра к половине девятого — в восемь, по-моему, рановато.

— В половине девятого тоже рановато, — пробурчал Ковалев. — Мне добираться два часа...

— Увы, ничего не могу поделать, — ответила Лариса Романовна, демонстрируя тонкий слух. — Расписание составляет Игорь Георгиевич, а он, к вашему несчастью, мало того, что сам жаворонок, так и прочих полагает такими же ранними пташками. Ах да, чуть не забыла. Задание на дом: постарайтесь отработать материализацию предмета сложной конфигурации, покажете завтра. До свидания!

Мы вывалились в коридор и направились к лестнице. Я мельком глянула через плечо. Коридор опять уходил в бесконечность. Нет, это не этаж, а одна сплошная физическая аномалия!

Как ни странно, на следующее утро никто не опоздал. Лариса Романовна вошла в аудиторию без двадцати девяти минут девять и, поздоровавшись, велела приступать к демонстрации домашнего задания. На сей раз для разнообразия она начала вызывать по алфавиту.

Маргарита, лишившаяся своих роскошных ногтей, продемонстрировала маникюрный набор. После этого мы долго не могли упокоиться, а я сделала вывод, что у Маргариты всё же есть чувство юмора. Впрочем, желания сойтись с ней поближе у меня все равно не возникло. Света создала кружевную салфетку с замысловатым узором. Евдокимов никого не потряс, показав блокнот на пружинке, Ковалев выдал игрушечный автомобильчик, а Федоренко — мобильный телефон. Последняя вещь очень заинтересовала Ларису Романовну.

— Сережа, голубчик, а он работает? — вкрадчиво поинтересовалась она.

— Н-нет... — выдавил он.

— А почему?

— Не знаю... — ответил он, вертя в руках трубку. — Дома работал.

— Что-то не верится, — качнула головой наша наставница. — Сережа, ты хорошо себе представляешь, как именно функционирует подобный аппарат?

Наш вундеркинд заметно смутился, а Маргарита весело сказала:

— Ну ты просто старик Хоттабыч!

— Почему это? — обиделся Сергей.

— А тот тоже телефонный аппарат сотворил, — пояснила Маргарита. — Из цельного куска мрамора... с позолотой.

Когда мы перестали смеяться, Лариса Романовна произнесла:

— Рита права. Не зная досконально, как устроен предмет, вы не сможете его создать. Это одно из естественных ограничений, накладываемых природой вещей на использование магии.

Ага. Ну, теперь-то окончательно понятно, отчего в нашем мире, в котором существует магия, промышленность до сих пор не изжила себя! Попробуй, создай сразу, скажем, какой-нибудь трактор... Да что там трактор, даже цветной телевизор! Во-первых, магов, способных на такое, наверняка раз, два и обчелся. Во-вторых, это же нужно тратить время на изучение создаваемых предметов, а я вот, например, вряд ли сумею уловить принцип работы DVD-плеера или хотя бы калькулятора. А если создавать что-то по частям... Извините, это уже просто непозволительный расход потенциала! Ставить даже самого завалыщенького мага к конвейеру, скажем, с литыми колесными дисками, вряд ли кто-то решится. Намного проще и дешевле производить все эти товары вручную...

— Ну что же, у нас осталась одна Наина, — произнесла Лариса Романовна, снова оборвав мои размышления.

Я вздохнула и сосредоточилась. Я приготовила бронзовую статуэтку всадника. Дома я тренировалась на совсем крошечных фигурках, а эту решила сделать побольше.

— Хорошо, — одобрила преподавательница мою работу, наблюдая за тем, как я пытаюсь отдышаться — что-то мне было нехорошо. Потом наклонилась и шепнула: — Знаешь, отчего ты так устала?

— Нет, — мотнула я головой. — Фигурка вроде небольшая...

— Некрупная по размеру, — подтвердила Лариса Романовна. — Но довольно большая по массе. Осторожней впредь, не надорвись.

Отойдя от меня, Лариса Романовна потребовала всеобщего внимания.

— Вот что я хочу спросить, — сказала она. — И постарайтесь ответить честно. Кто из вас не пробовал дома создавать деньги?

Я почувствовала, что краснею, и краем глаза заметила, как Света стала пунцовой, а Рита зачем-то полезла в сумку.

— Пробовали, — констатировала Лариса Романовна. — Ничего постыдного в этом нет. И как, получилось?

— Нет, — ответил Ковалев за всех.

— Хотите знать, почему? — поинтересовалась она и, не дожидаясь нашего ответа, продолжила: — Дело в том, что это заклинание содержит в себе ограничение. Тот, кто его составил, принял меры для того, чтобы у магов не возникало соблазна обогатиться подобным образом. А поскольку заклинание не столь уж сложное, то, сами понимаете, соблазн возникал у многих!

— Нет, ну ладно, — весьма невежливо перебил Ковалев. — Допустим, мы не можем создать купюру, потому что там уйма степеней защиты, мы их всё равно не знаем, так что деньги так и так вышли бы фальшивыми. А вот, например, золотая монета или там алмаз? Почему они тоже не получают?

— А потому, мой дорогой, — ответила Лариса Романовна, — что заклинание было составлено именно в те времена, когда в ходу были как раз золотые монеты и драгоценные камни, а не нынешние бумажки. — Помолчав, она добавила: — Странно, что этого вы не узнали из курса истории магии, вам должны были читать этот раздел еще на третьем курсе...

Я на всякий случай уставилась в парту. Лекции по истории магии я всегда безбожно прогуливала, поэтому не могла сказать, рассказывали там что-то о проблеме создания драгметаллов или нет. Судя по тому, как потупились остальные, они тоже не питали любви к упомянутому предмету.

— А можно это ограничение как-то обойти? — подал голос Евдокимов.

— Ну уж во всяком случае вам это недоступно, — сказала Лариса Романовна. — Впрочем, и мне тоже. Магов такого уровня, чтобы суметь изменить ограничения в базовом заклинании, сейчас не существует. Возможно, в будущем...

Она вздохнула, слегка развела руками, а мне показалось, будто она чего-то недоговорила. Впрочем, Лариса Романовна уже сменила тему:

— Что-то мы заболтались. Приступим к занятиям. Сегодня мы будем отрабатывать дематериализацию.

— Это что, надо первое заклинание наоборот прочитать? — спросил Федоренко, и я поняла, что он уже попробовал. Наверно, создал что-то вовсе уж несусветное и хотел от этого чего-то избавиться.

— Нет, голубчик, — ответила Лариса Романовна. — Слушайте и запоминайте...

Когда мы всё усвоили, она начала, по традиции, с меня. Я сделала всё, как полагалось, чтобы уничтожить свою статуэтку (хоть и жаль было). Она исчезла, но в столешнице почему-то образовалась круглая дыра размером с футбольный мяч.

— Ничего страшного, — поспешила меня утешить Лариса Романовна, провела ладонью над столом, и он вновь стал целым. — Ты дала чересчур сильный импульс. Постарайся лучше контролировать себя. Попробуй ещё раз.

Я попробовала ещё раз и ещё... К концу занятия я настолько хорошо изучила свой стол, что смогла бы работать на мебельной фабрике. Пару раз стол исчезал вместе с участком пола, но в конце концов я научилась соразмерять свои силы. Остальные надо мной откровенно потешались, но вот Лариса Романовна вовсе не выглядела огорченной моими неудачами. Это меня заинтриговало, но выяснить, в чем дело, возможности не представилось, а напрямую я

спросить не рискнула.

Давая задание на дом, преподавательница сказала:

— Предупреждаю вас сразу, дети мои. То заклинание, которому вы сегодня научились, пригодно для уничтожения только неживой материи, причем в ограниченных объемах. Грузовик вы не дематериализуете, и дело не в ваших способностях.

— Опять ограничения? — спросил Ковалев.

— Да, и, к сожалению, вынужденные, — вздохнула Лариса Романовна. — Искренне верю в то, что вы разумные молодые люди, и вам можно доверять, но, к сожалению, Игорь Георгиевич этой моей уверенности не разделяет, поэтому с более сложными заклинаниями придется обождать. До завтра, дети мои. Готовьтесь как следует.

И потянулась учеба. В принципе, учиться было не так уж сложно, если, конечно, не отлынивать и не пропускать занятий. Я уже говорила, что интересным вещам мне учиться легко, а тут скучать не приходилось, так что особенных проблем я не испытывала.

Несколько огорошил нас тот факт, что зачеты у нас будут проходить не по окончании семестра, как принято повсеместно, а каждый месяц. Причем зачеты весьма серьезные: Лариса Романовна, уж на что казалась доброй, на этих мероприятиях выворачивала нас наизнанку! К счастью, базовый курс оказался не столь уж большим и, как только мы освоились с материализацией, дематериализацией, телекинезом и телепортом небольших предметов, Лариса Романовна передала нас другим преподавателям.

Представительный Лев Андреевич учил нас работе с живой материей. Это было не столь сложно, сколько тоскливо и мутно — требовалось до мелочей просчитывать жизненные циклы создаваемых растений и существ, постоянно держать в голове несколько десятков аксиом и правил. Я в очередной раз убедилась, что этот раздел знаний совершенно меня не привлекает, и вовсе не из-за сложности, и окончательно распрощалась с мыслями о медицинском или ветеринарном направлении в магии.

Впрочем, случались и просветы в этих нелегких штудиях. Никогда не забуду тот день, когда мы работали с улитками! Почему-то лучше всего с живой материей управлялся Леша Ковалев: у него и амебы получались особенно прыткие, и кактусы с мухоморами росли, как на дрожжах, теперь вот и улитка бодро ползала по столу. С восемнадцатой попытки получилась улитка и у меня. Как всегда, что-то я упустила, и ракушка у неё оказалась ярко-синяя. Я, правда, сделала вид, что так и было задумано, в эстетических целях, так сказать. А вот у Светы дело не ладилось. То есть еще больше не ладилось, чем у меня, а это, знаете ли, о многом говорит. В конце концов, Лев Андреевич не выдержал и начал помогать ей советами. Но то ли его советы были рассчитаны на более умелых индивидуумов, то ли Света что-то перепутала... Словом, через секунду после заключительного пасса аудиторию потряс сперва дикий Светкин визг, а потом не менее дикий общий хохот.

На столе у Светы лежала улитка, но какая! Бедное существо оказалось размером с хорошего барана, так что студенистые края улиточьего тела свешивались со стола. Не успели мы опомниться, как улитка плюхнулась на пол и резво поползла по аудитории, а Света брякнулась в обморок, надо думать, от переутомления.

Когда совместными усилиями нам всё же удалось избавиться от монстра, оказалось, что половина аудитории перемазана слизью, и ходить по ней не представляется возможным. Словом, нам влетело ещё и за срыв занятия...

Влетело, разумеется, от Давлетьярова, который всегда являлся, как карающий дух, в самый неподходящий момент. И что его принесло в аудиторию именно в это время, ведь неделю к нам не заглядывал! Все бы обошлось, Лев Андреевич сквозь смех обещал нас не выдавать, но не тут-то было. У Давлетьярова, похоже, было какое-то особенное чутье на неприятности, вот и в этот раз он воздвигся на пороге как раз в тот момент, когда мы втроем — Лев Андреевич, я и Ковалев — пытались уничтожить последние следы Светинового конфуза, двое других ребят отмывали парты вручную, а Маргарита приводила в чувство Свету. Случилась немая сцена, после чего посыпались громы и молнии. Досталось даже Льву Андреевичу, правда, в более вежливой форме, чем нам, мы же, простые смертные, были названы большим количеством цензурных по форме, но бранных по содержанию эпитетов, высказанных весьма эмоционально. Изысканно ругаться Давлетьяров умел, это было, по-моему, единственное его достоинство, порой за ним записывать хотелось...

Тем не менее, инцидент был исчерпан, никого не отчислили, и все вернулось на круги своя.

К счастью, животными мы не занимались, ограничившись всякими там моллюсками и червяками. В жизни бы не подумала, что дождевой червь так сложно устроен! Зачет по этому курсу мне, правда, удалось сдать с первого раза, в отличие от Светы, но только потому, что Лев Андреевич мне явно симпатизировал.

Тем временем наступила зима, а у нас начался курс медицины. Всякое там траволечение, заговоры и прочее. Всё бы ничего, но нас отправили на практику в больницу, разумеется, под присмотром преподавателя. Мне очень повезло, что у меня крепкие нервы, и я не падаю в обморок при виде крови. Рита, к примеру, ходила бледно-зеленая и то и дело убегала в туалет. Но, во всяком случае, это было хоть и малоприятное, но настоящее дело. Наверно, именно по этой причине я не пыталась уклониться от участия в различных процедурах, производимых над пациентами. До настоящих магов-медиков нам было далеко, но азы нам все-таки преподали, и оказать посильную помощь, чтобы человек смог дождаться приезда бригады профессиональных врачей, мы были теперь вполне в состоянии.

Кому-то может показаться странным тот факт, что я так мало рассказываю о взаимоотношениях с однокурсниками. Но дело в том, что этих отношений, считай, и не было вовсе. То ли из-за чрезвычайной загруженности, то ли из-за особенностей характера, но никто не стремился наладить близкий контакт, ограничиваясь дежурными приветствиями и общими темами для разговоров во время перерывов. Евдокимов был нелюдим по жизни, Ковалев пресекал любые попытки завязать разговор на личные темы, Рита могла вскользь сказануть такое, что потом неделю не отплюешься, Света тоже не шла на сближение. Я по природе своей предпочитаю наблюдать за всеми со стороны, составляя о них мнение (обычно я не ошибаюсь в своих оценках) и предоставляя сделать первый шаг другим. Увы, единственным, кто однажды попытался наладить общение, оказался Федоренко. Как-то на перемене он подсел ко мне и завел разговор о каких-то пустяках.

— Ты что-то плохо выглядишь, — сказала я ему. — Совсем заучился, что ли? Ты смотри, не перетрудишься!

— Не, — мотнул головой Сережка. Он и впрямь выглядел бледно. — Я это...

Он наклонился ко мне поближе и прошептал:

— Я машину собираю, устал, как собака!

— Как это — собираешь? — не поняла я.

— А вот так! — гордо ответил он. — Разом я её создать не могу, большая больно, да и сложно, сама понимаешь, а если по частям — то очень даже можно. Вчера вот переднюю ось делал, здоровая, стерва, раз пять переделывать пришлось.

— Ты её собрать-то сможешь? — хихикнув, спросила я.

Сергей пожал плечами.

— У меня брат в автосервисе работает, поможет, если что, — сказал он. — Я-то сперва на велосипеде тренировался, ничего, всё получилось... Классный велик, ребятам во дворе загнал.

— Молодец, — сказала я ехидно. — Продолжай в том же духе, через годик сможешь автосалон открыть.

— Да я уж думал, — признался Сергей. — Если меня отсюда вышибут, пойду к брату работать. На запчастях для иномарок знаешь, сколько наварить можно? Их же гонят сотнями, подержанные-то, а там то и дело что-то ломается, это только говорят, что импортные лучше наших. Новые, может, и лучше...

Мне стало противно. Федоренко решил податься в автомобильную мафию, судя по всему. Ну-ну... А казался таким милым парнем! Вслух я этого, конечно, не сказала, просто постаралась поскорее свернуть разговор.

Да уж, много соблазнов у начинающих магов! Впрочем, сама я в то время носилась с не менее привлекательной идеей. Суть её заключалась вот в чем: базовое заклинание материализации содержит ограничение, не позволяющее создавать деньги, драгоценные металлы и камни. Но, если я ничего не путаю, в те невообразимо древние времена, когда заклинание создавалось, о таком драгоценном металле, как платина, никто и слухом не слыхивал... не говоря уж об уране или плутонии... Конечно, с ядерным топливом я связываться не стала, ограничившись платиной. И моя догадка оказалась верной! У меня получилось миленькое колечко, без камушка, правда, зато из чистой платины, о чем мне компетентно заявил оценщик ювелирных изделий... Я не стала зарываться и организовывать преступный синдикат по сбыту платины за рубеж, но колечко носила, тихо гордясь собой... Неужто никто больше до такого не додумывался, принимая на веру, что нельзя создать никакого драгоценного металла? Или догадывались — но предпочитали об этом не распространяться?

Но это всё были цветочки... Ягодки ещё и не показались, когда мы лишились Евдокимова. Он умудрился три раза кряду провалить зачет по народной медицине и на занятия после коротких новогодних каникул не явился. Мы сперва думали, что он заболел, но потом выяснилось, что Евдокимова отчислили за неуспеваемость. Это было странно, тем более, что Рита пересдавала зачет пять раз (только в последний раз ей удалось не грохнуться в обморок при виде кровоточащей раны), но осталась в наших рядах. Очевидно, у Давлетьярова, присутствовавшего на каждом зачете, были какие-то свои критерии оценки студентов. Он, правда, никогда не задавал каверзных вопросов, вообще не подавал голоса, но всегда что-то помечал в своих бумагах. Дорого бы я дала за то, чтобы заглянуть в эти его записки! Давлетьяров вообще был личностью загадочной, у меня, например, не получалось воспринимать его, как обычного человека. Он всегда возникал будто из ниоткуда, обрушивал на наши головы всевозможные кары, и так же исчезал. Словом, это было неизбежное зло, с которым приходилось мириться, хоть и было это нелегко.

Так вот, после Нового года за нас взялись всерьёз, не давая времени на раскачку. К ежедневным практическим занятиям "на повторение" добавился теоретический курс

составления заклинаний. Это было чудовищно, прежде всего потому, что заклинания составлялись исключительно на каком-то древнем языке, который предварительно нужно было выучить. Ещё более ужасным было то, что семинары по этому курсу у нас вел сам Давлетьяров. Поощады он не давал никому и каждое занятие устраивал нам чудовищные разносы то за невыученную лексику, то за грубые грамматические ошибки, то за отвратительное произношение. Мне доставалось чуть меньше, может быть, потому, что я не испытывала особенных трудностей с произношением. Мне и раньше легко давались иностранные языки и, когда в университете я начала учить второй иностранный, немецкий, я не путалась, как многие.

Вот и сейчас Ковалев с мучительными усилиями продирался сквозь зубодробительные буквосочетания «элементарного» учебного текста. Давлетьяров следил за его агонией с брезгливым любопытством, а я наблюдала за Давлетьяровым. Вот бывают же настолько неприятные люди, что это чувствуется на расстоянии, словно от них волны какие-то исходят! Повезло нам с преподавателем, ничего не скажешь...

Давлетьяров стоял ко мне боком, так что я могла полюбоваться его профилем. Ничего особенного, если не считать застывшего на его лице выражения глубокого отвращения. То ли дело Лариса Романовна или Лев Андреевич! Они хоть и драли с нас по три шкуры, так хоть объясняли понятно, интересно и не смотрели, как на безнадежных тупиц. Нет, Давлетьяров (с выговариванием его имени-отчества у меня до сих пор были проблемы) никогда никого не оскорблял прямо, но у него была такая богатая мимика и такой обширный словарный запас...

Вот интересно, сколько ему лет? На вид вроде побольше тридцати, но не намного. Впрочем, ему может оказаться и пятьдесят, по людям с такой внешностью трудно определить их возраст.

— Чернова, ты оглохла? — ворвался в мои размышления резкий голос.

Я встрепенулась, судорожно нашарила глазами место, на котором остановился Ковалев, и продолжила читать. Читала я не то чтобы очень бегло, зато без ошибок. Добравшись до конца абзаца, я сделала паузу, и тогда-то Давлетьяров и отметил не без сарказма:

— Неплохо, но я просил перевести уже прочитанное.

Остальные наблюдали за мной с сочувственным злорадством.

Я почувствовала, что краснею, и принялась переводить то, что читал Ковалев. На моё счастье, текст был действительно не очень сложный. Давлетьяров и не думал меня останавливать, так что мне пришлось переводить и свой кусок. Управилась я как раз к концу занятия.

Народ уже вывалился в коридор, а я, красная, потная и злая — ей-богу, легче картошку копать, чем этот чертов язык учить! — всё никак не могла собраться.

Давлетьяров придержал меня в дверях и своим обычным безразличным тоном произнес:

— Если тебе, Чернова, скучно на моих занятиях, тебя никто здесь не задерживает. Я ясно выражаюсь?

Я молча кивнула и, кипя от злости, направилась домой. Впрочем, на полпути к выходу из университета я вспомнила, что нам было велено получить в библиотеке кое-какие книги, и к тому же сделать по ним задание. Давлетьяров лично подписывал нам разрешения на пользование закрытым фондом и выдавал пропуска и новые читательские билеты. Что он со мной сделает, если я завтра ещё и без домашнего задания явлюсь, подумать страшно!

Я чертыхнулась про себя и отправилась в библиотеку. Там меня ждало некоторое потрясение, в том плане, что на стойкой обнаружилась Леночка Сливина. Впрочем, она тоже вылупилась на меня, как на привидение.

— Ленка? — выпалили мы одновременно. — Наина?

— Тебя же отчислили! — сказала она, справившись с отвисшей челюстью.

— Тебя тоже вроде бы уволили, — фыркнула я. — А ты вот она стоишь, как ни в чем не бывало.

Леночка немного покраснела и торопливо произнесла:

— Ну, давай требования, что там у тебя?

Я выложила пропуск, разрешение, читательский билет и прочие бумажки, открывающие доступ в хранилище. Леночка определенно побледнела и принялась суетливо искать ключи от сейфа.

— Идем, — сказала она наконец и провела меня уже знакомым маршрутом.

Там одна долго гремела ключами (я отметила, что код сейфа, где хранятся ключи, Леночка всё же выучила наизусть), щелкала какими-то переключателями... Той памятной ночью я и то быстрее справилась, хоть и без привычки. Наконец бронированная дверь приоткрылась, и Леночка сказала:

— Иди давай. Инструкции знаешь?

— А то... — сказала я, проникая внутрь.

Ещё бы не знать! Давлетьяров битый час читал нам лекцию по правилам пользования библиотекой. После моего «подвига» там установили новые охранные системы, и теперь мне предстояло испытать их действие на собственной шкуре.

Как и предписывалось, я приложила ладонь к отполированной металлической пластине. Если моих данных нет в списке допуска, мало мне не покажется. Однако обошлось...

Я вошла внутрь, быстренько нашла нужную книгу и направилась к выходу, попутно читая названия на корешках. Теперь-то мне было понятно, что там написано: "Твари огненные и воздушные и способы управления ими", "Краткий курс боевой магии. Раздел первый: огонь", "К вопросу о реальности..."

Реальности чего, я прочитать не смогла, такого слова в моём лексиконе еще не было.

Оформляя книгу, Леночка упорно молчала, не реагируя на мои попытки завести разговор. Впрочем, неизвестно, как ей влетело за мои похождения. Я, может, тоже не захотела бы общаться с тем, кто устроил мне этукую подлянку.

Взглянув на часы, я решила, что задержусь в стенах университета ещё на часок. Время очень позднее, дома никто волноваться не будет — родители уехали на неделю к моей бабушке, — а тащить домой тяжеленную книжищу неохота. Лучше я сделаю задание здесь, сдам книгу, а завтра с утра снова её возьму.

Я снова поднялась на шестой этаж, зашла в нашу пустую аудиторию и углубилась в книгу. Задание оказалось ого-го каким! С грамматикой я кое-как справилась, тексты прочла и даже

половину поняла, оставалось вызубрить весьма обширную лексику, сделать пересказ и ответить на заковыристые вопросы, надиктованные Давлетьяровым. От этих вопросов у меня порой просто мозги закипали, а Давлетьяров в ответ на наш робкий ропот обычно заявлял, что мы просто не умеем думать, а если и пытаемся это делать, то не тем органом, коий природа для думанья предназначила, а каким-то совершенно другим.

Я сидела, уткнувшись носом в книгу, и даже не заметила, как в коридоре погас свет. И подавно не уловила момента, когда уснула, опустив голову на руки...

Я проснулась от того, что кто-то не очень вежливо потряс меня за плечо. Первым, что я увидела, разлепив глаза, была малоприятная физиономия Давлетьярова. Не то зрелище, которого я бы жаждала при пробуждении, уверяю вас!

— Ты знаешь, который час? — будничным тоном спросил он.

Я бросила взгляд на часы... Половина второго ночи!!

— Ой, — вырвалось у меня. Теперь, даже если я захочу уехать домой, ничего не выйдет — метро-то закрылось! Да и смысла нет: мне ехать полтора часа, а к половине девятого — возвращаться в университет. Что ж, один раз я здесь уже ночевала...

— Пойдем, — сухо сказал Давлетьяров, не без интереса наблюдавший за сменой выражений моего лица.

Я сгребла свои вещи в охапку и уныло поплелась за ним. Интересно, он-то что делает ночью в университете?

Идти пришлось далековато — коридорчик-то у нас немереный. Наконец Давлетьяров остановился перед какой-то дверью, отпер её и велел мне:

— Заходи.

Я вошла вслед за ним в небольшую комнатенку. Тесно, вещей мало, в целом — довольно безлико. Стол, стул, на столе компьютер, несколько папок с бумагами, у стены — узкий диванчик.

— Располагайся, — кивнул Давлетьяров на диван. — Дверь я закрою снаружи.

— Спасибо, Игорь Георгиевич, — пискнула я, с перепугу правильно выговаривая его имя-отчество. Смысл фразы насчет двери дошла до меня, только когда в замочной скважине провернулся ключ.

Замечательно! Я прошлась по комнате. За узкой дверью в торце комнаты обнаружился крохотный санузел. Ладно, хоть умыться можно...

За дверью вдруг слышались голоса. Один определенно принадлежал Давлетьярову, второй был женский, смутно знакомый. Я прилипла к двери и превратилась в слух.

— Доброй ночи, — сухо произнес Давлетьяров. — Завтра мы это обсудим.

— Игорь, пойми, ты себя загубишь, — перебила женщина. — Так нельзя! Сколько ночей ты уже не спал?

— Не помню, — сухо отозвался Давлетьяров. — Мне кажется, что это моё личное дело.

— Игорь!..

— Доброй ночи.

Послышались удаляющиеся шаги, потом женщина выругалась вполголоса, кажется, стукнула кулаком по стене. Очень глупо, так и руку отбить можно. Процокали каблуки, и всё стихло.

Оч-чень интересно! Оказывается, в университете кипит бурная ночная жизнь! Жаль, мне никогда не узнать, в чем она состоит...

В комнате было холодно. Я положила под голову сумку, на неё — свернутый шарф, укрылась курткой — хорошо ещё, не сдала её в раздевалку! — и уснула. Кошмары меня не мучили.

Я проснулась, как обычно, без четверти семь. Попробовала ещё подремать, но скоро поняла, что из этой затеи ничего не выйдет — я всё боялась проспать. В конце концов я встала, умылась. Отчаянно хотелось почистить зубы. Минут через десять я догадалась-таки сотворить зубную щетку. С зубной пастой дело не заладилось, пришлось ограничиться мылом. Если вы никогда не чистили зубы мылом, лучше и не пробуйте — это на любителя.

Кое-как отплевавшись, я поняла, что хочу есть, и сотворила себе бутерброд. Хлеб удался, а вот с колбасой вышла незадача. Пришлось удовольствоваться сыром, который я не люблю, но который у меня отлично получается. Попытки выпить чаю тоже ни к чему не привели, должно быть, мои способности еще не соизволили проснуться, так что я обошлась водой из-под крана.

Заморив таким образом червячка, я устроилась на диване, решив доделать задание. Как выяснилось, работы оставалось всего ничего, и я управилась как раз вовремя — ровно в восемь дверь распахнулась, и на пороге возник Давлетьяров. Я с любопытством взглянула на него — раньше я как-то избегала встречаться с ним взглядами. Хорошо были видны тени под глазами, а утренний свет резче обозначил ранние морщины. Похоже, у него и седина есть... Сейчас Давлетьяров выглядел не на тридцать, а на все пятьдесят с гаком.

Я бочком протиснулась мимо него в коридор и встала у стеночки, подобострастно ожидая распоряжений. Давлетьяров запер комнату и бросил мне через плечо:

— Передай своим, что семинара сегодня не будет.

Я молча кивнула и поспешила в свою аудиторию.

Понятно, мое известие было встречено бурей восторга — как выяснилось, все поголовно забыли о том, что нужно заглянуть в библиотеку, и ожидали справедливого разноса. А я, стало быть, пострадала ни за грош...

Я сидела на лекции, старательно записывала и попутно размышляла о том, что Давлетьяров, в сущности, не такой уж отвратительный тип. Конечно, характер у него чудовищный, да и самомнение будь здоров, но... он мог вчера выставить меня на улицу, мотивируя это тем, что ночью находиться в здании университета запрещено. Однако ж не выставил, а даже обеспечил вполне культурный ночлег. Или он просто не хотел, чтобы я увидела или услышала то, что мне видеть и слышать не полагалось? В ночных событиях определенно крылась какая-то тайна, но разгадать мне её было не под силу. Не шпионить же за Давлетьяровым! От одной мысли об этом меня передернуло, вернее, не от самой идеи шпионажа, а от предположение о том, что со мной сделает Давлетьяров, если застукает, а застукает он меня наверняка. Нет уж, увольте...

Впрочем, на данный момент ещё одна проблема требовала разрешения, а именно: почему Леночка была так уверена, что меня отчислили? Поверила кому-то на слово? Я не поленилась и прошлась на свой бывший этаж. Там, на доске объявлений возле учебной части, всё ещё висел список отчисленных в прошлом семестре. Я без особого удивления обнаружила свою фамилию. "Отчислена за поведение, порочащее звание студентки ГМУ". Я хмыкнула и направилась на другой этаж. Через час я обнаружила на стендах возле учебных частей разных факультетов все знакомые фамилии: Евдокимов, Ковалев, Федоренко, Балашова, Горенко, причем последние двое были отчислены не осенью, а еще весной. И все с одной и той же формулировкой: "за поведение, порочащее звание..." Весьма обтекаемая формулировка, надо отметить... Знать бы, что натворили остальные? И ведь не спросишь, а спросишь, так не ответят!..

Дни потянулись своим чередом. Давлетьяров третировал нас, как и прежде, а меня так и ещё больше. Стоило мне разок опоздать на занятия, как он повадился давать мне индивидуальные задания, да такие, что меня порой оторопь брала. Однако приходилось делать — на все просьбы и мольбы о пощаде у Давлетьярова был один ответ: "Тебя никто здесь не держит".

Правда, через пару недель он от меня отстал и взялся за Маргариту. Свету он вообще частенько доводил до слез, а с нашими парнями у него были крайне напряженные отношения. Проще говоря, они его терпеть не могли. Словом, Давлетьяров был человеком, способным восстановить против себя кого угодно. Меня всегда удивляло, что остальные преподаватели относятся к нему едва ли не с нежностью, особенно Лариса Романовна. И это при том, что с ними он вел себя ничуть не любезней, чем с нами!

В тот день я, как обычно, приехала в университет слишком рано. Это всё из-за дурацкого расписания автобусов в нашем районе: если я еду на одном, то приезжаю на двадцать минут раньше, чем надо, а если на следующем — то опаздываю на полчаса. Маршрутки у нас в это время ходят набитыми по самую крышу, в них при всем желании не влезешь, да и боюсь я на них ездить, там что ни водитель — так несостоявшийся гонщик с комплексом неполноценности, их хлебом не корми, дай бензовоз подрезать. А телепортации нас хоть и научили, но только применительно к небольшим предметам. Перемещать в пространстве свою драгоценную персону я бы лично не рискнула.

С нашими преподавателями лучше не опаздывать, поэтому я езжу на первом автобусе, а потом маюсь под дверью аудитории в гордом одиночестве, поджидая своих. А сегодня мне даже подремать в метро не удалось: столько было народу, что не нашлось не то что свободного сидячего места, а даже и стоячего. Так что я всю дорогу висела на поручне, от нечего делать разглядывая пассажиров. Кто спал, кто читал... Причем многие читали романы из бесконечной саги о Гарри Поттере. По-моему, он там уже пенсионер... Разумеется, ничего общего с действительностью книги не имеют — где ж вы видели современного мага с совой на плече и в черном балахоне с каббалистическими знаками? В лучшем случае на нем будет лабораторных халат! — но ими всё равно зачитываются. Одна из многих странностей жизни, о которых можно поразмыслить, пока едешь в метро, чтобы не заснуть.

Я зевнула и огляделась. На шестом этаже всегда совершенно безлюдно. Меня сильно занимал этот факт: ведь кроме нашей группы, должны быть группы, старшие нас на год и на два, верно? Почему же мы с ними никогда не сталкиваемся? К настоящему моменту я успела нахвататься сведений о таком явлении, как разграниченные пространства, и вопрос отпал сам собой. Шестой этаж как раз и был таким разграниченным пространством, в котором никогда не сталкивались те, кому встречаться не полагалось.

Пока я подпирала стену, с коридором начали происходить обычные утренние метаморфозы: тупик, которым он заканчивался, вдруг заколебался и растворился, открывая бесконечный ряд дверей. Вдалеке, кстати говоря, виднелся Давлетьяров — я узнала его по походке. Похоже было, что он разговаривает с кем-то невидимым. Пару месяцев назад я приняла бы такое поведение за несомненный признак сумасшествия, но сегодня только уважительно вздохнула: Давлетьяров определенно общался с кем-то через разграничитель. То есть он сам находился в нашем пространстве коридора, а его собеседник — в чужом. А на это, если верить нашему лектору, способны немногие!

Беседа, судя по всему, была не из приятных. Во всяком случае, выражение лица у Давлетьярова было довольно-таки свирепым. А потом начались такие страсти, что я вжалась в стену и пожалела о том, что вообще сегодня приехала в университет. Сперва Давлетьяров остановился, развернулся лицом в невидимому собеседнику и что-то резко произнес. Потом отшатнулся, отступил на несколько шагов — создавалось впечатление, будто его сильно толкнули. Впрочем, Давлетьяров тут же вернулся на исходную позицию, странным жестом выставив перед собой раскрытую ладонь и словно отталкивая ею кого-то. Напряжение, судя по всему, он испытывал страшное — даже с моего места было видно, как дрожит его рука и как ходят желваки на скулах...

Внезапно странная дуэль прекратилась. Давлетьяров сделал несколько шагов вперед — так бывает, когда ломишься в закрытую дверь, а её внезапно распахивают у тебя перед носом. Наверно, невидимка оставил сопротивление, и Давлетьярова повело вперед. Он остановился посреди коридора, низко опустив голову и тяжело дыша. Направился было в мою сторону, но его так шатнуло, что он вынужден был остановиться. Потом он прошел ещё несколько шагов на подгибающихся ногах, придерживаясь рукой за стену, но почти сразу же остановился снова, привалившись к стене.

"Интересно, почему я всегда влипаю в истории?" — спросила я себя, легкой трусцой приближаясь к Давлетьярову. Сперва я тайком проникла в библиотеку, потом заснула в аудитории, теперь вот оказалась нечаянной свидетельницей не пойми чего... Подозреваю, видеть этого мне не полагалось, и я предпочла бы юркнуть в аудиторию и подождать, пока Давлетьяров пройдет мимо, но... судя по всему, с ним что-то было не так.

— Игорь Георгиевич? — осторожно позвала я, подойдя поближе. — С вами всё в порядке?

— Чернова?.. — В вопросе не прозвучало особенного удивления.

Давлетьяров поднял голову, и я невольно шарахнулась. Только через пару секунд я сообразила, что ему вовсе не раскроили череп, а просто у него пошла носом кровь. Он сунул руку за пазуху, и мне на минуту показалось, что сейчас он достанет пистолет и избавится от ненужной свидетельницы.

— Что смотришь? Иди, намочи, что ли...

Давлетьяров протягивал мне белейший носовой платок. Мне ничего не оставалось кроме как сгонять в дамский туалет (счастье ещё, что он не в другом конце коридора) и выполнить требуемое.

Давлетьяров привел себя в порядок, безрезультатно попытался отчистить пятна с пиджака, скомкал платок и сунул его в карман. Взглянул на меня — белки его глаз были покрыты сеточкой полопавшихся сосудов, словно он действительно вынужден был совершить чрезмерное усилие.

— Ты что-то видела? — спросил он определенно с намеком.

— Абсолютно ничего, — поняжливо ответила я.

Давлетьяров кивнул, оторвался от стены и... исчез! Вернее, шагнул за разграничитель. Да это... это... Наш лектор утверждал, что такое вообще невозможно в произвольном месте и в произвольное время, что это требует определенной подготовки! Какой же силой обладает Давлетьяров? И тот, с кем он сегодня повздорил?

"Как хорошо, что больше Давлетьяров не будет вести у нас занятия!" — вот что пришло мне в голову, и я постаралась как можно скорее выкинуть произошедшее из памяти. На этот раз мне почему-то совсем не хотелось разбираться в произошедшем.

Незаметно прошел второй семестр, и нас огорошили очередной радостной вестью: летних каникул у нас не будет. Правда, занятия будут проходить через день, но от этого не легче! Положим, родителям я могу объяснить такое положение вещей летней практикой, но ладно родители! Мне-то тоже хочется летом отдохнуть и побездельничать вволю!

Впрочем, деваться было некуда, и, стиснув зубы, я приготовилась к очередным испытаниям.

Как выяснилось, именно испытаниями наши летние занятия и назывались. Вернее даже, полевыми испытаниями по боевой магии. Я, когда услышала, чем мы займемся, едва не лишилась чувств. Нет, я этого очень хотела, но так скоро! И потом... к чему нам сейчас боевая магия? Из того, что я смогла понять из лекций наших дорогих преподавателей, выходило, что мы — все еще полные дилетанты по части настоящей магии, и такими останемся еще долго. Учить нас боевой магии — все равно что маленькому ребенку давать в руки пистолет! (Я была не слишком высокого мнения о благоразумии своих однокурсников.) Хотя, наверно, у руководства свои резоны, вот еще понять бы их...

Ещё хуже мне стало, когда за нами пришел преподаватель, чтобы отвести нашу группу на полигон. Думаю, несложно догадаться, кто это был. Я так поняла, что Давлетьяров на все руки мастер.

По причине чрезвычайно теплой погоды Игорь свет Георгиевич расстался с неизменным тёмным костюмом и предстал перед нами в джинсах и рубашке с коротким рукавом. Парадоксальным образом этот молодежный наряд его старил.

Полигон располагался за главным корпусом университета. Собственно, я сперва удивилась, поскольку никакой площадки там и в помине не было, а был только узкий газон, за которым сразу начиналась оживленная магистраль. Однако оглядевшись, я обнаружила, что главный корпус виден словно сквозь некую дымку, и то когда смотришь на него прямо. Стоило отвести взгляд, и здание начинало расплываться, приобретая весьма странные очертания. Тут уж имело место не просто разграничение пространства, а самое что ни на есть его искривление. Этот несчастный полигон вообще мог располагаться за сотню километров от университета.

Давлетьяров построил нас в подобие шеренги и произнес краткое вступительное слово. Из слова этого следовало, что боевая магия — вещь опасная, это раз. Отвечает за наши жизни он, Давлетьяров, и ему это очень не нравится — это два. Если кто-то посмеет нарушить технику безопасности, то моментально вылетит из университета — это три.

По завершению речи Давлетьяров принялся объяснять нам азы. Это оказалось не очень сложно, и вскоре даже у чрезмерно боязливой Светы начали недурно получаться огненные

шарики. Сперва мы метали их в пространство, пока Давлетьяров не скомандовал отбой.

— Вон там — мишень, — сообщил он, и одновременно с его словами на изрядном расстоянии от нас возникла мишень. — Задача ясна?

И битую неделю мы лупили по этой чертовой огнеупорной мишени... Передохнуть можно было только если у тебя оказывалось девять попаданий в яблочко из десяти, не меньше. Давлетьяров при этом ещё ехидно замечал, что делает нам поблажку ввиду нашей полной несостоятельности.

Погода стояла чертовски жаркая для начала лета, да ещё эти огненные шары... К вечеру мы выматывались так, что впору было лечь на травку, да так и лежать до следующего дня. Нам вообще-то были обещаны занятия через день, но Давлетьярову было начхать на все обещания. Он гонял нас так, словно на следующую неделю была намечена Третья мировая война с нашим непременно участием.

— Я усложняю вам задачу, — заявил он неделки через две.

Мы тихо застонали.

— Будете учиться перехватывать заряд, — сообщил Давлетьяров. — Встаньте в круг...

Последующее здорово напоминало игру в мяч, только вместо мячика мы перебрасывались огненными шариками. Это было довольно забавно, вот только Рита опалила волосы, а я прожгла здоровенную дыру на футболке.

Затем задача была усложнена ещё больше.

— Вы получаете заряд, — скомандовал Давлетьяров, — и передаете его дальше, немного усилив. Немного, я сказал! Начали!..

Это опять-таки было несложно: поймал заряд, добавил чуть-чуть энергии, передал дальше... Я справлялась с этим играючи, и мне было решительно непонятно, почему Сергей с каждым разом всё дальше собирается с силами, добавляя заряд, а Света болезненно морщится, получая от меня передачу.

— Стоп! — скомандовал Давлетьяров, когда я готовилась в очередной раз отдать Свете выросший до изрядных размеров огненный шарик.

Я замерла на месте, в моей руке слабо пульсировало крохотное солнце, покалывало пальцы и щекотало ладонь.

— Горенко, вышла из строя, живо, — велел Давлетьяров.

— Почему? — удивилась она.

— Хватит с тебя, — понятно объяснил Давлетьяров. Света отошла в сторону с выражением явного облегчения на лице. — Продолжайте!

Эта игра длилась ещё минут десять. За это время выбыли Рита и Лёша Евдокимов. Остались мы с Сергеем. Мы ещё пару минут перебрасывались шариком, пока я не заметила, что Сергей стал подозрительно бледен. Я поняла, что он выбился из сил, но до такой степени не желает проигрывать мне, девчонке, что в жизни в этом не признается. Я бы могла первой выйти из

игры, притворившись уставшей, как это сделала Рита, но во мне разыгралась спортивная злость. В конце концов, я не стыдилась признаться, что у меня плохо получается работать с живой материей, а Серега всегда бахвалился своими успехами. Почему же я должна уступать сейчас?

— Хватит, — приказал Давлетьяров, и я снова застыла с огненным шаром в руке. — Давай мне.

Я послушно переправила ему заряд. Огненный шарик лег Давлетьярову в ладонь, померцал пару секунд... и угас.

— Недурно, — сказал он, смерив взглядом тяжело дышащего Серегу. — Немного изменим задание. Правила практически те же самые. Вы получаете заряд, но не передаете его сразу, а поглощаете. Затем генерируете новый, чуть более сильный — Чернова, это к тебе относится! Чуть более сильный, а не впятеро сильнее! — и передаете дальше. Уяснили? Тогда начали.

Это было немного сложнее, тем более, что Давлетьяров задал приличный темп. Поглощаемый заряд вызывал неприятную щекотку, а мне ещё постоянно приходилось следить за собой, чтобы не переборщить с собственным зарядом.

Из круга выбывали почти в той же последовательности, только Света на этот раз продержалась на удивление долго. Уже вышли Рита, Леша, Сергей, а мы всё развлекались. Наверно, дело было в том, что в этой «игре» мы не только отдавали энергию, но и получали её, что облегчало задачу. Я уж было решила, что Светка меня переиграет, но Давлетьяров всё же скомандовал:

— Стоп. Чернова, заряд мне!

Я выполнила приказ, из чистой вредности чуть прибавив энергии.

— Ну почему? — заныла Светка. — Я ещё могу...

— Чернова! — не обращая на неё внимания, рявкнул Давлетьяров. — Ты намеренно пропускаешь мои слова мимо ушей? Таким зарядом ты могла её убить!

Светка немного побледнела, а я мысленно зарычала. Вот гад! Что ж он думает, я совсем дура, посылать Светке такой силы заряд? Я же вижу, что ей его не принять!

— Закончили с игрушками, — резко сказал Давлетьяров. Сегодня он был, судя по всему, в особенно дурном настроении. — Мишень все видят?

Мишень стояла на прежнем месте.

— Объясняю один раз, — произнес Давлетьяров. — Принцип всё тот же. Вы посылаете заряд в мишень, он возвращается, но заметно усиленный. Ваша задача — перехватить его, поглотить и при этом остаться в живых. Поэтому не усердствуйте особенно. Чернова, ясно тебе?

— Ясно, — буркнула я. Что ж он ко мне прицепился-то? За полную идиотку держит, что ли?

Первым пошел Леха. Задача немного осложнялась тем, что стоять надо было спиной к мишени, а генерировать и посылать заряд только по команде Давлетьярова. Леха попал в мишень в пятого раза, правда, заряд перехватил лихо. Рита особенно не усердствовала, поэтому отстрелялась быстро, поставив «огнемет» на минимум. Сергей справился вполне сносно, а Света, хоть и попадала в мишень, никак не могла заставить себя поймать возвращающийся заряд. Наконец настала и моя очередь.

Я встала спиной к мишени, внутренне собралась, но команда всё равно прозвучала неожиданно. Я обернулась, нашарила глазами мишень, одновременно генерируя заряд, и послала его точно в цель. Секундой спустя я сообразила, что сделала что-то не то. Когда же я поняла, какой силы заряд ко мне вернется, я в буквальном смысле слова остолбенела.

— Ложись!! — Сильный удар сбил меня в траву, и тут же над моей головой пронесся огненный шквал. Краем глаза я увидела Давлетьярова, принимающего на себя весь чудовищной силы энергетический поток.

Через пару секунд я решила приподнять голову от земли и оглядеться. Наш полигон пересекала изрядной ширины выжженная полоса, мишени вообще не было, ребята осторожно поднимались на ноги, а Давлетьяров стоял надо мной, отряхивая сажу и пепел, и так замысловато матерился, что я даже заслушалась.

Давлетьяров чуть ли за шиворот вздернул меня на ноги, сильно встряхнул и проорал прямо мне в лицо:

— Ты соображаешь, что делаешь?! Голова у тебя на плечах есть?!!

— Я... я... я не нарочно!.. — начала я заикаться с перепугу. Я же действительно не нарочно! Что я идиотка, такие фокусы устраивать?

— Завтра же твоей ноги здесь не будет!! — продолжал бушевать Давлетьяров.

— Игорь Георгиевич... — смогла я вставить словечко. — У вас кровь...

Давлетьяров как-то сразу успокоился, отпустил меня и, прижимая к носу быстро намокающий алым платок, скомандовал нам возвращение в стены родного университета.

На следующий день полевых испытаний у нас не было, и я потащила в библиотеку. В дороге меня перехватила Лариса Романовна. Я удивилась — она уже давно ничего у нас не вела, что ей могло от меня понадобиться?

— Добрый день, Наина, — поздоровалась она.

— Здравствуйте, — несколько обескураженно ответила я.

— Наина, я бы хотела с тобой поговорить... — начала Лариса Романовна, и я напряглась. Уж не поручил ли ей Давлетьяров сообщить мне радостную весть об отчислении? — Об Игоре Георгиевиче...

— Чего-о?! — У меня глаза на лоб полезли.

Лариса Романовна словно и не заметила моего остолбенения, продолжая:

— Я знаю, он вчера грубо с тобой обошелся, сгоряча пригрозил отчислением...

— Да я сама виновата, — попробовала я отбиться. — Не рассчитала немножко. У меня, знаете, как будто предохранителя нет — срабатываю сразу на полную мощность...

— Ничего, с возрастом научишься управлять собой, — приободрила Лариса Романовна. — Я просто хотела предостеречь тебя от ошибки... Понимаешь, пару лет назад здесь училась одна девочка, очень талантливая, но... чрезмерно ранимая. Один раз Игорь вот так же сорвался,

накричал на неё — и она ушла. Мы всем коллективом убеждали её остаться, но тщетно...

— Ну я ж не тургеневская барышня, — буркнула я. — Подумаешь, наорал. Не отчислил бы...

— Нет, что ты, тебя не отчислят, — успокоила Лариса Романовна. — Во всяком случае, из-за этого происшествия... Просто я хотела предупредить, чтобы ты не принимала близко к сердцу всё, что может наговорить Игорь.

— Вы, конечно, извините, — не выдержала я, — но он мог бы быть и повежливее...

— Не суди его строго, Наина, — серьёзно сказала Лариса Романовна. — Игорь блестящий маг, действительно талантливый, сейчас таких очень мало. К сожалению, он вынужден был оставить практическую деятельность и заняться преподаванием. Естественно, ему это не нравится...

— А почему он практику бросил? — поинтересовалась я.

— На то были свои причины, — уклончиво ответила пожилая дама. — Могу лишь сказать, что в молодости он наделал ошибок, за которые до сих пор расплачивается...

Я вздохнула.

— Он что, базовое заклинание попытался изменить?

— Нет, что ты! Он прекрасно понимал, что такое даже ему не под силу, — улыбнулась Лариса Романовна. — Наина, я бы охотно рассказала тебе... хотя бы для того, чтобы ты не повторила его ошибок, но — не могу. Извини, это не мои секреты.

— Да я ничего... — пробормотала я.

— Ты уверена, что у тебя всё в порядке? — уточнила Лариса Романовна.

— Да конечно! — сказала я. — Я ж говорю — я не кисейная барышня, и какая-то там ругань на меня не действует.

— Отлично, — кивнула она, и мы распрощались.

Днем позже я как ни в чем не бывало явилась на полевые занятия. Сегодня мы отрабатывали электрические заряды, что было сложнее, чем заряды огненные — требовалось особым образом держать руки. Давлетьяров чуть не сорвал голос, объясняя нам, как и что нужно делать.

В конце концов получилось у всех, кроме меня. Мне никак не удавалось уловить нужную позицию, и я поняла, что ещё парочка ехидных Лешкиных замечаний или Ритина улыбочка, и я позорно разревусь. Я стиснула зубы и попыталась ещё раз. Безрезультатно.

— Локоть выше, — произнес голос у меня над ухом. — Кисть чуть доверни вправо. Да не так же...

Я была готова провалиться сквозь землю, когда Давлетьяров, встав позади меня, взял меня за локти и поставил мои руки в нужную позицию.

— Пробуй, — велел он.

Я послушно дала импульс... и между моими напряженными пальцами проскочила-таки зеленоватая искра, оставив после себя неприятное покалывание в кончиках пальцев. Давлетьяров, хлопнув меня по плечу, отошел. Я, честное слово, не знала, куда деться, и только через несколько минут до меня дошло, что ребята посматривают на меня не с ехидцей, а с невольным уважением и даже завистью. До сих пор Давлетьяров ни разу не достаивал кого бы то ни было личной консультации, не говоря уж о помощи! Интересно, это его Лариса Романовна накрутила, или он и в самом деле чувствует себя виноватым из-за того, что обругал меня вчера последними словами? Скорее первое, конечно. Угрызений совести у такого субъекта нет и быть не может!..

Так или иначе, но помощь оказалась своевременной, и вскоре я догнала и перегнала признанного было первым «громовержца» — Леху. Правда, я старалась соразмерять усилия, так что на этот раз обошлось без эксцессов.

К счастью, эта часть курса быстро закончилась, Давлетьяров оставил нас в покое, и у нас появился новый преподаватель. Это был ветхий на вид, но необычайно резвый дедок Афанасий Никитич. Между собой мы звали его дедом Афоней, и он, по-моему, отлично об этом знал. Дед Афоня преподавал нам левитацию. Это было нечто! Сам дед, похожий на старика Хоттабыча, весело кувыркался в воздухе метрах в пяти над землёй, наблюдая за нашими отчаянными попытками оторваться от земли и ехидно комментируя происходящее. Внешне это очень смахивало на то, как орел поглядывает сверху вниз на глупых кур, бестолково хлопающих крыльями.

За этими экзерсисами незаметно кончилось лето. Снова начались аудиторские занятия, появились новые, ещё более сложные предметы. Не стану их называть, всё равно обывателю эти наименования ничего не скажут. Давлетьяров у нас больше не появлялся. Странно, но мне было как-то скучно без его ядовитых нотаций. Остальные же преподаватели были подчеркнута вежливы и никогда не позволяли себе повышать голос.

В одно сентябрьское утро я, как всегда, очень рано заявила в университет. Коридор ещё не подвергся утренней метаморфозе, он благополучно оканчивался тупичком с окном во двор. У этого окна спиной ко мне стоял Давлетьяров, курил и мрачно смотрел вниз. Я уж было собралась нырнуть в аудиторию, пока он меня не заметил, но тут он затянулся особенно глубоко, закашлялся, с отвращением посмотрел на сигарету и затушил её о подоконник. Запах дыма достиг и моих ноздрей, и у меня тоже запершило в горле — большей гадости я в жизни не нюхала.

Давлетьяров резко обернулся.

— Чернова? Опять ты? — недовольно спросил он.

— Здравствуйте, — не нашлась я сказать ничего лучшего.

— У тебя удивительная способность оказываться в неподходящем месте в неподходящее время, — сказал Давлетьяров, игнорируя моё приветствие. — Какого черта ты притащилась сюда в такую рань?

Я начала путано объяснять про отвратительно составленное расписание автобусов, из-за которого я приезжаю то слишком рано, то чересчур поздно. В последнее время, к тому же, автобусы взялись ходить даже не по этому жуткому расписанию, а просто как им заблагорассудится.

Давлетьяров определенно потерял ко мне интерес, снова отвернулся к окну и полез в карман

за сигаретами. Вообще-то странно, я раньше никогда не видела, чтобы он курил.

— Игорь Георгиевич, — решила я наконец. Я уже давно хотела это сказать, да всё случая не подворачивалось: то народ вокруг толчется, то сам Давлетьяров в отвратительном настроении, так что к нему на кривой козе не подъедешь.

— Что, Чернова? — спросил он, не оборачиваясь.

— Игорь Георгиевич, я хотела... — начала я, но сразу забыла все заготовленные слова. — Ну, тогда, летом... Я действительно не нарочно это сделала... Просто вы скомандовали так неожиданно, а я когда быстро что-то делаю, не успеваю себя проконтролировать. У меня как будто предохранитель отказывает...

Давлетьяров повернулся ко мне, и во взгляде его мне почудился интерес.

— Если бы я знал это раньше, — сказал он, — ты никогда не получила бы зачет. Впрочем, и сейчас не поздно исправить положение.

— Сейчас я уже научилась с собой справляться, — поспешила я сказать.

— Да? — Давлетьяров иронически приподнял брови. — Тогда... зажги мне сигарету, что ли...

Я обиделась было, но потом решила, что с него станется стереть собственную подпись из моей зачетки. Парадоксально, но факт — минимальное усилие всегда давалось мне тяжелее, чем работа на полную мощность. Впрочем, на этот раз всё обошлось, и на кончике сигареты затлел крохотный огонек.

— Придется тебе поверить, — хмыкнул Давлетьяров. — Учти на будущее: не умеющий себя контролировать маг хуже даже мага-недоучки.

— А Лариса Романовна говорила, что хуже мага-недоучки ничего нет, — не утерпела я.

— Наша Лариса Романовна — добрейшей души человек, — сухо сказал Давлетьяров. — Иди, Чернова, тебе пора на занятия.

Я не без интереса взглянула на него и удивилась. Оказывается, у него вовсе не злые глаза, как мне всегда казалось, а просто очень усталые, даже какие-то измученные. Странно...

После этой встречи я Давлетьярова больше не видела.

Глава 3

Бой

Полтора месяца спустя я, на этот раз дико опаздывая, вломилась в университет не с нашего "черного хода", а через главный вход. В глаза мне бросился большой плакат на стенде новостей университета — цветная фотография в черной рамке... "Ушел из жизни... молодой талантливый маг... профессионал... лауреат..." И — большими черными буквами: "Давлетьяров Игорь Георгиевич"...

Это — Давлетьяров?! Открытая белозубая улыбка, ясные зеленые глаза, взъерошенные русые волосы... Это — он?! Я взглянула на дату — ему шел всего лишь тридцать третий год! Он же выглядел лет на двадцать старше!

Я не ожидала, что это известие так выбьет меня из колеи. Я потащилась на свой шестой этаж, уже не боясь опоздать. К счастью, лектор тоже задерживался.

— Слышали, Игорь Георгиевич умер, — сказала я ребятам.

— Кто? — не поняли они. — Какой Игорь Георгиевич?

— Давлетьяров, — пояснила я, занимая своё место у стены.

Они на минуту притихли, потом вновь принялись болтать. Им было всё равно...

Пришла лекторша, пожилая Анна Егоровна. Она вела у нас курс "Политика и магия", очень интересный курс, да и рассказчицей она была великолепной, но сегодня я никак не могла сосредоточиться на лекции. Из головы не шел Давлетьяров.

Странно, но я не могла представить его таким, каким он был на фотографии в некрологе. Он вспоминался мне только таким, каким я видела его в последний раз тогда, в коридоре: усталые тусклые глаза, осунувшееся лицо, седина на висках... Легкий летний загар только сильнее подчеркивал ранние морщины в уголках глаз.

Как странно... Что с ним случилось, он же был совсем молодым? Болезнь? Маги такого уровня не умирают от болезней, это аксиома. Хотя... я помнила, как, закашлявшись, он потом взглянул на ладонь, которой прикрывал рот. И эти странные кровотечения...

— Наина, не отвлекайтесь, — похлопала меня по плечу Анна Егоровна.

Я сделала заинтересованное лицо, но это обращение опять напомнило мне Давлетьярова, его бесконечные "Чернова, к тебе относится!", "Чернова, ты заснула?", "Чернова, я доступно объясняю?!" Лишь теперь я сообразила, что изо всей нашей группы он обращался только ко мне, пусть даже и не в самой вежливой форме. Правда, иногда он ещё шипел на Риту, но остальные были для него лишь некими индивидуумами, которых он вынужден был терпеть. И только мне он показывал, как нужно правильно держать руки во время генерации заряда...

До конца дня у меня оставалось отвратительное настроение. Не давал покоя вопрос — что же на самом деле случилось с Игорем Георгиевичем? Внутренне чутьё подсказывало мне, что дело здесь нечисто. Я припомнила странные намеки Ларисы Романовны, тот ночной разговор, происшествие в коридоре... Определенно, эти события были связаны, но вот увидеть всю цепочку, заканчивающуюся смертью Игоря Георгиевича, мне было не под силу. Впрочем...

Есть у меня такое неприятное свойство — если я задаюсь какой-то целью, то для достижения её сделаю всё возможное и невозможное, даже если прекрасно вижу, что достижение цели не принесет мне ничего, кроме головной боли. Не знаю, отчего меня так задела смерть Игоря Георгиевича. Может быть, потому, что все продолжали вести себя так, словно ничего не произошло? Вот ещё странность: при его жизни я мысленно называла его только по фамилии, а теперь почему-то получалось — по имени-отчеству...

Да, я очень хотела узнать, что же случилось на самом деле. Что произошло с тем молодым жизнерадостным мужчиной с фотографии, из-за чего он стал тем, кем стал? Прежде всего я решила выяснить побольше о самом Игоре Георгиевиче. А что у нас источник знаний? Правильно, книга! И я отправилась в библиотеку.

Я пошла по пути наименьшего сопротивления — взяла подшивку "Вестника магии" за последние годы и углубилась в чтение. Фамилия Давлетьярова попадалась достаточно часто, в

основном он выступал соавтором каких-то неудобоваримых монографий, а чаще — критиком или рецензентом. Большинство его высказываний были на грани фола. Удивительно было бы, если бы резкий и злой на язык Давлетьяров со своими беспощадными едкими замечками не нажил себе врагов. На меня поглядывали с недоумением: ну над чем можно смеяться в старых пыльных журналах?

Я взяла номера постарее. Здесь Давлетьяров был более сдержан в выражениях, хотя и в завуалированной форме очень обидно высказывался о коллегах. Я обратила внимание, что резкая перемена произошла лет пять назад: сперва было долгое затишье в публикациях, а потом Игорь Георгиевич возник снова, с редкостно ядовитой статьей по поводу "утечки мозгов". Дескать, за границей и наши олигофрены за гениев сойдут.

Перекапывать все номера мне было не под силу, поэтому я наведальась в каталог. Обычно в «Вестнике» печатали обширные интервью с ведущими магами по случаю их юбилеев и просто разных памятных дат. Нашлось такое и у Давлетьярова: одно в подборке интервью, сделанных в годовщину столетия нашего университета, другое — на его собственное тридцатилетие. То есть это они в каталоге нашлись, а в журналах их не было. Я решила было, что перепутала номера или страницы, и принялась снова листать прессу. И обнаружила крайне интересную вещь: те страницы, где полагалось быть статьям об Игоре Георгиевиче, попросту отсутствовали. Кто-то аккуратно вырезал их из толстых журналов, справедливо полагая, что вред ли найдутся желающие из праздного любопытства копаться в пыльной подшивке.

Это открытие ещё больше убедило меня в том, что дело нечисто. Так... Где ещё можно найти "Вестник магии"? В центральных городских библиотеках его точно нет, это специализированный журнал, тираж у него совсем крохотный. Остаются филиалы университета. До одного из них ехать четыре часа поездом. До другого — десять часов на самолете.

Я не пожалела ни сил, ни времени, снова организовала себе прикрытие с помощью верной Катерины, провела ночь в поезде и наведальась в один из филиалов ГМУ. Там обнаружилась точно такая же картина, с одним лишь отличием: интервью Давлетьярова не было и в каталоге... Лететь через всю страну смысла не было — наверняка я обнаружу там точно такую же картину. Создавалось впечатление, что кто-то предвидел возможность поисков, подобных моим, и озаботился уничтожением информации.

Хорошо, но ведь существуют же личные дела преподавателей? Существовать-то существуют, да только кто же даст мне в них заглянуть... Опять тупик. Игорь Георгиевич не желал раскрывать мне своих тайн...

Я пошарила в Интернете, но и там меня ждало разочарование. Фамилия Давлетьярова упоминалась в списках участников каких-то конференций, семинаров, но и только. На сайте нашего университета не было совершенно ничего, кроме самой общей информации, а больше нигде ничего я найти не смогла.

Обозлившись, я решила погадать на картах Таро. Гадала я не очень хорошо, в нашей группе лучше всего это удавалось Рите. Света тоже была бы неплохой гадалкой, да только вечно путала масти. Когда же дело дошло до старинных африканских гаданий на внутренностях крыс (их брали за неимением обезьян), Свету пришлось выносить из аудитории и отпаивать сердечными каплями.

Однако насколько плохой гадалкой я ни была, я всё же сумела понять, что расклад получается какой-то странный. Я гадала на Игоря Георгиевича, и по всем правилам карты должны были

показать смерть этого человека и, возможно, факторы, к ней приведшие, но у меня выходила полнейшая ерунда. Ради интереса я погадала на свою много лет назад скончавшуюся прабабушку, и карты совершенно четко показали, что старушка давным-давно покоится в могиле. Причина кончины оставалась неясной, но это уже другой вопрос. Совсем странно...

Незаметно пролетела неделя. За всеми этими расследованиями я совсем забросила учебу, пришлось нагонять, и на некоторое время мне стало не до "расследования".

В понедельник исполнялось девять дней со смерти Игоря Георгиевича. Выяснить, где он похоронен, было нетрудно. Я купила цветы и поехала на старое кладбище на окраине.

На кладбище стояла пронзительная тишина. Было уже довольно холодно, листья совсем облетели, а их желтый ковер давно превратился в бурую кашу — шел противный мелкий дождь.

Я разыскала свежую могилу за железной оградкой. Несколько жалких венков — "От коллег", "От сослуживцев" (от родных не было ни одного) — успели совсем почернеть и раскиснуть. Я немного прибралась, положила свежие цветы. Две белые хризантемы выглядели как-то вызывающе на фоне грязно-бурой земли.

Фотография на памятнике была не та, что в некрологе. Игорь Георгиевич выглядел таким, каким я его помнила — хмурым и недоброжелательным. Не люблю я памятники с фотографиями. По первости они выглядят еще пристойно, а потом, со временем, портрет портится, меняется до неузнаваемости, до такой степени, что смотреть неприятно и невозможно узнать лицо...

Вдалеке, на одной из путаных дорожек, мне померещилась знакомая фигура. Я скоренько подхватила и зашагала в другую сторону. Встретаться ни с кем мне не хотелось.

Визит на кладбище натолкнул меня на интересную мысль. Странно даже, что я раньше не додумалась. Наверняка ведь у Игоря Георгиевича были какие-то родственники, он же не с луны свалился. Да и в школе он учился, и в университете, причем, подозреваю, именно в нашем, в крайнем случае, в филиале.

Таким образом, моё расследование получило новый толчок. Я добыла несколько баз данных с адресами и телефонами, Давлетьяровых — всё же редкая фамилия — оказалось не так уж много. Я скрупулезно обзвонила все номера, подозревая, что удача улыбнется мне на последнем в списке. Однако я ошиблась. Удача не улыбнулась мне вовсе. Никто из Давлетьяровых и слыхом не слыхивал о некоем Игоре Георгиевиче, а фамилии с его инициалами в базах данных и вовсе не нашлось. Совсем здорово. Может быть, он родом не из нашего города? Тогда вообще пиши пропало!

Я попыталась разыскать бывших одноклассников или однокурсников Игоря Георгиевича, но тщетно. Да и как искать, если не знаешь ни номера школы, в которой он учился, ни специальности в университете... Объявление в газеты дать? Да кто их читает, эти объявления!

Следствие определенно зашло в тупик. Давлетьяров Игорь Георгиевич оказался человеком без роду и племени, бездомным и не числящимся ни в каких списках. Что делать дальше, я не представляла... Возможно, стоило поговорить с Ларисой Романовной, но я не знала, как завести беседу. Нельзя же было просто подойти к ней и попросить рассказать всю правду об Игоре Георгиевиче! Или, может, попросту вызвать его дух, да и побеседовать? Но эту идею я отменила как опасную и нерациональную. Некромантией в университете занимался особый отдел, засекреченный ещё больше, чем наш факультет, их книги хранились не в библиотеке, а

тут же, на шестом этаже, в особом помещении, куда нечего было и думать проникнуть.

Только неделю спустя я вспомнила о той комнате, где мне как-то довелось переночевать. Там на столе стоял компьютер! И как я раньше об этом не подумала?

Поздно вечером я толклась возле запертой двери и отчаянно желала, чтобы на этой двери стояла защита, и мне не удалось пройти сквозь неё. Да-да, к тому времени нас уже обучили хождению сквозь стены! Но то ли Игорь Георгиевич не боялся непрошенных гостей, то ли не хранил здесь ничего ценного... Словом, я легко проникла внутрь.

Включив компьютер, я подивилась беспечности Игоря Георгиевича — система даже имени пользователя не затребовала, не говоря уж о пароле. Впрочем, в основном там хранились какие-то скучные документы, абсолютно ни о чем мне не говорящие. Хм... а нет ли здесь скрытых папок? Догадка оказалась верной: скрытую папку я нашла и чуть не взвизгнула от радости — в ней хранились личные дела студентов! И моё в том числе. Предыдущий и последующий курсы меня не интересовали, а вот в наших делах я порылась. Каждому из нас была дана убийственно точная и исчерпывающая характеристика. Вернее, мы все проходили под кодовыми именами: оболтус, умник, проныра, стерва, трусиха и темная лошадка. Темная лошадка — это я. Странно...

Здесь же Игорь Георгиевич отмечал свои впечатления о нас. У Евдокимова было пророчески записано, что долго он не задержится. О Ковалеве было сказано так: "чрезмерное самомнение. Умен. Вероятность 60/40". О Федоренко: "ищет легких путей. Непременно влипнет в криминал. Выбраковка". О Рите: "расчетливая стерва. Честолюбива. Себе на уме. Вероятность 50/50". О Свете: "труслива. Мнительна. Потенциал слабый. Выбраковка". А обо мне — как-то очень странно: "честолюбива. Упряма. Потенциал велик. До крайности походит на Р. Вероятность 90/10". Что означали эти «вероятности», я так и не поняла. Может быть, вероятность того, что из кого-то из нас выйдет-таки маг? Интересно, кто такой... или такая Р.? Как-то Лариса Романовна упоминала, что я чем-то напоминаю девочку, учившуюся двумя годами раньше... Я полазила по личным делам трехлетней давности и нашла там только одну девушку с фамилией на Р. — Рогачеву Марину. Симпатичная такая оказалась девчонка, да и характеристика у неё была более чем положительная. Впрочем, в конце текста безо всяких пояснений было сухо помечено: «отчислена». За что, почему? Нет ответа!

Ещё я отыскала один файл, затребовавший пароль. Я мучилась с ним битый час, но угадать не могла. Я на разные лады пробовала писать имя и фамилию Давлетьярова — и кириллицей, и латиницей, и так, и сяк... пока совершенно случайно, от полного отчаяния, не набрала слово «маг». Файл оказался чем-то вроде дневника Игоря Георгиевича. К сожалению, дат он не ставил, поэтому трудно было понять, о каком периоде идет речь. Сориентироваться я смогла, только найдя упоминание о наборе нашей группы. Определение было емким и коротким: «разгильдяи». А дальше "короткой строкой" шли впечатления от работы с нами. Сплошь неутешительные. Опять же упоминалось моё сходство с этой Р., а обрывался дневник очень странно. Сперва шла запись о происшествии на полигоне (Давлетьяров живописал меня такими словами, что я, читая, отчаянно краснела), а затем такая фраза: "Л.Р. ошиблась, Ч. - идиотка." Ч. - это, видимо, я, Чернова. Л.Р. — Лариса Романовна. В чем это она ошиблась?

После этого была лишь одна запись, тоже очень короткая: "Л.Р. права. Идиот — я." Что это могло значить, я так и не смогла понять.

Что ж, теперь у меня образовалась одна зацепочка — Рогачева Марина. В личном деле были её данные, а значит, я смогу её найти. Впрочем, была и ещё одна женщина — та, с которой разговаривал Давлетьяров той ночью. Но я её не видела, слышала только голос, да и то вряд ли

смогу его узнать.

Так или иначе, но поиски пришлось отложить — грянули очередные зачеты, к которым мне пришлось усиленно готовиться. Сдать их, правда, я смогла с первого раза и совсем неплохо, но страшно вымоталась.

На сорок дней со дня смерти Игоря Георгиевича я снова наведалась на кладбище. Я угадала — после меня приходил кто-то ещё: рядом со вмерзшими в землю хризантемами покоились красные гвоздики, стояла рюмка. Кажется, полагается приносить что-то с собой, но я совершенно не разбираюсь в этих древних обычаях. Что ж, я надеюсь, Игорь Георгиевич простит меня...

— Наина? — Меня застали врасплох, впрочем, я не сильно удивилась.

— Лариса Романовна?..

— Не ожидала встретить тебя здесь... — Лариса Романовна сейчас совсем не походила на преподавательницу, опытного мага. Скорее можно было принять её за обеспеченную пенсионерку. — Знаешь, я всё думала, кто же приходил к Игорю, но вот не угадала, думала, это...

Она осеклась, а я безразлично спросила:

— Вы думали, это Марина?

— Откуда ты знаешь про Марину? — насторожилась Лариса Романовна.

— Слухом земля полнится, — ответила я, понимая, что сваяла дурака, проговорившись, и попробовала сменить тему: — Странно, что никто больше не пришел. Неужели у него совсем не было друзей, родных?..

— О родных я ничего не знаю, — произнесла Лариса Романовна, и я ей отчего-то сразу поверила. — А друзья... сама знаешь, Игорь был тяжелым человеком, его уважали, но не любили...

— Похоже, он многим успел насолить, — сказала я, просто чтобы не молчать.

Лариса Романовна промолчала, потом проговорила:

— Несправедливо, когда уходят такие молодые... Хотя...

Она не договорила, но я, кажется, поняла, что она хотела сказать: "хотя для него это было лучшим выходом". Знать бы, почему!

Мы ещё постояли молча. Я была благодарна Ларисе Романовне, что она не спрашивает меня, почему я пришла сюда. Я бы и не смогла внятно ответить. Просто... просто так. Потянуло. Я не была близко знакома с Игорем Георгиевичем, да и отношения у нас были далеки от добрых, но вот — потянуло. И я пришла. И было очень грустно от того, что нас всего двое таких: глупая студентка и пожилая преподавательница.

— Идем, Наина, — тихо сказала Лариса Романовна. — Холодно, да и темнеет уже...

Я кивнула и вышла на узкую дорожку. Завтра я поеду по двухлетней давности адресу, который раскопала в личном деле Марины Рогачевой. Может быть, она там уже и не живет, но всё

равно её будет легче разыскать, чем кого-то другого из прошлого Игоря Георгиевича, кого-то из тех, кто не оставил вообще никакого следа.

Марина Рогачева жила в недалеко от центра города. Заявляться прямо к ней домой я не рискнула, решила сперва расспросить соседей. Дом старый, наверняка все всё друг про друга знают.

Я подошла к куковавшим на лавочке бабулькам и вежливо поздоровалась. Бабки уставились на меня с несомненным любопытством, что только облегчило мне задачу: нам уже успели преподать основы гипноза. Впрочем, сильного воздействия и не требовалось, нужно было лишь притупить их естественное недоверие к чужакам.

— Рогачева? — задумалась одна из бабушек. — Это из второго подъезда, что ли?

— Точно, точно, — подтвердила вторая. — Только она уж год как Астахова.

— Верно, — кивнула первая и повернулась ко мне. — Ты домой-то к ней не ходи, нету её сейчас дома.

— А не знаете, где она? Может, телефон рабочий... — попросила я. — Где бы её найти?

— А чего её искать, — пожала плечами вторая бабулька. — Вон она, с дитем гуляет.

Действительно, неподалеку прохаживалась молоденькая девушка с коляской. Я поблагодарила бабок и резвым шагом направилась к девушке. Она как раз присела на скамейку.

— Здравствуйте, Марина, — сказала я.

— Здравствуйте, — настороженно отозвалась она. — Мы знакомы?

— Нет, — ответила я, осторожно пытаюсь применить гипнотическое воздействие. Не тут-то было. Кое в чем Марина была определенно сильнее меня, и с ней этот фокус не прошел.

— И что вам от меня надо? — резко спросила Марина.

— Да в общем-то ничего, — пожала я плечами. — Просто хотела сообщить вам, что Игорь Георгиевич умер.

Я в жизни не видела, чтобы люди так быстро бледнели. Марина в секунду сделалась мучнисто-белой, потом на скулах проступили рваные алые пятна.

— Как?.. — еле выговорила она.

— Обыкновенно, — ответила я. — Уже месяца полтора тому...

— Да нет! — Марина даже привстала. Ребенок в коляске сердито закричал, но она не обратила на него внимания. — Я хочу знать, как именно он умер!

— Я не знаю, — обескураженно сказала я. — Да зачем вам?..

— Затем, что он мне жизнь сломал... — сквозь зубы произнесла Марина. — Надеюсь, ему пришлось помучиться!

Я аж поперхнулась от неожиданности.

— Откуда вы обо мне знаете? — вдруг спросила Марина. — Что, разговоры ещё ходят?

Я пожала плечами.

— Да так...

— С-сволочи, — прошипела Марина.

Я поняла, что подробный рассказ мне здесь не светит, и повернулась, чтобы уйти.

— Погодите! — крикнула вслед Марина. — А где он похоронен?

— Не знаю, — ответила я, не поворачивая головы.

Всё больше и больше непонятного. Что такого сделал Марине Игорь Георгиевич? Лариса Романовна говорила, что девушка бросила университет из-за придирок Давлетьярова, но, по моему, Марина не выглядела чрезмерно ранимой. Тут крылось что-то другое, но что? Следствие моё зашло в тупик. Больше ничего выяснить я не могла. Впрочем, я сама сваяла дурака: не надо было вот так напрямик заговаривать с Мариной. Наверно, стоило попробовать якобы случайно познакомиться с ней, войти в доверие — глядишь, она и сама бы всё рассказала. Вот уж верно — идиотка я первостатейная! Да что уж после драки кулаками махать...

Зима тянулась нескончаемо. Я с головой ушла в учебу и постаралась забыть о незавершенном расследовании. Это дельце оказалось мне не по зубам.

В один из весенних дней мне понадобилось навеститься в библиотеку. Шаря по полкам в поисках нужной книги, я случайно столкнулась с незнакомым мужчиной. Я извинилась, но он не обратил на меня никакого внимания, будучи поглощенным книгой. Манера держать толстый том на сгибе локтя показалась мне удивительно знакомой. Мужчина поднял руку, чтобы перевернуть страницу — золотой искоркой подмигнул черный камень перстня...

— Игорь Георгиевич?.. — Я схватилась за стеллаж, чтобы не упасть.

Мужчина вздрогнул так, что едва не выронил книгу. Взглянул на меня. Лицо было совершенно незнакомое — грубоватое, широкоскулое. Глаза карие, волосы темные. Не он...

— Вы с кем-то меня спутали, — вежливо сказал он. Голос тоже был незнакомый. — Позвольте пройти.

— Но... у вас кольцо... — начала я заикаться.

— Весь наш выпуск носит такие кольца, — терпеливо пояснил мужчина. — Студенческий обычай. Разрешите...

Он протиснулся мимо меня и направился к выходу. Я стояла в полном ошеломлении. Студенческий обычай... как же, слышали о таком. Выпускники нашего университета, каждая группа, имели что-то вроде отличительного знака: кольцо, брелок, значок... Мало кто носил их всю жизнь, но обычай существовал, так что ничего удивительного в том, что у этого мужчины и Давлетьярова оказались одинаковые кольца, не было. Но это же...

Я поспешила к выходу. Незнакомец уже ушел, и я спросила Леночку:

— Лен, а кто это был?

— Кто? — не поняла она.

— Ну, передо мной вышел, — пояснила я. — Наглый такой тип, толкнул, даже не извинился...

— Это Лодыгин Петр Сергеевич, — сказала Леночка, заглянув в формуляр. — Да, давненько он в библиотеке не был, первый раз за три года явился!

Отлично! У меня есть имя человека, предположительно учившегося вместе с Давлетьяровым! И что мне с ним делать?

Я пошла уже испытанным путем: засела за подшивку "Вестника магии". Лодыгин печатался часто, в основном с нудными и чудовищно длинными научными статьями. Кстати, он частенько становился объектом безжалостной критики Давлетьярова. Полгода назад в публикациях наступило затишье, а потом Лодыгин вдруг сменил стиль публикаций. Тематика осталась практически прежней, но вот стиль, обороты речи, даже излюбленные примеры — всё очень сильно напоминало статьи покойного Давлетьярова. Ну что ж, коллега в могиле, никто не обвинит в наглом плагиате...

Интервью с Лодыгиным были на месте. Он оказался довольно заурядным типом: родился, учился, работал... Впрочем, о какой заурядности может идти речь, если он закончил особый факультет ГМУ?.. Но, совершенно определенно, творческой жилки в Лодыгине не было. Сейчас он ведал какими-то жутко засекреченными разработками, а проще говоря — руководил теми, кто умел мыслить творчески.

Хорошо, я ознакомилась с краткой биографией Лодыгина, и что мне это дает? Абсолютно ничего. Конечно, можно заявиться в архив, как-нибудь обаять сотрудников — хотя там работают такие старые гримзы, которых никакая кинозвезда не обаяет! — и попробовать выяснить более точные данные Лодыгина. Я уже успела убедиться, что ни адресов, ни телефонов серьёзных магов в обычных базах данных нет и быть не может. Тогда можно было бы начать копать «вглубь»: поискать других однокашников Давлетьярова, может быть, даже бывших одноклассников...

Я начала продумывать этот план и даже покрутилась около архива, где, как мне удалось выяснить, хранились личные дела преподавательского состава. Охранная система там стояла о-го-го какая, почище, чем в библиотеке! Нечего было и думать пробраться туда тайком. На этот раз у меня такой фокус не пройдет.

Так! А не дура ли я? Я покопалась в компьютере Давлетьярова, а о столе-то его позабыла! Чем черт не шутит, вдруг там завалилась какая-нибудь телефонная книжка или ежегодник, где могут оказаться телефоны друзей, знакомых, да мало ли, что еще! И я снова отправилась "на дело"...

Вечером на шестом этаже совсем тихо и пусто. Я даже не сомневалась перед тем, как войти в комнату. Вошла... и чуть не получила разрыв сердца — за монитором кто-то сидел.

По-моему, этот кто-то, оказавшийся, кстати говоря, Лодыгиным, тоже едва не рухнул со стула при виде меня.

— И-извините... — выдавила я и собралась ретироваться, но не тут-то было — ни с того ни с сего сработала защита, и я чуть не разбила лоб об стенку.

— Чернова, тебе не кажется, что ты наглеешь? — спросили за спиной. Голос принадлежал Лодыгину, но тон, которым это было сказано!.. — Я разве разрешал тебе заходить сюда?

— Так это в самом деле вы? — тихо спросила я, медленно оборачиваясь.

— Ты чересчур настырна, Чернова, — сказал «Лодыгин». По мере того, как он говорил, тембр его голоса плавно изменялся, и если «ты» произнес Лодыгин, то «Чернова» проговорил уже Давлетьяров.

— Игорь Георгиевич, для чего вы?.. — начала было я, но он перебил:

— Зачем ты влезла в это?

Я пожала плечами. Похоже, этот жест становится у меня излюбленным.

— Сама не знаю. — Тут я немного осмелела и попросила: — Игорь Георгиевич, а вы не могли бы... ну... А то так странно с вами разговаривать...

— Чернова... — Игорь Георгиевич, не договорив, встал и отошел к окну. Потом обернулся.

Глаза его неуловимо меняли цвет с карего на тускло-зеленый, светлели волосы. Так же быстро изменялось лицо, превращаясь из сытой хари администратора Лодыгина в знакомую физиономию Давлетьярова. Казалось, он ещё больше похудел за эти полгода.

— Тебе надо было идти в юридический, Чернова, — сказал он. — Из тебя вышел бы отличный сыщик. Ты раскопала то, чего тебе знать совсем не полагалось.

Я, наверно, немного изменилась в лице. Мало приятного в том, чтобы влипнуть в тайные игрища магов!

— Игорь Георгиевич, что происходит? — спросила я, поражаясь собственной наглости. — Расскажите!

Давлетьяров присел на подоконник, ссутулив широкие плечи, и стал похож на большую усталую птицу.

— В конце концов, почему бы и нет... — сказал он...

...Жили когда-то двое мальчишек, росли в одном дворе, ходили в один и тот же класс и даже поступили в один и тот же университет. Банальная, в общем-то история, если бы эти мальчишки не собирались стать магами. Впрочем, им сулили отличные перспективы: у обоих был превосходный потенциал, обоих забрали на таинственный шестой этаж. Вот только один из них обладал чересчур норовистым характером, был резок в общении и совершенно не умел находить общий язык с начальством. Второй был потише, поспокойнее, и больше всего ценил своё тяжким трудом заработанное место в престижной организации. Он отлично ладил с руководителями, впрочем, никогда не опускаясь до прямого подхалимства, но в области закулисных интриг достиг нешуточных высот. И если первый со временем обещал стать великолепным магом-практиком, второй пошел по пути теоретических исследований и вскоре заполучил под своё руководство серьёзный проект.

К тому времени от их дружбы мало что осталось. Первый презирал второго за лизоблюдство, второй считал первого неумным гордецом, впустую растрачивающим свои немалые силы. Вскоре взаимная неприязнь перешла в открытую вражду.

Однако второй умел работать на благо не себе одному и мог, когда нужно, смирить гордыню. Для участия в эксперименте требовался маг высочайшего класса, и, если бы второй был способен, он сам сделал бы всё возможное и невозможное. Увы, к тому времени его потенциал уже не мог считаться исключительным. И тогда второй пошел на поклон к первому.

Первый не сразу согласился на эксперимент, второму пришлось довольно долго уговаривать его, просить и унижаться. В конце концов согласие всё же было получено, и первый, гордый своей исключительностью, предоставил себя в распоряжение группы исследователей.

— Теперь-то я понимаю, что это было сродни попытке запустить реакцию термоядерного синтеза где-нибудь в поле, у костерка, — усмехнулся Игорь Георгиевич...

Эксперимент закончился чудовищным крахом. Впрочем, с самого начала было понятно, что результаты не могут быть предсказаны хотя бы с малой долей вероятности. Но произошедшее превзошло самые худшие ожидания. Безумно дорогая установка была полностью разрушена, но что хуже всего — серьёзно пострадал принимавший участие в эксперименте маг.

Насколько я поняла, это было примерно то же, как если бы певец попытался взять чересчур высокую для него ноту и напрочь сорвал себе голос.

— Я вообще не помню, что произошло, — сказал Игорь Георгиевич. — Пришел в себя через несколько дней...

...И почти сразу понял, что его карьере пришел конец. От казавшихся почти безграничными возможностей остались жалкие крохи. Впрочем, очень медленно утраченное восстанавливалось, иногда прорывались утерянные было способности — вроде умения проходить сквозь разграничитель пространства. А в остальном... Усилие, когда-то остававшееся незамеченным, теперь оборачивалось многодневными приступами слабости и головной боли.

— ...Это всё равно что сломать позвоночник, — с невеселой усмешкой произнес Игорь Георгиевич. — Может быть, когда-нибудь ты и сможешь передвигаться, но бегать тебе уже не придется.

Но хуже всего было ощущение полной своей бесполезности. Нет, его не выставили из университета, напротив, обеспечили не слишком обременительной работой и старались заглаживать неприятные воспоминания.

Давлетьяров ненавидел свою работу. Кто другой, может быть, рано или поздно удовлетворился бы новой должностью, нашел в ней какие-то привлекательные стороны, а то и проникся благодарностью к руководству. Но только не он. Забота коллег — пусть даже и искренняя (многие, особенно те, кто принимал участие в роковом эксперименте, чувствовали себя виноватыми перед ним) — доводила до его бешенства. Работа под началом всё того же Лодыгина, умело переведшего стрелки и сохранившего своё место, стала для него изощреннейшей пыткой. У Давлетьярова ещё больше испортился и без того не слишком приятный характер, он нередко срывался на студентах.

— Есть замечательная мудрость, — сказал Игорь Георгиевич, отвернувшись к окну. — Загнанных лошадей пристреливают. А если не хватает храбрости пустить себе пулю в лоб...

Он решил загнать себя работой. Намеренно делал то, что было ему уже не под силу в надежде, что рано или поздно не выдержит сердце или не перенесет напряжения какой-нибудь сосуд в мозгу. К несчастью, его организм оказался чересчур крепким.

Вскоре стало понятно, что Лодыгин не намерен останавливаться на достигнутом. Незавершенный эксперимент не давал ему покоя, и Лодыгин начал поиск новых добровольцев. Увы, магов подходящего уровня в наличии не было. Вернее, были, но это оказались в основном люди не первой молодости, к тому же превосходно осведомленные о том, что произошло с первым и единственным пока добровольцем. И Лодыгин отдал Давлетьярову приказ подбирать подходящих студентов из тех, что приходят на особый факультет. Таких долго не попадалось.

— ...А потом появилась Марина. — Давлетьяров по-прежнему стоял ко мне спиной. — Такого потенциала я давно не встречал...

Она была действительно сильна и невероятно честолюбива. Она непременно дала бы согласие на участие в эксперименте, прельстившись лодыгинскими обещаниями мировой известности и открывающимися великолепными перспективами. Было принято решение начать подготовку к эксперименту — он должен был состояться через год, чтобы Марина успела выучить то, что было ей необходимо для работы. К несчастью, Марина была не только честолюбива и горда до крайности, а к тому же ещё и очень ранима.

— ...Я вынудил её уйти, — произнес Игорь Георгиевич. — Я прилюдно унижал её, говорил ей такие вещи, что она не могла не возненавидеть меня.

Марина ушла, хлопнув дверью и пообещав за километр обходить любого мага, буде он ей встретится. Она сдержала обещание, несмотря на все уговоры Лодыгина. Марина не вернулась в наш университет, поступила было в медицинский, но вскоре вышла замуж и осела дома.

Несомненно, Лодыгину были совершенно ясны причины ухода Марины. Отношения между ним и Давлетьяровым обострились до предела, но ни тот, ни другой не имели путей к отступлению. Для Лодыгина отстранение Давлетьярова от должности было недопустимо — это вызвало бы осуждение всего коллектива и могло изрядно навредить проекту. Сам же Давлетьяров уходить не собирался — у него была теперь цель: не позволить Лодыгину искалечить кого-то ещё.

— ...В прошлом году на наш факультет приняли тебя, — сообщил Игорь Георгиевич. — Ты до такой степени была похожа на Марину, что мне сразу стало ясно — Лодыгин возьмет тебя на заметку...

Мне сравнение с Мариной вовсе не льстило, но я промолчала.

— Лодыгин действительно обратил на тебя внимание после первых же занятий Ларисы Романовны, — сказал Давлетьяров.

— Она-то причём? — не поняла я.

— Она сразу обратила внимание на то, что у тебя превалирует не созидательный потенциал, как у большинства женщин-магов, а разрушительный, — пояснил Игорь Георгиевич.

Я припомнила первые уроки по дематериализации и невольно вздохнула.

— По-моему, Лариса Романовна очень хорошо к вам относилась, — сказала я. Меня вдруг осенило: — Это ведь с ней вы тогда ночью разговаривали?

Давлетьяров кивнул.

— Лариса Романовна действительно считала себя ответственной за меня, — произнес он. — Я когда-то учился у неё. Но работа для неё всегда стояла на первом месте. Я уверял её, что ты не

годишься, но напрасно. Она фанатично предана проекту Лодыгина.

— Что хоть это за проект? — спросила я.

— Трудно объяснить... — Игорь Георгиевич побарабанил пальцами по стеклу. Звук получился на редкость противный. — Сейчас существует возможность создать разделенное пространство, искривить его. Лодыгинская группа работает над установкой, которая позволит создать выделенное пространство.

— То есть фактически это будет другое измерение? — Я успела уже нахвататься по верхам сведений о работе с пространством.

— Примерно так. И я был убежден, что ты согласишься участвовать в этом.

Я припомнила странные «вероятности» в записях Давлетьярова. Может быть, это были вероятности нашего согласия на работу у Лодыгина? Скорее всего...

— Тебя оказалось не так легко выжить, как Марину, — сказал Игорь Георгиевич. — Ты злилась и от этого становилась ещё упрямее...

Лодыгин, видимо, следил за Давлетьяровым, потому что его попытки заставить меня уйти не прошли незамеченными. Конфронтация перешла в открытые столкновения. Свидетельницей такой стычки как-то оказалась и я. Несмотря ни на что, Давлетьяров всё же оставался сильнее Лодыгина, другое дело, что превосходство давалось ему слишком дорогой ценой. Тем не менее, на прямые столкновения Лодыгин до поры до времени больше не шел.

Пора и время наступили вскоре после того, как я устроила заварушку на полигоне. Лодыгин убедился в моей ценности и сделал Давлетьярову прозрачный намек на то, что не стоит больше пытаться избавиться от меня. Нетрудно догадаться, как именно ответил Давлетьяров! Наученный горьким опытом с Мариной, Лодыгин отправил ко мне Ларису Романовну, зная, что она пользуется большим уважением, и убедился, что покидать стены университета я вовсе не намерена. Об этом он и сообщил Давлетьярову. Именно после этого скандала я и повстречала Игоря Георгиевича в коридоре.

Игорь Георгиевич не стал вдаваться в подробности, но и так было ясно, что очередного выяснения отношений Лодыгин не пережил. Возможно, напряжение короткой стычки оказалось чрезмерным для давно не практикующего мага, может быть, сыграло свою роль пристрастие к горячительным напиткам, но результат от этого не меняется — Лодыгин отправился в лучший мир.

После этого начинается сущий готический роман. Давлетьяров, идя на немалый риск, принимает облик Лодыгина с намерением с треском провалить очередной эксперимент либо просто свернуть его "за недостаточностью финансирования". Под именем Давлетьярова хоронят замаскированного Лодыгина. Давлетьяров почти не опасается разоблачения — магов, способных распознать подмену, практически нет. Да к тому же никто не ожидает обмана — смерть Давлетьярова, с его подорванным несчастным случаем здоровьем, никого не удивляет.

Давлетьярову удастся просуществовать в образе Лодыгина довольно долго. По счастью, тот тоже был одинок, дневал и ночевал на работе. Никто так и не заподозрил неладного... кроме меня с моей неожиданно пробудившейся страстью к расследованиям. Но всё оказалось бесполезно.

— ...Проектом заинтересовалось высшее руководство, — сообщил Давлетьяров. — К нам

прислали комиссию, так что теперь все работы ведутся под неусыпным надзором. Твоя кандидатура уже утверждена. Маргарита в резерве, но это чистая проформа — у неё слишком низкий потенциал.

— А если я откажусь? — спросила я.

— Тебя будут долго и упорно уговаривать, — ответил Давлетьяров. — Могут надавить, могут и пригрозить.

— Я не соглашусь, — сказала я.

Игорь Георгиевич начал поворачиваться ко мне, но внезапно прижал руку к левой стороне груди, сделавшись белее мела.

— Игорь Георгиевич! — Я подбежала к нему. — Что с вами? Сердце?..

— Чуть, — сказал он сквозь зубы. — Не обращай внимания.

Я взяла его ладонь в свои, повинуясь неожиданному желанию. Рука его была холодна, как лед. Как-то неожиданно, сам собой, сформировался слабый импульс — я почти увидела, как волна горячей энергии, пронизывая мои пальцы, уходит в ладонь Давлетьярова. Это было удивительно странное ощущение — я определенно отдавала не свою энергию, я словно служила своего рода насосом, перекачивающим неизвестно откуда берущийся заряд...

— Чернова, прекрати! — Игорь Георгиевич вырвал у меня свою руку, как следует потрянул меня за плечи. — Это уже переходит все границы! Мне не хватало, чтобы ты тут в обморок грохнулась!..

— Игорь Георгиевич, да что вы! — слабо защищалась я. — Я вообще не устала, я же не свою энергию отдавала...

Давлетьяров выпустил мои плечи, отступил на шаг. Мне очень не понравился его взгляд.

— Игорь Георгиевич, что-то не так?.. — настороженно спросила я. — Вам плохо?..

Он кивнул, снова отворачиваясь к окну.

— Всё очень плохо, Чернова, — сказал он будничным тоном. — Знаешь, почему?

Я мотнула головой, забывая о том, что он стоит ко мне спиной. Впрочем, он мог видеть моё отражение в оконном стекле.

— Потому что ты — именно то, что они так долго искали... — глухо произнес Давлетьяров...

...Неделей позже к нам на занятия заявила некая комиссия. В состав её входила и Лариса Романовна, а вот Лодыгина... то есть Давлетьярова, не было.

Нас пригласили в некую лабораторию, якобы для того, чтобы проверить, не дают ли нам преподаватели чрезмерной нагрузки. Даже если бы я знала, как можно обмануть уйму хитрой аппаратуры, вряд ли бы смогла это сделать — за мной следили во все глаза. Не знаю уж, что там показали их датчики, но комиссия выглядела несколько взбудораженной. Очевидно, они нашли во мне нечто такое, на что определенно не рассчитывали.

Вскоре после стендовых испытаний меня поймала в коридоре Лариса Романовна и предложила пройти к ней в кабинет. Я поняла, что речь пойдет об участии в эксперименте. Я не ошиблась.

Лариса Романовна живописала мне проект в таких радужных красках, что, будь я не в курсе реального положения дел, непременно бы заслушалась. По её словам выходило, что проект находится в стадии завершения, ещё немного, и станет возможным создание выделенных пространств.

— Представь, какие это открывает перспективы! — горячо говорила Лариса Романовна. — Например, опасные объекты можно будет вынести за пределы реального пространства, и в случае аварии вроде Чернобыльской можно будет просто изолировать такой объект!..

— С ума сойти, — сказала я. — Но я-то причём?

И Лариса Романовна принялась объяснять мне, для чего я нужна. Выходило, что для запуска процесса преобразования пространства необходим большой силы импульс, а дальше должна пойти самоподдерживающаяся реакция. К несчастью, никто из современных магов дать необходимой энергии не в состоянии. А я... По словам Ларисы Романовны, у меня оказался вполне достаточный потенциал...

— Впрочем, — поспешила она добавить, — Маргарита тоже способна принять участие в эксперименте, но...

Лариса Романовна пустилась в пространные рассуждения, не забыв как бы между прочим упомянуть, что, согласившись на участие в эксперименте, я буду освобождена почти ото всех экзаменов, в том числе от неизбежного и крайне пугающего зачета по высшей магии. Я задумалась. На зачеты мне было, по большому счету, плевать. Но если я откажусь участвовать, к работе припрягут Риту. Давлетьяров сказал, что сроки поджимают, руководство требует результата, пусть даже и отрицательного. Но Рита не справится, об этом мне Игорь Георгиевич заявил со всей уверенностью. Поэтому, вполне вероятно, её ждет та же участь, что и его. Возможно, проект после очередной неудачи закроют, что станет победой Давлетьярова, но это будет означать, что Рита принесена нами в жертву... В том, что она-то точно согласится, я не сомневалась и, хотя Рита мне совершенно не нравилась, это не давало мне права губить её жизнь.

— Я согласна, — сказала я в ответ на вопросительный взгляд Ларисы Романовны. И добавила мысленно: "Простите, Игорь Георгиевич..."

...Подготовка к эксперименту заняла очень мало времени. По-моему, все были твердо убеждены в моём согласии и только и ждали формального подтверждения, чтобы начать работу.

Впрочем, говорить, что подготовка заняла мало времени — значит ничего не сказать. К моему несказанному изумлению, испытания были назначены на следующий же день! Лишь одно меня радовало — я больше не встречалась с Игорем Георгиевичем. Не знаю, как бы я смотрела ему в глаза...

Утро выдалось хмурым и довольно прохладным, несмотря на то, что май был в самом разгаре. Работы велись в искривленном пространстве, вроде того, где располагался наш учебный полигон. Вполне вероятно, что это он и был.

Довольно большая площадь была занята какими-то непонятными приборами, выглядевшими

весьма зловеще. В целом впечатление создавалось довольно нелепое: под открытым небом в кажущемся беспорядке громоздились силовые установки, неизвестного назначения приборы, а оставшиеся открытыми участки земли были сплошь испещрены незнакомыми мне символами, пентаграммами, знаками...

Мне было велено занять место в центре всего этого безобразия, на сравнительно пустой площадке. Несколько лаборантов принялись прикреплять ко мне какие-то датчики, подсоединять провода к приборам. Что делать, мне подробно объяснили ещё накануне. Как ни странно, я была абсолютно спокойна.

— Внимание! — прокатился над полигоном незнакомый голос. — Проект «Демиург», дубль второй! Начинаю обратный отсчет! Персоналу покинуть красную зону, повторяю, персоналу покинуть красную зону! Десять... Девять...

По-моему, персонал был бы рад не просто покинуть «красную» зону, а и вообще оказаться как можно дальше отсюда. На счет «семь» включились непонятного назначения установки, и за их мерным гулом я не сразу расслышала знакомый голос:

— Чернова!..

— Посторонние в красной зоне! — взорвались динамики. — Лодыгин Петр Сергеевич, немедленно покиньте красную зону!

Даже не знаю, как Давлетьярову удалось пройти сквозь заграждение, по-моему, охраны сюда согнали больше, чем на саммит глав стран-членов ООН. Сейчас он стоял передо мной, и маска Лодыгина сползала с его лица чуть ли не ключьями. Давлетьяров едва заметно морщился от боли — нам преподавали курс так называемого "полного ревоплощения", и я знала, что резко снимать тщательно проработанный образ другого человека очень неприятно.

— Чернова... — Я бы не смогла описать выражение его лица. Оно было и яростным, и недоумевающим одновременно. Так или иначе, но я почувствовала себя предательницей. — Зачем?..

— Игорь Георгиевич... — начала я. — Если не я, тогда бы они Риту... а она наверняка не выдержит...

— Я так и знал, Чернова, — тихо сказал он.

У остальных тем временем прошел шок от лицемерия живого Давлетьярова, и к нему направилась тройца, выглядевшая, как герои дурных анекдотов. Я знала, кто это — маги из службы безопасности. Способности у них были невелики, зато они отлично умели действовать командой.

— Шесть... пять... — надрывался механический голос.

— Остановите отсчет! — заорал кто-то. — Остановите! Если импульс не пойдет, здесь всё взлетит на воздух!!

Маги из охраны не стали тратить времени на уговоры, а попросту синхронно вскинули руки, и я почти увидела, как тройной поток энергии врезался в спину Давлетьярова...

Среагировать он не успел. Да если бы и успел — против трех молодых охранников, бивших на

поражение, он бы не выстоял.

Я успела только увидеть, как расширились, словно от изумления, его глаза, и рванулась вперед, срывая датчики, обрывая провода...

— Игорь Георгиевич!..

Конечно, удержать его мне было не под силу, но я хотя бы не позволила ему упасть.

— Чернова, вернитесь на место, вы срываете процесс!! — рявкнул кто-то в громкоговоритель.

И всё не унимался механический голос:

— Четыре...

К нам уже спешили ещё несколько охранников, на ходу формируя заряды, и я прекрасно понимала, что они превосходно сумеют добить Давлетьярова, не задев столь ценную меня.

Они атаковали мгновенно, но я всё же успела среагировать. Это было глупо, но... Внезапно я почувствовала, что с таким трудом сформированный мною после происшествия на полигоне внутренний «предохранитель» приказал долго жить, и наружу ломится невероятной силы заряд...

Что-то глухо ахнуло, полетели в разные стороны куски металла, взвился и погас сноп белых искр. Охранников разметало в разные стороны, но на подмогу спешил чуть ли не взвод...

— Два... один... — Автоматику начало заедать, но ещё можно было разобрать цифры. — Ноль! Пуск!..

Как раз в этот момент мне пришлось снова отражать удары. Теперь охрана уже не разбиралась, в кого метит... Жалобно взвыла сирена, раздался скрежет, гул — посреди полигона возникла изрядных размеров воронка. В воздух взвились обломки аппаратуры, камни, искрящиеся обрывки кабеля...

Я внезапно обнаружила, что заряд, которым я пытаюсь отражать атаки, и не думает иссякать — повторялась та же ситуация, что и тогда с Давлетьяровым. Я была словно узким клапаном, сквозь который в нашу реальность изливался поток энергии чудовищной силы, становящийся всё мощнее и мощнее... Вокруг меня кружился безумный хоровод из искореженного металла, кусков дерна, камней, он вращался всё быстрее и быстрее, границы искривленного пространства держались на последнем пределе...

— Чернова!.. — Давлетьяров сумел подняться на колени. Кровь из рассеченного виска заливала левую сторону бледного лица. — Остановись!.. Если пространство схлопнется...

— Я не... я не могу!.. — прокричала я сквозь ветер, с ужасом осознавая, что не могу не только остановить поток идущей сквозь меня энергии, но даже и удерживать его в стабильном состоянии. Напряжение всё увеличивалось, и та прореха, сквозь которую в наш мир истекала безумная сила, становилась слишком тесной для мощного потока...

Когда он схватил меня за запястья, я не сразу поняла, в чем дело. Когда же поняла, было уже поздно. Давлетьяров держал мои руки мертвой хваткой, принимая на себя неуправляемый поток энергии...

— Не надо!.. — выкрикнула я, замечая, как замедляется безумная круговерть вокруг меня. — Не надо, Игорь Георгиевич!.. Игорь Георг...

Вдалеке истошно завывали сирены «скорых» и пожарных машин...

Занятия в университете возобновились только к началу осени: границы искривленного пространства всё же не выдержали, и отголосок взрыва так отделал здание университета, что к сентябрю едва-едва успели отремонтировать главное здание.

Эти три месяца я провела в реанимации. Нет, со мной всё было в полном порядке, только с рук долго не сходили синяки, оставленные железными пальцами Давлетьярова. Это у него в палате я просидела всё лето.

Я не знаю, как он сумел остановить меня. В любом случае, это усилие должно было стать последним в его жизни — в больницу его привезли уже в состоянии клинической смерти. Наверно, он и в самом деле был гениальным магом...

Каким-то чудом врачи вытащили его с того света. Потом долго держали его на аппаратах, опасались, что не выдержит сердце. Впрочем, и сейчас прогнозы были далеко не утешительными: врачи полагали, что вряд ли к Давлетьярову когда-нибудь вернется сознание.

Собственно, мне было абсолютно нечего делать в больнице: дома у меня сходили с ума родители, в университете творилось такое, что хоть святых выноси. В больничном холле я смотрела выпуск новостей. Наш министр с пеной у рта обличал самоуправство в ГМУ. Смысл его речей был ясен насквозь: "дилетанты... фантастические проекты... впустую растроченный потенциал... так мы теряем лучших людей..." Во всяком случае, из его выступления мне стало понятно, что Игорь Георгиевич, по крайней мере, полностью реабилитирован. Но так или иначе, я чего-то опасалась. Министерские речи — это хорошо, но недоброжелателей у Давлетьярова всегда было хоть отбавляй.

В ГМУ тем временем полетели головы. Конечно, большая часть тех, кто принимал участие в эксперименте, остались на своих местах, но вот шишки из министерства, та самая «комиссия», получили сполна... Впрочем, это неинтересно. Я не знала только, что случилось с Ларисой Романовной. Кажется, во время эксперимента жертв не оказалось, но о ней я ничего не слышала.

Меня, разумеется, тоже таскали по кабинетам. Впрочем, особенно давить на меня опасались, памятуя о том, что я учинила на полигоне. Я отвечала односложно, изображая из себя тупую исполнительницу, чем доводила следователей до белого каления. Впрочем, от меня скоро отстали, взяли подписку о неразглашении и отпустили восвояси.

Признаться, с тех пор я опасалась пользоваться своим даром, боялась, что снова прорвется то, непонятное, а рядом не будет никого, кто смог бы это остановить. А ещё я боялась, что выработала свой ресурс, что ни на что больше не способна. Не хотелось даже проверять. Впрочем, несколько недель спустя я рискнула угостить себя чашечкой кофе — ночью чудовищно хотелось спать. И ничего, всё обошлось, словно я и не устраивала той чудовищной заварушки...

Сегодня я сидела и медленно и упорно творила букет хрустальных цветов. Работа была кропотливая и требовала не столько умения, сколько усидчивости. А уж в чем я преуспела, так это именно в терпении.

Я долго добивалась от хрустальных колокольчиков мелодичного звона, но в конце концов решила, что букет уже достаточно хорош, и оставила его в покое. Прошла по коридору, чтобы размяться — двое ребят из службы безопасности, торчавших у дверей, смерили меня хмурыми взглядами. Они бы с удовольствием выставили меня отсюда взащей, да только руки были коротки.

Я вернулась в палату, приоткрыла окно. Шел мелкий, уже по-осеннему холодный дождь.

Я присела на край кровати, заглянула в спокойное лицо Игоря Георгиевича, взяла его за руку. Вспомнила такой же дождливый день весной, попробовала дать слабенький импульс. В конце концов, сделать хуже было уже нельзя. Сегодня было решено отключить аппараты — не было смысла и дальше поддерживать затухающую искру жизни искусственно. Теперь только от самого Давлетьярова зависело — жить ему или умереть.

— Игорь Георгиевич, — тихонько сказала я. — У вас ведь день рождения сегодня... Не знаю, слышите вы меня или нет, но я всё равно скажу... Я не хочу вас терять. Честное слово...

Мне показалось, или действительно чуть вздрогнули тёмные ресницы? Какого черта, в конце концов? Чего я боюсь? Хуже-то уже не сделать! Буду считать, что сдаю зачет. По высшей магии... Я усилила импульс, стараясь сделать это как можно мягче...

— Чернова... — Едва заметно шевельнулись сухие губы. Я скорее увидела, чем услышала... — Прекрати...

— Игорь Георгиевич...

Зеленые глаза на исхудавшем лице казались чересчур большими.

— Чернова... я доступно выражаюсь?..

Часть 2

Дипломная работа

Глава 1

Введение

В рейсовом автобусе было тепло и душно, мотор утробно взрыкивал на подъемах, в салоне сильно пахло бензином. Многих, я знаю, в таких автобусах укачивает, особенно если доведется сидеть "на колесе". А мне ничего, нормально. Я даже люблю ездить на таких междугородних монстрах. Во всяком случае, уж лучше, чем на маршрутном такси, в котором некуда вытянуть ноги, изо всех щелей тянет холодным воздухом, а водитель обязательно слушает блатной шансон...

Я, подперев подбородок рукой, бездумно смотрела в окно. Видно почти ничего не было — на стекле намерзли ледяные узоры. Огни встречных машин, светофоров, фонарей расцветивали этот миниатюрный ледяной лесок фантастическими цветами. Надо же, как темно. Пасмурно, того и гляди, снег пойдет.

Обычно я выезжаю утром, около девяти, но сегодня не получилось. В предновогодние дни все старшие курсы заняты на представлениях, участие в них студентам с факультета прикладной

магии засчитывали за производственную практику, а для всех остальных это было обычной повинностью, вроде субботника по уборке территории. Из меня иллюзионист, если честно, никакой, для такого дела нужна богатая фантазия и хоть какой-то художественный вкус, а у меня проблемы и с тем, и с другим. Зато у меня неограниченный энергетический потенциал, а потому и речи не шло о том, чтобы уклониться от участия в представлениях. Мое место, разумеется, было за кулисами, я «держала» троих магов-иллюзионистов. Могла бы и больше, но, очевидно, руководство решило не рисковать. Со мной вообще старались обращаться поосторожнее, так, на всякий случай.

Устать я вовсе не устала, заодно посмотрела представление, очень неплохое, кстати, сценарий в этом году удался, да и иллюзионисты попались хорошие, с выдумкой. Собственно, из-за богатой программы моя помощь и потребовалась: на такие роскошные иллюзии уходило невероятное количество энергии, на собственных ресурсах ребята бы долго не продержались. Ну, что делать, каждому свое...

Жалко только, что выехать из города удалось только после полудня, а если точнее, то ближе к вечеру. На выезде из Москвы скопилась чудовищная пробка — все больше народу старалось встретить Новый год не в грязном слякотном городе, а на природе. С утра погода была роскошная, градусов десять ниже нуля, не больше, солнце сияло, к вечеру здорово похолодало, но это, похоже, никого не остановило, машин на дороге не убавилось. А если учесть, что зима в этом году, как всегда, пришла неожиданно, и снегоуборочная техника толком не работала, то заносы были внушительные, и поток автомобилей двигался с черепашьей скоростью.

Я подышала на стекло, расчистила маленькое окошко в волшебном ледяном лесу — такую уродливую темную яму... Ага. Вон пост ДПС, ехать осталось совсем недолго. Вроде и машин стало поменьше, пробка рассосалась. И хорошо, а то у меня уже ноги затекли, все-таки столько времени просидеть на месте — не шутки.

Я откинулась на спинку кресла, надвинув шапку чуть ли не на нос. Часок можно подремать, а там уже и автовокзал. Оттуда три остановки на местном автобусе, еще пешком примерно полчаса (это если дорогу удосужились расчистить!) — и я на месте.

Да, вот так — каждую субботу. Уже несколько месяцев, начиная с августа. Два с лишним, а то и все три часа на автобусе в одну сторону, плюс еще метро... А я езжу. Сама не зная, зачем, каждую неделю езжу туда, где меня, как мне часто кажется, вовсе не рады видеть.

Я правда не понимаю, ради чего это делаю, можно подумать, мне больше заняться нечем! Есть чем, и еще как... Я ведь уже почти полгода не живу дома, разругавшись с родителями. Их и раньше-то не особенно радовал мой выбор по части профессии, а в свете последних событий, когда меня несколько недель таскали на допросы, это их неудовольствие приобрело совсем уж явные формы. Естественно, на ультимативное заявление о том, что мне следует оставить ГМУ — Государственный Магический Университет, — и перевестись куда-нибудь в более мирное и спокойное заведение, я прореагировала вполне адекватно. То есть собрала свои вещички — а их, если честно, не так уж много, я отроду не страдала вещизмом, и кроме кое-какой одежды и нескольких любимых книг и дисков мне с собой брать было нечего, — и ушла из дома. Перекантовалась у школьной еще подруги, Катерины, пару дней, потом набралась наглости и поставила в известность о своих обстоятельствах нового куратора курса, и на той же неделе руководство нашего университета выделило мне комнату в общежитии. Я подозреваю, они были очень рады такому повороту событий.

Общага наша находится на территории университета — до главного корпуса пять минут прогулочным шагом. А меня, полагаю, желали держать под неусыпным присмотром днем и

ночью. Естественно, делать это было куда удобнее, когда я жила тут же, рядышком, а не на другом конце города. Так или иначе, в общаге мне даже нравилось. Комната у меня была одноместная, — расщедрились, надо же! — рядом проживали достаточно тихие и ненавязчивые ребята младше на пару курсов, а чересчур шумных оргий в нашем общежитии не водилось. Так что мне оставалось лишь перевезти мой старенький компьютер, годный только на то, чтобы использовать его в качестве печатной машинки, и спокойно жить.

Разумеется, постепенно отношения с родителями у меня налаживались. Я даже проводила у них выходные — только воскресенья, потому что по субботам я была занята совсем другим.

...В зимнем лесу хорошо. Если не знать, что в полудне ходьбы бодрым шагом находится оживленная автомагистраль, можно вообразить, что находишься где-нибудь в таёжных дебрях. Я там, правда, никогда не бывала, но можно же помечтать? Я шла по тропинке, — надо же, расчищена, наверно, трактор прогнали, — размахивала в такт шагам полиэтиленовым пакетом и, разглядывая заснеженные деревья, все думала, думала, думала...

Куда я сейчас иду? То есть нет, не так. Куда я иду, я знаю — к ведомственному санаторию с романтическим названием «Дубки-3», вон уже виднеется его солидный забор. И при чем здесь дубки, ни одного дуба в здешнем лесу я не видела? Но это неважно. А вот зачем я туда иду? Этот вопрос я задаю себе на протяжении уже нескольких месяцев.

В общем-то, ни за чем. Не уверена, что мое появление доставляет хоть какую-то радость, скорее, наоборот. Но и перестать ездить сюда я не могу. С тех самых пор, как наведальась сюда впервые, еще в конце августа, когда здешние березы уже стояли нежно-золотые, особенно яркие на фоне темных елей — в этом году выдалась ранняя осень...

Дело в том, что именно в этих несчастных «Дубках» находится на так называемом "санаторном лечении" Игорь Георгиевич Давлетьяров. Наше министерство совсем не бедное и может себе позволить содержать здесь бывшего мага хоть несколько лет. Хотя бы для того, чтобы избежать осуждения пресловутой общественности — мол, использовали и выкинули. Да, именно бывшего. Если прежде у него еще оставались какие-то возможности, то после происшествия на полигоне — уже нет. Он выжал себя досуха. Он больше не был магом, и я подозреваю, что наблюдал за ним не просто терапевт, — все-таки вытащили из клинической смерти! — а психиатр. Потому что полностью лишиться своих возможностей для мага — это такой удар, который не каждый перенесет, сохранив здравый рассудок. Если подумать, даже я бы очень не хотела лишиться своих умений. Это все равно, что остаться без руки или там без ноги, так же больно и точно так же ощущается нехватка чего-то нужного, того, что всегда было при тебе. Я могу судить лишь понаслышке — но слышала я достаточно. Бывали прецеденты, знаете ли...

И что же гонит меня сюда? Чувство вины? Ведь это из-за меня он лишился последнего, что у него было, — а, кстати сказать, это было не так уж мало, по сравнению с прочими нашими магами! Если бы не я, если бы не то безумное происшествие на полигоне... Но, с другой стороны, никто не просил его бросаться ко мне и останавливать этот безумный энергетический поток! Он знал, на что идет, во всяком случае, не мог не догадываться, — я ведь говорю, он был гениальным магом. И мне кажется, он не считает меня виноватой в том, что произошло.

Тогда что я здесь делаю? Я никогда и никому не говорила, куда езжу по выходным, в общаге ребята считали, что я навещаю родителей. Родителей я и правда навещала, но, как уже сказала, по воскресеньям. А не распространялась по поводу своих визитов из простого соображения: ведь тут же начнутся перешептывания, подколки, слухи, вечно нелюбимая Чернова, мол, наконец-то втюрилась, да в кого!

Да если бы все было так просто!.. Не любила я Давлетьярова, я вообще никогда и ни в кого не влюблялась. Мне иногда даже страшновато делается — ну как же так можно, дожить до вполне солидного возраста и ни разу ни в кого не влюбиться? Можно, оказывается. С парнями встречалась, было дело, но ничего хорошего из этого не вышло.

Нет, это была никакая не влюбленность. Я всегда ехала в «Дубки» с тяжелым сердцем, словно выполняя повинность перед самой собой, зная, что меня ждет очередной неприятный разговор, а возвращалась домой спокойная и почти умиротворенная. В общем, тяжелая какая-то форма психологического извращения, в одиночку мне было не под силу в этом разобраться. А привлекать посторонних не хотелось тем более. Оставалось надеяться на извечный «авось» и на то, что время все излечит. Я поймала себя на том, что пытаюсь объяснить самой себе собственные мотивы, будто оправдываюсь перед кем-то посторонним, и при этом боюсь показаться смешной и нелепой. Знала я за собой такую странноватую привычку: не просто разговаривать самой с собой, а представлять себе собеседника, да еще и реплики за него подавать, пытаюсь предугадать реакцию постороннего человека на свои речи. Вообще-то, это отдавало легкой шизофренией, но я как-то уже привыкла...

А вот уже и ворота, пост охраны.

— Привет, Наина! — окликнул пожилой охранник.

— Здрасьте, Сан Саныч, — отозвалась я. — Как вы тут, снегом не засыпало?

— Да уж третий день чистим, — ответил он. — Видела бы ты, какие сугробы намело, трактор застревал!

Я впечатленно покачала головой — на этом обмен любезностями закончился, — и пошла дальше. Вон он, главный корпус санатория. И почему я всегда нервничаю, прежде чем войти, будто перед экзаменом? Хотя сравнение это более чем странно — перед экзаменами я никогда так не дрожала.

В холле было тепло, светло и весело — две медсестрички хохотали над каким-то журналом, да так заразительно, что я тоже заулыбалась.

— Добрый вечер, — сказала я.

— Привет, Наина! — отозвалась одна из девушек, Анечка. — Что-то ты сегодня поздно!

— Да с утра припахали на елке работать, а потом автобус чуть не застрял, — пожалала я плечами и стащила с головы шапку. — Ух, ну и холодрыга!..

— Ой, не говори, — вздохнула Анечка. — Народ на прогулки силком выгонять приходится, никто не хочет в такой мороз на улицу идти!

— Ну и правильно, — ответила вторая медсестричка, Ира. — Попростужаются все, лечи потом... Наин, поди посмотри, какая у нас елка!

Я послушно прошла с ними по коридору до большой, как ее тут называли, «залы». Там стоял здоровенный телевизор, и именно там собиралось местное общество. Смотрели телик, играли в шахматы и в карты, словом, развлекались всеми доступными способами. Сейчас посреди большого помещения возвышалась внушительная ель, щедро украшенная серебряным «дождиком», мишурой и цветными шариками. Телевизор бодро орал что-то из угла — правильно, сегодня же с утра показывают всяческие концерты и шоу, — народ весело хохотал

над шутками ведущего, похоже, сегодня «отдыхающим» сделали послабление в режиме и разрешили по стопарику горячительного...

— Ир, а... — замялась я.

— Ну, они нас своим присутствием не почтили, — дернула плечиком Ира. — У себя, как обычно.

— Ага, — сказала я. — Тогда я пойду.

Девушки проводили меня любопытными взглядами. Уже не знаю я, что они там себе думали обо мне и Игоре Георгиевиче, наверно, сочинили какую-нибудь душещипательную историю. Я знала только, что своим отвратительным характером он успел уже достать даже долготерпеливых медсестер, и мирились с его выходками только потому, что за него щедро платило министерство.

Потоптавшись перед закрытой дверью, я еще раз тяжело вздохнула. Ну что я тут делаю? Сегодня Новый год, между прочим! По-хорошему, сидеть бы мне сейчас у родителей, праздновать, салат «оливье» уплетать. Я ничего не имею против салата «оливье», я даже очень его люблю. И я знаю, что лучшего способа наладить все-таки отношения с родителями и не придумать, но... Сидеть за столом, слушать плоские шутки «юмористов» по телевизору, смотреть в сотый раз идущий по всем каналам фильм "Ирония судьбы..." Пить шампанское под бой курантов, а в конце застолья непременно разругаться друг с другом вдрызг... Нет, я не хотела встречать Новый год так. Пускай родители, другие родственники — это все было много раз и еще будет. Просто мне не давала покоя одна мысль — "сегодня Новый год, а он там один..." Ясно же было, что Давлетьяров никогда не пойдет в общий зал! Это его высокомерие всегда меня бесило, а теперь почему-то казалось — это единственная его защита от мира...

Я стукнула в дверь костяшками пальцев и, не дожидаясь ответа, вошла. Игорь Георгиевич, как и следовало ожидать, возлежал на кровати одетый, с книгой в руках. Я разглядела — это был Мопассан в оригинале. В прошлый раз, помнится, он читал Диккенса. Тоже в оригинале. Ничуть не выпендриваясь при этом — он в самом деле знал несколько языков. Как-то раз, разговорившись, что было ему совсем не свойственно, он сказал, что только сейчас у него появилось время на чтение. А значит, грех не воспользоваться такой возможностью, благо библиотека тут была богатая.

— Добрый вечер, — сказала я.

И, как обычно, не дождалась ответа. Книга опустилась, холодные зеленые глаза смерили меня с ног до головы, задержавшись на моем пакете.

— Чернова... — В голосе Игоря Георгиевича сквозила безмерная усталость. — Опять?

— Что опять? — мрачно спросила я, снимая куртку и разматывая шарф.

— Опять апельсинчики? — Выразительный взгляд снова уперся в мой пакет.

— И что? — еще более мрачно спросила я. Ну что поделать, не учили меня заявляться с пустыми руками.

— Чернова, здесь кормят на убой. — Игорь Георгиевич соизволил, наконец, отложить книгу и сесть. — Или ты считаешь, что мне не хватает... витаминов?

Я промолчала, расстегивая молнию на сапогах. На такие его вопросы лучше было не отвечать вовсе.

Я в одних носках прошла в комнату, их тут, кстати, называли не палатами, а номерами, как в гостинице.

— Холодно, — сказала я. В комнате правда было нежарко, наверно, Игорь Георгиевич опять открывал окно. Эта его патологическая страсть к свежему воздуху, помню, еще в университете доводила нас до исступления: ладно летом, но зимой-то как можно заниматься в выстуженной аудитории?

— Оденься, — дернул плечом Давлетьяров. — Что нового?

— Ничего, — ответила я. — Уже неделю на елках торчим. Сегодня такое шоу устроили, что даже телевизионщики обалдели. Какой-то там у них вундеркинд-иллюзионист появился, из филиала перевелся. Правда, красиво было.

Игорь Георгиевич промолчал. Впрочем, как и обычно, говорить обычно приходилось мне, а если он открывал рот, так только затем, чтобы сказать какую-нибудь гадость. Я украдкой глянула на часы. Поздно, однако. Сегодня мне отсюда не уехать. То есть, конечно, какое-то движение на дороге не иссякнет и после полуночи, но мне вовсе не улыбалось топтать через ночной лес, а потом ловить попутку, да еще наверняка с полупьяным водителем. Сделать он мне ничего, может, и не сделает, но врезаться в столб или во встречный грузовик — приятно мало. Впрочем, эту проблему я обдумала еще утром, стоя за кулисами, и решила, что не буду и пытаться вернуться в город. Заночую в сестринской, Аня с Ирой меня пустят, а может, и пустая палата найдется. Вряд ли кому-то окажется до меня дело, народ наверняка будет гулять до утра.

Настроение, поднятое было до приемлемой отметки прогулкой по зимнему лесу, опять упало. Может, правда стоило остаться с родителями, а не переться за тридевять земель, чтобы теперь созерцать эту кислую физиономию? Совершенно очевидно, никакого прилива энтузиазма по поводу праздника Давлетьяров не испытывал. Думаю, он предпочел бы, чтобы я оставила его в покое и дала спокойно дочитать книгу.

— Сегодня Новый год вообще-то, — сказала я довольно зло, и Игорь Георгиевич соизволил посмотреть в мою сторону.

— И ты предлагаешь мне присоединиться ко всей честной компании в зале? — Яду в его голосе хватило бы на добрую сотню кобр.

— Да нет. — Я переставила пакет на стул, и внутри кое-что ощутимо звякнуло. — Я подумала, что елок и в лесу полным-полно...

"Замечательная затея, — сказал мне внутренний голос. — Сейчас он пошлет тебя куда подальше с твоими идиотскими идеями, и будет совершенно прав. Давно пора, между прочим."

— Чернова... — Давлетьяров искоса взглянул на меня, и я с удивлением обнаружила, что он, кажется, улыбается. — И что ты еще придумала?

Я пожала плечами. Если честно, в пакете у меня была еще бутылка шампанского — самого обыкновенного, «Советского», которое у меня с детства ассоциировалось с Новым годом, а еще коньяк. Настоящий армянский. Вообще-то мне такое не по карману, но тут мне повезло — у нас в общежитии жил парень-армянин, Гарик Милавян, одно время недвусмысленно за мной

ухаживавший. Вот у него-то я и выцганила бутылку благородного напитка.

Пауза так затянулась, что я уж было подумала — на этот раз терпение Давлетьярова иссякло. Но нет — он поднялся на ноги, встряхнул головой.

— Ну тогда пойдём, Чернова, — сказал он неожиданно. — Подожди только, я оденусь...

Времени это заняло совсем немного — Игорь Георгиевич вечно выходил на самый лютый мороз даже без шапки, чем доводил медсестер почти до инсульта. Ну, такой уж он был, относился к себе абсолютно наплевательски. Наверно, ему просто было все равно.

На улице уже совсем стемнело, шел одиннадцатый час вечера. Зато разъяснилось, видны были звезды, по-зимнему яркие и какие-то колючие. В пакете у меня предательски брякали две бутылки. Что ж я, дура, не догадалась хотя бы обернуть их чем-нибудь? Впрочем, толку-то... А холодный коньяк — это та еще прелесть.

Мы шли по аллее молча. Мы почти всегда молчали — да нам и говорить-то было особенно не о чем. Обычно все ограничивалось коротким вопросом вроде "Что в университете?" и таким же коротким ответом. Я видела, что Игорь Георгиевич вовсе не жаждет подробных моих рассказов о происходящем в стенах альма-матер. Впрочем, немудрено. Я бы на его месте тоже постаралась поскорее обо всем забыть. Только не получалось забыть — я, живое напоминание, каждую субботу являлась сюда. Может, пора было прекратить?

— Чернова, — окликнул неожиданно Давлетьяров. (Как-то так у нас с ним повелось — он меня звал только по фамилии, а я его — по имени-отчеству.) Я подняла на него глаза. Как обычно, он курил. Он вообще стал очень много курить, хотя врачи ему запрещали. Да только ему наплевать было на все запреты. — Чернова, скажи мне...

— Что? — спросила я. На территории санатория горели фонари, их неестественный свет резче обозначал тени, искажал черты, и разобрать выражение лица Давлетьярова я не могла.

— Скажи мне, наконец, какого дьявола ты сюда таскаешься? — Спрошено было совсем будничным тоном, как о чем-то совершенно обыкновенном.

Я уставилась на вспыхивающий и гаснущий огонек на кончике сигареты. Все лучше, чем смотреть в почти неразличимое лицо. Я не знала, что отвечать. Могла сказать "не знаю", и это было бы чистой правдой, но разве ж он поверит? А придумать загодя подходящее объяснение я не удосужилась. Зря, как выяснилось.

— Чернова... — Сигарета вспыхнула особенно ярко, и почти сразу же крохотной кометой полетела в сугроб. — Знаешь... если из жалости, то лучше больше не появляйся здесь. Я доступно выражаюсь?

— Доступно, — буркнула я. Тьфу ты! Ну чего еще можно было ожидать? Такому гордецу, как Давлетьяров, чья-то жалость — как острый нож! А я... жалею ли я его? Если и так, то лишь самую малость, — ответила я себе и добавила невпопад: — Слишком много вы о себе думаете, вот что.

— Хамишь, Чернова. — В темноте вспыхнула новая алая искорка.

— А вы уже третью сигарету за полчаса курите, — не сдержалась я. — Лев Евгеньевич что сказал?

Львом Евгеньевичем звали главврача. Это был веселый толстячок, который, тем не менее, руководил вверенным ему объектом железной рукой.

— Чернова, ты не медсестра и не моя родственница, чтобы мне указывать, — прозвучало из темноты.

— Знаете что, — вырвалось у меня. — Вас, Игорь Георгиевич, даже если очень захочешь пожалеть, все равно не получится! Так что можете не беспокоиться!

— Я не беспокоюсь, Чернова. — Тон был по-прежнему насмешливо-холодноватый, кажется, Давлетьяров сегодня в ударе, помнится, в прежние времена моя группа стоном стонала, когда он входил в раж. — Я тебя просто предупредил.

Я предпочла промолчать. Ясно было, что словесной дуэли с ним мне не выиграть. Да и что тут дуэлировать, и так все ясно... Не хотите, Игорь Георгиевич, чтобы вас жалели, — так и не буду. Все равно, говорю же, не получается.

Фонари остались где-то позади, но темнее не стало — тучи окончательно разошлись, и на небе показалась луна. Зимний лес ночью — красота неопиcуемая, только вот холод стоял совершенно невозможный. Я в своих легких городских сапогах успела основательно замерзнуть.

— Чернова, если тебя устроит эта елка, может быть, дальше идти не стоит? — предложил Давлетьяров, останавливаясь.

Ель была замечательная — высокая, пушистая, вся в снегу. Правда, чтобы подобраться к ней, пришлось залезть по колено в сугроб, но это уж были мелочи.

Да... если верить примете "как встретишь Новый год, так его и проведешь", проводить его я должна была по колено в снегу, изрядно замерзнув, хлюпая носом и злясь на Давлетьярова. А чего я, собственно, от него хотела?

— Как-то непразднично, — сказала я, чтобы хоть что-то сказать.

Ответа не последовало. Давлетьяров, запрокинув голову, изучал звездное небо, и, судя по всему, вступать в разговор не жаждал.

Я сунула руку в свой пакет. Мандарины — чем не елочные шары? Тем более, что они у меня с детства ассоциируются с елкой, с праздником, вкусными запахами и подарками. В этом году мне подарков не дарили...

Оранжевый шарик, подлетев вверх, повис на разлапистой темной ветке. Один, второй, третий... Я спохватилась, только когда перехватила взгляд Давлетьярова, и тут же обругала себя идиоткой. Сколько раз я зарекалась даже упоминать при нем о магии! Даже о самом невинном волшебстве! Это же все равно, что перед хромым хвастаться своими спортивными достижениями! И вот, пожалуйста, сперва расписала в красках выступление иллюзионистов, теперь сама взялась...

Но, против ожидания, на лице Давлетьярова не отражалось ничего, кроме легкого скептицизма, дескать, погляжу я, как ты килограммом мандаринов украсишь эту громадную ель! Мандаринов в самом деле было маловато, их хватило только на нижние ветки. Снег заманчиво мерцал в лунном свете, и меня осенило. Миг — и снежные шапки на еловых лапах замерцали разными цветами, мягко переливаясь в темноте. Красиво получилось, я сама не

ожидала, дизайнер из меня, прямо признаться, аховый...

Теперь света было достаточно, чтобы разглядеть лицо Давлетьярова. Какое-то на удивление спокойное лицо, даже обычная язвительная полуулыбка куда-то подевалась. Он просто стоял и смотрел на мерцающую в темноте ель, сунув руки в карманы. Просто стоял и смотрел...

— Игорь Георгиевич, — произнесла я почти шепотом.

— Что, Чернова?

— Можно спросить?

— Спрашивай. — Очередная сигарета подмигнула мне алым глазком. Черт возьми, да это уже его дневная норма! Хотя... мне-то что за дело?

— Игорь Георгиевич... — Я замялась. — Я давно хотела... В общем... что вы сейчас чувствуете?

— Холодно, — сказал он после короткой паузы. Я чувствовала — он прекрасно понял, что я имела в виду, но, по обыкновению, проигнорировал это.

— Я не об этом, — сказала я, засовывая руки в рукава. Холодно в самом деле было зверски. Градусов двадцать пять ниже нуля, не иначе. А может, и холоднее. — Вы же поняли...

— Создается впечатление, Чернова, — произнес он, — что ты не отучилась четыре с лишним года в университете, и тебя не научили выражать свои мысли. Я не обязан догадываться о том, что ты имела в виду.

— Опять вы... — Я неожиданно обиделась. Обижаться на Давлетьярова было делом пустым и небезопасным, но сегодня настроение располагало. — Не хотите отвечать, так и скажите, чего ерничать-то?

— Чернова в своем репертуаре, — сказал в сторону Давлетьяров и вдруг посерьезнел. — Что я чувствую... Ничего я, Чернова, не чувствую. Вообще ничего. Только и всего.

Я молчала, удивленная скорее самим фактом ответа, нежели его содержанием.

— Прежде... — Давлетьяров глубоко затянулся, облачко дыма поплыло в черное прозрачное небо. — Это было все равно как сломанная рука — она вроде бы и есть, но воспользоваться ею ты не можешь. И это мучает больше, чем физическая боль. А теперь руки нет. Совсем нет. Считай, что ампутировали.

— И фантомные боли не мучают? — не удержалась я.

— Нет, — ответил он и отшвырнул недокуренную сигарету. — Наоборот. Теперь стало намного спокойнее.

Я, кажется, поняла. Несколько месяцев назад, еще будучи магом, Давлетьяров не мог отделаться от воспоминаний о том, каким он был раньше — по-настоящему могущественным, одним из лучших. И от сравнений с тем, что он может сделать сейчас. Такие воспоминания и сравнения разъедают душу не хуже серной кислоты. А теперь? Теперь сравнивать стало не с чем. Остались только воспоминания, но, кажется, Давлетьяров уже смирился с тем, что магией ему больше не заниматься. Странно, вообще-то. Не ожидала я от него такого.

— Не слишком понятно, правда, чем я теперь буду заниматься, — сказал вдруг он, словно

подслушав мои мысли.

— Ну, вы могли бы и дальше преподавать, — заикнулась было я, но получила в ответ взгляд, исполненный такого отвращения, что даже поежилась.

— Чернова, ты несешь чушь, — произнес Давлетьяров знаменитым своим брезгливым тоном, каким разносил обычно нас за невыполненные задания. — Если преподаватель не является практикующим магом, грош ему цена. Магия, как любая наука, не стоит на месте, и уже через пять лет все, что я знаю, безнадежно устареет.

— Ну а, скажем, история магии, теория... — не сдавалась я.

— Историю магии я и сам плохо знаю, — ответил Давлетьяров, и я от неожиданности фыркнула. Шуток от него я никогда не слышала и услышать не надеялась. Подозреваю, что и в этот раз он вовсе не шутил. — Да и тоскливо это...

Я примолкла, уже не радуясь тому, что смогла вызвать Давлетьярова на откровенный разговор. Таких признаний — я была в курсе — он не делал даже лечащему врачу. Если честно, с врачами он вообще не разговаривал, а если и отвечал, то односложно — да или нет, вот и весь разговор. По-моему, если бы не я, он бы вообще сутками рта не раскрывал. И... а я не знаю, что было бы тогда. Пускай уж лучше надо мной поиздевается, я привыкла за время учебы, с меня не убудет.

— Чернова, — сказал вдруг Давлетьяров вполне будничным тоном и взглянул на часы. Циферблат мерцал в темноте слабым зеленоватым светом. — Где там твоя бутылка? Уже без четверти.

— Вы откуда знаете, что у меня бутылка? — удивилась я, доставая требуемое. С ума сойти, как быстро время прошло!

— Звякает, — ответил он. — Что там у тебя еще? Коньяк? Хм... была бы водка, сделали бы "северное сияние".

— А какая разница, что водка, что коньяк, — буркнула я. — Тоже можно с шампанским замешать. У нас в общаге это «Жозефиной» называют...

— В мое время такой коктейль назывался «Буратино», — неожиданно усмехнулся Давлетьяров.

— Потому что после него руки-ноги как деревянные? — проявила я догадливость, радуясь, что неприятная тема свернута. Однако странная сегодня ночь. Если уж даже Игорь Георгиевич заговорил о какой-то ерунде...

— Чернова, а стаканчики ты захватить, конечно же, не догадалась, — констатировал Давлетьяров, воюя с пробкой. — Придется из горлышка.

— Шампанское — из горлышка? — ужаснулась я.

— Ты же в общежитии живешь, Чернова, неужели до сих пор не научилась? — съехидничал Давлетьяров. — Три минуты. Загадывай желание.

Я посмотрела вверх. Красиво... Из главного корпуса слышен был рев телевизора. Вот он притих — сейчас произносит новогодний тост президент. Все сидят навтыжку перед телевизором, сжав в руках бокалы, и ждут двенадцатого удара курантов, чтобы с чистой совестью отхлебнуть

"вина игристого". Или водки. Кому что.

И что мне загадывать? Раньше что-то такое придумывалось, помню, желания еще писали на бумажках, сжигали, пепел высыпали в шампанское и выпивали. Гадость ужасная, но все верили, что так желание вернее сбудется. У меня вот ни разу не сбылось.

— Двенадцать, — сказал Давлетьяров и протянул мне откупоренную бутылку. Я так и не успела ничего загадать...

Шампанское оказалось ледяным, с непривычки я ухитрилась пролить его на куртку — теперь придется ее стирать, и все равно... Стало как-то легко. Я отдала бутылку обратно Давлетьярову. Вот у кого определенно сноровка была — значит, бурная общежитская молодость? Очень любопытно...

Над лесом с грохотом взметнулись разноцветные петарды — это веселились обитатели коттеджного поселка неподалеку. Да что там петарды, залпы шли один за другим, я уж подумала, не подогнали ли они специальную установку для салюта! Красиво было... смотреть салют в зимнем лесу — совсем не то же самое, что из окна своей квартиры.

А что было потом, я помню как-то смутно. Допивали шампанское, заедая его мандаринами, которые приходилось доставать с веток, и это было отчего-то ужасно смешно, и оранжевые шкурки на белом снегу казались праздничным серпантинном... А потом, окончательно замерзнув, решили возвращаться обратно. По-моему, было уже часа два ночи, но в окнах главного корпуса еще горел свет. Видимо, народ оттягивался, как мог.

Но на улице было тихо, «салют» кончился, пошел пушистый, большими хлопьями снег. По дороге я пару раз провалилась в сугроб, окончательно промолив сапоги, но даже не разозлилась. Слишком уж было... хорошо.

— Чернова, — тихо окликнул Давлетьяров, когда мы уже подходили ко входу в здание. — Спасибо.

Я до сих пор не уверена, что мне не послышалось...

Только оказавшись в тепле, я поняла, до какой степени замерзла. Трясло меня основательно, поэтому мне тут же было предложено выпить немного коньяку, чтобы согреться. Идея, понятно, была вполне здоровой, но с мороза, да после шампанского, меня моментально развезло, да так, что я просто отключилась...

Глава 2

Теория

...Открыв глаза, я долго не могла понять, где нахожусь. Комната казалась совершенно незнакомой, сквозь неплотно задернутые шторы пробивался яркий солнечный свет, а еще было удивительно тихо. Еще через пару минут я обнаружила, что лежу, уткнувшись носом в подушку, от которой исходит хорошо знакомый запах одеколона, укрытая пушистым пледом, и определенно без сапог. Стало быть, кто-то меня разул, я точно помню, что сама обувь не снимала. Жаль, что не раздел, спать в джинсах не очень-то удобно...

Тут, наконец, я сообразила, где нахожусь, и подскочила, как ужаленная. Господи... Еще бы комната не показалась мне незнакомой, в таком ракурсе я ее никогда не видела! Не доводилось мне как-то в гостях у Давлетьярова валяться на его кровати! Цепочка событий

восстанавливалась очень просто: замерзнув и гнусно напившись, я попросту вырубилась. Давлетьяров невесть с какой радости проявил благородство и не только не вызвал санитаров, чтобы вынесли мое бесчувственное тело куда-нибудь в свободную палату, а даже укрыл меня пледиком, а сам куда-то исчез. И как я теперь должна смотреть ему в глаза?..

От угрызений совести меня отвлек щелчок дверного замка. На пороге воздвигся Игорь Георгиевич, имевший вид одновременно иронический и любопытствующий. Когда он начинал рассматривать тебя, как редкую зверюшку в зоопарке, лучше было исчезнуть с глаз долой как можно скорее, это я усвоила давно. Жаль только, исчезать было решительно некуда, если только сквозь землю провалиться, чего мне более всего на данный момент и хотелось.

— Голова не болит? — участливо поинтересовался он.

Я помотала означенной головой и поглубже вжала ее в плечи.

— Понятно, организм молодой, излишествами не испорченный, — констатировал Давлетьяров. — Есть чему позавидовать.

— Не издевайтесь... — выдавила я. — Я же не специально...

— На моей памяти ты ничего не сделала «специально», Чернова, — заметил Давлетьяров, подходя к окну и раздергивая шторы. Утро (хотя, скорее, было уже ближе к полудню) стояло морозное и ослепительно солнечное. — Но твоё "не специально" сопоставимо по масштабу последствий со стихийным бедствием.

Я подавленно молчала. Отлично встретила Новый год! Просто замечательно! Лучше бы и правда к родителям поехала или хотя бы в общежитии с соседями отпраздновала, там хоть наутро никто нотаций читать не будет...

— Мой тебе совет на будущее, Чернова, — произнес Давлетьяров, — хотя, скорее всего, ты пропустишь его мимо ушей, как все предыдущие.

Я выдавила жалкое подобие улыбки и изобразила неподдельный интерес.

— Не умеешь пить — не пей вовсе, — сухо сказал Игорь Георгиевич. Я проглотила утверждение, что пить как раз умею. Вчерашние события поколебали мою уверенность в этом факте. — Подумай хотя бы о том, что на моем месте мог оказаться кто-то другой, моложе и беспринципнее. И даже не один. В том же твоём общежитии, к примеру.

Я почувствовала, что сейчас окончательно сторю со стыда, потом до меня дошло, на что намекает Давлетьяров со свойственным ему тактом, и я невольно поежилась.

— Осознала? — участливо поинтересовался Давлетьяров. — Тогда встань и иди умойся, ты похожа на пугало. Мне, в принципе, все равно, но кто-нибудь, будучи с похмелья, может и испугаться.

Поплескав в лицо холодной водой, я слегка успокоилась и решила, что пора ретироваться. Этот Новый год я и так запомню надолго! А дело, ради которого я и явилась сюда в канун праздников, отложу на потом...

Но, очевидно, судьба еще недостаточно надо мной поиздевалась, потому что, вернувшись в комнату, я обнаружила в руках в Давлетьярова некие листочки, которые он весьма вдумчиво изучал, и которые я как раз сегодня ему показывать раздумала.

— Что это такое, Чернова? — осведомился он, а я, вместо того, чтобы поинтересоваться, не учили ли его, что заглядывать в чужие бумаги, даже если они случайно выпали из пакета, когда я доставала бутылки, невежливо, ответила:

— Темы дипломов.

— И для чего ты притащила их с собой? — вскинул брови Давлетьяров. — Впрочем, можешь не отвечать, я сам догадаюсь...

— Просто хотела с вами посоветоваться, — буркнула я.

— Не знаешь, что выбрать? — Давлетьяров, похоже, слегка заинтересовался, и я решила — была не была!

— В общем-то, знаю... — сказала я, глядя в пол. — Там обведено, на последней странице... Три темы, более-менее похожие, только я уже посмотрела, с материалом беда. Вот я и подумала, может, вы что-нибудь подскажите...

Давлетьяров отмахнулся от меня, вытащил из тощенькой стопки последний листок, пробежал его глазами и нахмурился. Потом поднял на меня взгляд, и я невольно поежилась. Так Игорь Георгиевич смотрел, только когда был очень и очень рассержен, а значит, на мою несчастную голову сию минуту должны были обрушиться громы и молнии.

— Значит, все-таки боевая магия, Чернова? — поинтересовался он вполне будничным тоном, в котором, тем не менее, звучали опасные нотки.

— Ну а вы чего хотели? — неожиданно обозлилась я. — На что другое я гожусь, скажите мне, пожалуйста? Вы же и так знаете, что меня просто так из ГМУ не выпустят, после всего этого... — Я мотнула головой, невольно припомнив свое участие в эксперименте. — И что мне, ногами отбиваться прикажете? Все равно же придется!.. Так лучше я сама заранее разберусь, что к чему...

На этот раз Давлетьяров, против ожидания, не стал издеваться над изысканностью выражения мною своих мыслей.

— Если тебе угодно заниматься этим, Чернова, занимайся, — произнес он холодно и сухо. — Это твое дело. А теперь заberi свои бумажки — и вон отсюда. Немедленно.

Я онемела. Таких слов, да еще в подобном тоне я от Давлетьярова не слышала никогда. Я была готова выдержать град насмешек, оскорблений, язвительных замечаний, касающихся моих умственных способностей, но... он просто не пожелал со мной разговаривать! Более того, указал на дверь! А как еще прикажете понимать эти его слова?

— Ну и ладно, — буркнула я, сгребая в охапку куртку, шарф и сумку. — Без вас обойдусь. Счастливо оставаться...

Через пять минут я уже шагала к воротам, даже не ощущая холода от злости. Попросила совета, называется! Да разве я бы обратилась к Давлетьярову, будь на то моя воля? Но руководитель дипломного проекта мне попался, мягко говоря, бестолковый. Павел Иванович Соколов, в просторечии Пал Иваныч, совершенно не горел желанием помогать мне в работе над дипломом. Все, на что его хватило, так это прозрачно намекнуть мне, что тему следует выбрать из последней части списка, из раздела боевой и охранной магии. Я сильно подозревала, что такой никчемушный руководитель — а преподавал он то ли все ту же

пресловутую историю магии, то ли еще что-то прикладное, я толком и не знала, — мне достался не случайно. Думаю, руководство просто хотело посмотреть, на что я способна в принципе. Именно поэтому мне позарез хотелось написать диплом так, чтобы не просто защититься, а защититься блестяще. Наполеоновские планы для моих более чем скромных способностей (я не имею в виду способности магические), но как иначе? Я метила в аспирантуру, тогда я смогу зацепиться в ГМУ покрепче и, глядишь, чего-нибудь в жизни и достигну. А что боевая и охранная магия... чем она хуже той же ветеринарии? Хороший боевой маг — большая редкость и такая же большая ценность. Возможно, и мои опасные способности удастся применить на благо обществу...

Так вот, без помощи мне было определено не справиться, как я уже сказала, материала по облюбованным мною темам было мало, и по большей части в весьма неудобоваримом виде. Впрочем, разыскать информацию не было особенной проблемой, главное, нужно было понять, в какую сторону копать. Вот в этом как раз Пал Иваныч мне помочь не мог, а занявшись этим самостоятельно, я рисковала угробить прорву времени и не достичь при этом никакого результата. Вот я и понадеялась на Давлетьярова. В конце концов, он был магом не из последних, и наверняка был в курсе последних разработок по боевой магии. Но отчего-то он мне помогать не захотел... Должно быть, после полигона ему и думать о боевой магии было противно, тут я его понять могла. Но неужто нельзя было сказать об этом повежливее!?

Одним словом, я разозлилась до такой степени, что решила новогодние каникулы посвятить именно поиску информации. По какой теме больше найдется — той и займусь...

Правда, через пару-тройку дней я была вынуждена констатировать — по всем трем темам материала непростительно мало. И если я еще представляла, как сконструировать практическую часть, то вот с теорией был полный затык. Переписывать всем известные учебники не хотелось, и я закопалась в разнообразные монографии. Кое-где упоминался один очень интересный источник, местами даже кратко цитировался, и я поняла, что если мне удастся эту книгу раздобыть, я все-таки сумею сделать из своего несчастного диплома конфетку. Я уж говорила, что упорства мне не занимать, и искомое я в конце концов обнаружила. И вот тут у меня опустились руки, потому что данная книга имелась в нашей стране всего в двух экземплярах. Один, к слову, хранился в нашей библиотеке, но это меня не спасало, ибо книга была написана на том зубодробительном языке, на котором обыкновенно и составлялись боевые заклинания, а перевода ее на язык родных осин в природе не существовало. Видимо, подразумевалось, что маги, которым может потребоваться такого рода литература, древним языком владеют в совершенстве, и перевод им ни к чему. Увы, я к такому магам не относилась, а читать эту книгу могла, только заглядывая в словарь чуть не на каждом слове. Впрочем, кое-каких слов и в словаре не было, оставалось только догадываться по смыслу, а некоторые особо замысловатые конструкции довели бы до нервной дрожи и мага-профессионала.

Словом, прочитать этот бесценный фолиант я бы смогла, убив на это примерно полгода кропотливой работы. Времени этого у меня, само собой, не было. Оставалось заниматься компиляцией общеизвестных источников, что было нудно, скучно и бессмысленно с точки зрения намеченной мною цели...

Обложившись учебниками и лекциями, я сидела у себя в комнате и готовилась к зачетам. Ну что за извращение: переносить часть зачетов на послепраздничную неделю? Мало того, что за почти недельные каникулы происходит полное расслабление мыслей, и никак не получается собрать мозги в кучу и заставить думать, так еще соседи по общежитию, не такие «ботаники», как я, продолжают праздновать. А празднуют они хоть и не слишком шумно, но все равно ощутимо,

сосредоточиться невозможно. К родителям, что ли поехать? Сегодня воскресенье, завтра им на работу, значит, дома никого не будет, тишина и покой... Ага, и тащи все эти книги на своем горбу сперва туда, а потом обратно через полгорода! Нет уж, лучше уши наушниками заткнуть...

Стук в дверь я расслышала не сразу.

— Кто там? — спросила я недовольно. Если третьекурсница Аня опять будет проситься заночевать, потому что ее соседки по комнате снова устроили тихую оргию, а ее не пригласили участвовать, ей-ей, выгоню к чертовой матери! Надоели...

В дверь просунулась голова вахтера дяди Миши.

— К телефону тебя, — торжественно провозгласил он. — Иди давай, нечего линию зря занимать!

Кто бы это мог быть? Родители или Катерина позвонили бы на мобильный, он у меня только для того и имеется, старый-престарый, в нем даже игр никаких нет. А больше мне звонить некому, может, ошибся кто? Или дядя Миша недослышал?

— Дядь Миш, точно меня спрашивали? — уточнила я, спускаясь вслед за вахтером по лестнице. — Может, Нину из сто пятой?

— Тебя, тебя, — проворчал вахтер. — Чернову спросили, а Чернова у нас в общежитии ты одна. Черняева еще есть, так она, во-первых, Маша, а во-вторых, на праздники домой укатила, в Тверь.

Дядя Миша славился феноменальной памятью, всех живущих в общежитии студентов он помнил в лицо и по именам, мог даже пропуск не спрашивать. Сплетен он тоже знал неисчислимое множество, а больше всего на свете любил ими делиться, поэтому я вахтера избегала. Понимаю, что пожилому человеку хотелось посплетничать, но я-то выслушивать, кто в кого влюбился, а к кому в окно лазили посторонние по пожарной лестнице, не хотела совершенно. Иногда среди девчонок обсуждалась грандиозная идея: свести дядю Мишу с Эммой Германовой, библиотекарем, тоже знатной сплетницей, пусть бы радовали друг друга. Но, по здравом размышлении, от идеи отказывались: заговорят ведь друг друга насмерть, бедолаги...

Я подошла к будочке вахтера на проходной, дядя Миша протянул мне трубку древнего аппарата, по виду моего ровесника.

— Алло? — спросила я, будучи полностью уверена, что кто-то ошибся и хотел услышать именно Машу Черняеву. Не все же ее поклонники знали, что она укатила в Тверь!

— Чернова? — слышалось откуда-то издали сквозь треск помех.

— Да, — удивленно ответила я и хотела было уже спросить, кто говорит, но неведомый собеседник не дал мне такой возможности.

— Если впредь ты, Чернова, решишь изменить своим привычкам, будь любезна сообщить заранее, чтобы я мог запланировать на этот день что-нибудь полезное! А характер будешь демонстрировать своим поклонникам. Я доступно выражаюсь?

Вот по этой последней фразе я вмиг опознала говорящего и потеряла дар речи.

— Вы... вы откуда звоните?.. — ошарашенно спросила я невпопад.

— Из автомата, — огрызнулся собеседник и с треском швырнул трубку.

Я осталась стоять с приоткрытым ртом и вытаращенными глазами.

— Что, кавалер твой? — спросил дядя Миша с интересом.

— Н-нет, — выдавила я, сунув ему обратно телефонную трубку. — Спасибо...

Однако... Не ожидала, вот что я могу сказать! Если честно, вчера я просто не решилась поехать в «Дубки», решила выждать немного, чтобы Давлетьяров остыл, а там, глядишь, он и забудет о моем дипломе. Забудет он, как же, жди! И что такого интересного он может на день запланировать, хотелось бы мне знать? Чаепитие с младшим медперсоналом или внеочередную прогулку по лесу? Я невольно фыркнула. Похоже, Давлетьяров решил, что я изображаю из себя обиженную и оскорбленную, потому и не показываюсь на глаза, а он, очевидно, еще не все мне высказал, что собирался. Додумался же в общагу позвонить... из автомата к тому же. Как ему это удалось, хотела бы я знать? «Дубки» — это уже считается Подмосковьем, в Москву можно позвонить только через «восьмерку». А в «Дубках» выход на «восьмерку» есть, по моему, только с телефона главврача, у пациентов у всех мобильники имеются, зачем им стационарный аппарат? Или на автомате в холле тоже есть «восьмерка»? Ей-богу, не помню, да и какая разница...

Одним словом, в следующую субботу, я, собрав в кучу все имеющееся в наличии мужество и стараясь не выглядеть овцой, идущей на заклятие (полагаю, это получалось у меня не очень здорово), все-таки поехала в «Дубки». Погода выкинула очередной фортель, накануне температура поднялась выше нуля, нападавший перед Новым годом снег превратился в омерзительную грязную кашу, в которой легко можно было утонуть по колена. В ночь с пятницы на субботу опять приморозило, но не сильно. В результате под грязной снежной жижей образовался тонкий слой льда. Снегоуборочной техники, как всегда, не хватало, противогололедных реагентов тоже, и машины по дороге почти не двигались. По пути я насчитала минимум шесть аварий: водители явно не смогли справиться с автомобилями на обледеневшей дороге. А тут еще водитель автобуса по привычке вздумал объехать образовавшуюся по причине очередной аварии пробку по обочине... Автобус кренился так, что пару раз чуть не перевернулся, сильных впечатлений мне хватило!

Видимо, исключительно поэтому я вдруг перестала бояться Давлетьярова. Ну что он мне сделает? Сперва обхамит, естественно, а потом, глядишь, скажет что-нибудь дельное. Главное, не возражать. Когда ему возражают, он окончательно выходит из себя, и тогда с ним становится совершенно невозможно иметь дело. По глубокому убеждению моих однокурсников, такое поведение говорило о серьезных неладах с психикой. Я бы таких резких заявлений делать не стала, тем более, что обычно Давлетьяров казался вполне адекватным, хоть и злым на язык человеком. Хотя я не специалист... Может, спросить у врача при случае? Ага, так мне и скажут...

За такими мыслями я незаметно дошла до ворот санатория, привычно поздоровалась с охранником, по расчищенной дорожке добралась до входа в главный корпус. По счастью, знакомых медсестричек поблизости не оказалось, на вахте сидела какая-то пожилая женщина, безразлично спросившая, к кому я иду, так же безразлично выслушавшая ответ и снова уткнувшаяся в книжку.

По пути через холл я бросила взгляд на телефон-автомат. Ради интереса даже подошла к нему,

вставила телефонную карточку (я всегда ее с собой таскаю, потому что мой дряхлый мобильник имеет обыкновение разряжаться в самый неподходящий момент, а вдруг понадобится позвонить?) и попробовала набрать «восьмерку». Как же... Этот древний аппарат был рассчитан только на местные звонки, у него даже тонального набора не было предусмотрено, чтобы позвонить по карточке IP-телефонии...

Дойдя до знакомой двери, я поежилась, постучала и, дождавшись недовольного "войдите!", открыла дверь.

— Явление второе, — прокомментировал мое появление Давлетьяров. На сей раз для разнообразия он расположился в кресле, закинув ноги на журнальный столик. Хорошо еще, что в палатах настрого запрещалось курить, иначе бы тут топор можно было вешать. — Те же и Чернова.

— И вам здравствуйте, — сказала я. Настрой Игоря Георгиевича ничего хорошего не сулил. Впрочем, у меня у самой настроение было не сказать, чтобы лучезарным, наверно, только поэтому я и рискнула сказать то, что сказала: — Я, собственно, на минуточку. Свои бумажки забрать.

Это было чистой правдой: в прошлый раз я честно выполнила указание выместись вон, но листочки с темами дипломных проектов не забрала. Они у меня имелись и в электронном виде, но формальный повод для визита все равно давали.

— Не зли меня, Чернова. — Давлетьяров закрыл книгу, встал и поставил ее на полку. — Разувайся и проходи.

Это было что-то новенькое, поэтому я постаралась не выказать чрезмерного удивления, быстро скинула куртку, сапоги и устроилась на краешке кресла.

Повисло молчание. Я не знала, с чего начать разговор, и стоит ли вообще это делать, и чувствовала себя крайне неудобно. Игорь же Георгиевич смотрел в окно, будто узрел там нечто невероятно интересное, и попыток заговорить тоже не предпринимал.

— Ну, начинай, Чернова, — велел он, наконец.

— Что... начинать? — опешила я.

— Выкладывай новости недели. — Давлетьяров опустился в кресло напротив, привычно элегантно жестом поддернув штанины брюк. Я машинально отметила, что никогда не видела его в спортивном костюме — настоящей униформе для обитателей санатория, — только в брюках с рубашкой или джемпером, и очень редко — в джинсах.

— Так праздники же были, — обескураженно ответила я. — Ничего не происходило.

— Значит, мне повезло, — хмыкнул Давлетьяров.

— Игорь Георгиевич, — собралась я, наконец, с духом. — Я хотела сказать... в общем... в те выходные я не приехала не потому что там что-то... как вы сказали, характер демонстрировала... Я просто, в общем... побоялась.

— Правильно сделала, Чернова. — Давлетьяров смотрел на меня без улыбки. — На тот момент я был еще несколько... хм...

— Неадекватен, — подсказала я машинально. — Ой...

— Если ты когда-нибудь научишься держать язык за зубами, Чернова, цены тебе не будет, — устало произнес Давлетьяров. — Ладно, неважно. Кое в чем ты была права.

Я выдавила неуверенную улыбку. С какой стати на Игоря Георгиевича напала говорливость, я не понимала, да еще такие заявления... Видимо, что-то в природе не то творится.

Геомагнитный фон и все такое...

— Вот что, Чернова... — Игорь Георгиевич неожиданно поднялся, прошел к двери и запер ее на ключ. — Разговор у нас с тобой будет недолгий и неприятный. Не перебивай! — прикрикнул он, заметив, что я пытаюсь что-то сказать. Он снова сел напротив меня, и я невольно поежилась под его взглядом. — Так вот, Чернова, ты была совершенно права: тебя, с твоим разрушительным потенциалом, в покое не оставят никогда, даже если ты решишь сменить специальность и выучиться, скажем, на кассира. Ты уже увязла в этих играх. Моя вина здесь тоже есть.

— Вы-то причем... — смогла я вставить слово.

— Причем здесь я? — прищурился Давлетьяров. — При том, что нужно было просто вышибить тебя из университета после твоей авантюры, а не переводить на другой факультет. Кое-кто был бы против, но тогда я сумел бы настоять на своем.

Ах вон оно что... И тогда ничего бы не было, ни полигона, ни... И я бы сейчас спокойно училась в экономическом, и не чувствовала себя так, словно завязла в каком-то болоте.

— Почему же вы меня не исключили? — спросила я.

— Мне казалось, что потенциал у тебя невелик, и больших проблем ты доставить не сможешь, — усмехнулся Давлетьяров. — Кто же мог знать, на что ты окажешься способна! Впрочем, неважно, это уже история.

— Да уж, история та еще... — пробурчала я. — Скажите, а...

— Я еще не закончил, — отрезал Игорь Георгиевич. — Надо полагать, Чернова, тебя аккуратно подвели к выбору соответствующей темы диплома, чего ты, конечно, не заметила.

— Как раз заметила, — не выдержала я и выложила свои соображения по поводу Пал Иваныча и его роли в выборе мною темы.

— Надо же, ты все-таки можешь соображать, когда захочешь, — иронически приподнял брови Давлетьяров. — Жаль, такие проблески сознания случаются у тебя нечасто.

Я привычно подавила желание пнуть что-нибудь, хотя бы ножку журнального столика. Толку в этом все равно никакого нет, Давлетьярова не переделать, а ногу я отобью, как пить дать.

— Итак, ты сделала то, чего от тебя хотели, — произнес Игорь Георгиевич. — Дальше у тебя есть два пути. Ты можешь написать средненький, ничем среди прочих не выделяющийся диплом, как сотни других студентов. Если не будешь никак проявлять себя, сольешься с серой массой, то постепенно сможешь отойти в сторону и заняться чем-то другим. Но будь готова к тому, что за тобой всю жизнь будут следить, Чернова. — Он вытряхнул из пачки сигарету, поискал глазами пепельницу, не нашел, разумеется, и, приоткрыв окно, продолжил говорить,

привычно пуская дым в форточку. — Второй путь, думаю, ты представляешь достаточно хорошо, иначе не обратилась бы ко мне, верно? — Я молча кивнула, подбирая под кресло зябнувшие ноги — по полу потянуло сквозняком. — Ты можешь попытаться сделать себе имя. У тебя, с твоим упрямством, может получиться. К тому же, женщин в боевой магии можно по пальцам перечесть, это сыграет тебе на руку. Но тогда, Чернова, обратной дороги не будет, и свернуть в сторону тебе тоже никто не даст. Я доступно выражаюсь?

— Более чем, — пробормотала я, глядя на свои коленки.

— Что может сделать с человеком боевая магия, ты, я думаю, представляешь, — с нажимом произнес Давлетьяров. Я снова кивнула. — Так какой вариант ты выберешь, Чернова?

— Второй, — сказала я, подняла голову и посмотрела в глаза Давлетьярову. Удивления в его взгляде не читалось. — Вы же и так знаете, зачем спрашивать?

— Для проформы, Чернова, известно тебе такое выражение? — Давлетьяров закрыл окно и отошел к книжной полке. Взял с нее какие-то бумаги и вернулся к столику.

В листках, выложенных им на стол, я опознала злосчастный список тем.

— Если уж ты все равно намерена сунуть голову в петлю, — произнес он без тени улыбки, — лучше сделать это под профессиональным руководством.

Я невольно фыркнула. Мне всегда казалось, что чувство юмора у Давлетьярова отсутствует начисто, но порой я готова была изменить свое мнение.

— Поэтому, Чернова, — продолжал Давлетьяров, — я согласен время от времени консультировать тебя. При одном условии.

— Каком? — спросила я, не веря своим ушам. С чего бы это его так переключило? Сперва выгнал, теперь решил помочь... Ничего не понимаю. Может, у него зимнее обострение?

— Ты будешь делать все так, как я скажу, — произнес Давлетьяров холодно. — Без препирательств. Если я услышу хоть одно «но» или "не буду", нашему сотрудничеству придет конец. Тебе ясно, Чернова?

— А выдвигать обоснованные аргументы, почему мне что-то не нравится, можно? — дерзко спросила я.

— Если сумеешь — попробуй, — ответил Игорь Георгиевич. — В чем лично я сильно сомневаюсь. И так?

— Я согласна! — поспешно сказала я. Не дай Бог, передумает, что я тогда делать буду! Если бы я знала тогда, на что соглашаюсь...

— Тогда к делу, — скомандовал Давлетьяров и сунул мне под нос листок. — Из всех тем тебе больше всего подходит эта.

"Дематериализация крупных предметов и ее применение в боевых действиях", — прочитала я. Если честно, среди трех отмеченных мною тем этой не было.

— Игорь Георгиевич, но... — начала было я, но Давлетьяров перебил:

— Первое предупреждение, Чернова. Я ведь сказал — никаких «но». Второго предупреждения

не будет.

Я благоразумно прикусила язык и приготовилась внимать.

— Литература. — Мне на колени приземлился второй листок, исписанный убористым стремительным почерком. — Ознакомься. По большей части все это есть в библиотеке ГМУ, так что особенно утруждать тебя не придется.

Я пробежала глазами список. В самом деле, на приличную часть перечисленных трудов я неоднократно натыкалась в каталоге, а кое-что даже имелось у меня на руках.

— Особенно внимание обрати на эту книгу, — невесть откуда взявшийся в руках Давлетьярова карандаш указал на и так уже дважды подчеркнутую строчку. — Ни для теоретической, ни для практической части тебе ничего лучше не найти.

Название показалось мне знакомым: "Теория и практика боевой магии". Где же я ее встречала? Внезапно меня осенило.

— Э-э... Игорь Георгиевич... — начала я.

— Что, Чернова?

— Тут такое дело... — замялась я. — В общем, я эту книгу видела, у нас в библиотеке тоже она есть...

— И за чем дело стало? — Давлетьяров медленно, но верно начинал раздражаться.

— Так она не переводная! — почти взвыла я. — А вы же знаете, как я «маг-языком» владею!

— Знаю. — Давлетьяров покрутил в пальцах карандаш. — Отвратительно.

— А что ж вы мне «хорьков» ставили, раз отвратительно? — поразилась я. «Хорошо», «хорек» в просторечии, полученное у Давлетьярова, негласно приравнивалось к пятерке, так что я собой даже гордилась. Во всяком случае, мои однокурсники не вылезали из "неудов"...

— Исключительно по контрасту с остальными, — хмыкнул Давлетьяров. — К сожалению, оценок с отрицательным знаком у нас не предусмотрено... Да, Чернова, это проблема.

"И еще какая!" — подумала я и всем своим видом постаралась выразить снедающий меня по поводу собственной языковой безграмотности стыд.

Давлетьяров молчал, крутил в руках карандаш, о чем-то сосредоточенно думал, наверно, о том, зачем вообще со мной связался. Я молчала, в пятнадцатый раз перечитывая список.

— Ладно, Чернова, — неожиданно произнес Игорь Георгиевич. — Без этой книги ты ничего путного не напишешь. Раз так...

Он мотнул головой, словно отгоняя навязчивую мысль, усмехнулся и снова подошел к книжной полке, пошарил на ней. Что-то звякнуло, оказалось — связка ключей. Игорь Георгиевич отцепил два ключа, висевшие на отдельном колечке, протянул мне. Я взяла, все еще не понимая, в чем дело.

— Поедешь по этому адресу, — сказал он, прямо на списке литературы набросав несколько строк. — Комната налево, в нижнем отделении книжного шкафа, в центральной секции,

возьмешь черные папки, не помню точно, сколько их там. Ясно тебе, Чернова?

— А... — До меня дошло, что я держу в руках ключи от чьей-то квартиры. — А чья это...

— Моя, Чернова. — Игорь Георгиевич нахмурился, и я поняла, что с вопросами надо завязывать, разговор явно был ему неприятен. — А раз тебе все ясно, то можешь быть свободна. На следующей неделе привезешь мне подробный план диплома.

— Дверь-то откройте... — уныло сказала я, надевая сапоги. — Зачем вообще запирали?

— Чтобы никто не вломился на крики, — ответил Даволетьяров, и я опять не поняла, шутит он или говорит серьезно.

Я три дня собиралась с духом, чтобы поехать по адресу, данному Давлетьяровым. Я просто не представляла себе, как это можно — войти в чужую квартиру в отсутствие хозяев, взять какие-то вещи... Но раз уж он доверил мне ключи и велел забрать папки, значит, тем самым дал разрешение? Ох, что-то я опять задумалась не над тем, чем надо!

Ехать пришлось далеко, через полгорода, часа полтора, сперва на метро, потом автобусом. Немудрено, что Игорь Георгиевич частенько оставался на ночь в университете, попробуй, доберись сюда поздно вечером! Тут и днем-то транспорт ходил редко и как-то неохотно, словно делал большое одолжение.

Дом, правда, оказался относительно новым, я такие знала, моя подружка Катерина как раз в таком и обитала. Квартиры в них были просторные и очень недешевые.

Искомую квартиру я обнаружила на пятом этаже. Массивная дверь выглядела, тем не менее, почти элегантно на фоне стальных чудовищ с перископными «глазками», закрывающих входы в другие квартиры на лестничной клетке. Я на всякий случай набросила на себя простенькое заклинание, позволяющее остаться незаметной. Не хватало еще, чтобы кто-то из соседей милицию вызвал, увидев, как незнакомая девица открывает чужую дверь.

Замки открылись легко, а вот сама дверь оказалась тяжелой, видимо, под обивкой все-таки скрывалась сталь. Я прикрыла ее за собой и огляделась. Квартира оказалась двухкомнатной, но по размерам была определенно больше родительской «трешки». Просторная прихожая, арка, короткий коридор...

Квартира казалась нежилой, хотя пыли не было, а воздух не казался затхлым: хорошему магу ничего не стоит избавить свое жилище от таких неприятных мелочей. И тем не менее, начисто отсутствовали те мелочи, по которым можно сразу определить — в квартире кто-то живет: раскрытая книга, брошенный на диване пульт от телевизора, неровно сложенная стопка компакт-дисков. Здесь же все было расставлено по местам словно бы раз и навсегда, да так и законсервировано.

Я не стала долго озираясь по сторонам, мне было неприятно находиться здесь, так что я сразу направилась к книжному шкафу. Значит, нижнее отделение, центральная секция... Я потянула на себя дверцы: полки были плотно забиты книгами, общими тетрадами. А вот и искомое, толстые папки в черной клеенчатой обложке, таких уже сто лет не продают, их правда было трудно с чем-то спутать. Раз, два... всего их оказалось семь.

Осторожно вытащив одну, я развязала завязки. В папке оказалась стопка чуть желтоватых тонких листов, исписанных с обеих сторон очень знакомым мне резким летящим почерком. Я

перевернула один лист, другой, третий, пролистая до середины — попадались кое-где даже машинописные страницы... потом закрыла папку, отложила ее в сторону и, так и сидя на полу, крепко задумалась. Итак, в этих папках — не что иное, как перевод книги "Теория и практика боевой магии", сделанный, судя по всему самим Давлетьяровым, и достаточно давно. Не столь важно, почему он этот перевод не опубликовал, важно другое — имею ли я право воспользоваться результатом его работы? Ведь если цитировать в дипломе отрывки из книги, то на русском, а не на языке оригинала, и придется делать сноску, мол, перевод такого-то. И чье имя указывать? Свое? Или Давлетьярова?

Помучившись минут пять, я решила, что об этом можно подумать позже, а лучше всего — спросить самого Игоря Георгиевича, как поступить. Пока же надо взять, что велено, и убираться восвояси. Мучиться совестью можно и дома...

Решив так, я решительно вытащила еще пять папок, последняя же за что-то зацепилась. Я потянула решительнее, папка неожиданно поддалась, а вместе с нею на пол вылетело еще что-то. Оказалось — пухлый бумажный конверт большого формата, неподписанный. Я взяла его в руки, намереваясь засунуть обратно, но тут ветхая, протершаяся на сгибах бумага прорвалась, и мне на колени хлынул поток фотографий.

"Да что же это такое!" — расстроилась я и начала собирать разнокалиберные фотографии, многие еще черно-белые. Конечно, одним глазом я посматривала на запечатленные на фото лица, совершенно незнакомые. Должно быть, эти фотографии относились к студенческим годам Давлетьярова, если судить по одежде и прическам. А вот, кстати и он сам... Я не удержалась и взглянула пристальнее. Видимо, снимок был сделан на субботнике или еще каком-то мероприятии в этом роде. Во всяком случае у ребят на заднем плане в руках у кого грабли, у кого метлы, а деревья стоят почти голые. Сам Игорь Георгиевич, совсем молодой, в толстом свитере, с дурацкой стрижкой, какие носили в те годы, с сигаретой, недовольно щурится в объектив камеры, а за спиной его корчат рожи несколько парней, в одном из которых я по некотором раздумьи опознала недоброй памяти Лодыгина. Следующая фотография заморозила меня окончательно: тот же субботник, но на этот раз Давлетьяров обнимает за плечи прехорошенькую девушку и даже вполне искренне улыбается, а неподалеку маячит средних лет женщина в беретке, удивительно кого-то мне напоминающая. Я перевернула карточку: на обороте было подписано карандашом, округлым незнакомым почерком — "Игорь, мама, я", и стояла дата. Я прикинула в уме — Давлетьяров должен был тогда быть на четвертом или пятом курсе. Давненько, однако...

Вздохнув, я начала собирать остальные фотографии, чтобы убрать их уже, наконец, на место, но, заметив краешек цветного снимка, снова не удержалась от любопытства. Лучше бы удержалась, честное слово, потому что это оказались свадебные фотографии. Та самая прехорошенькая девушка в простом белом платье, без фаты, правда, только в веночке из искусственных мелких цветочков — последний писк моды по тогдашним временам, мне еще мама рассказывала, ее младшая сестра, моя, стало быть тетка, как раз в то время замуж выходила, — с букетом то ли хризантем, то ли пионов, счастливая, сияющая. Давлетьяров, с трудом сдерживающий улыбку. По бокам, наверно, свидетели, незнакомые лица. И все та же женщина, только теперь не в беретке, а с высокой торжественной прической. Господи, да на кого же она так похожа?

Я снова перевернула фотографию, надеясь увидеть там подсказку. На мое счастье, таковая нашлась, иначе бы я умерла от неудовлетворенного любопытства. Подпись, на этот раз сделанная, видимо, рукой фотографа, гласила: "Слева направо: Алексей Кудрин, Светлана Зорькина, Игорь Давлетьяров, Лидия Смирнова, Наталья Собенко, Павел Званский, Лариса Смирнова." Я опять взглянула на снимок и поразились собственной тупости. Конечно, меня

ввела в заблуждение прическа! Таких залитых лаком «башен» давно никто не носит, и эта женщина сейчас щеголяет элегантно модной стрижкой... Лариса Смирнова — это Лариса Романовна Смирнова, наша преподавательница и... и, похоже, мать Лидии Смирновой, если судить по фотографии с «субботника». То есть... теща Давлетьярова!?

Я посидела еще минут пять, раскачиваясь из стороны в сторону, как маятник. Кое-что теперь становилось ясным, во всяком случае, своеобразные отношения Давлетьярова с Ларисой Романовной. С другой стороны, прибавилось и тайн. Выходит, Игорь Георгиевич был женат? На этой самой Лидии? Но никто никогда о ней не слышал, что странно, раз она училась в нашем университете (а в этом я даже не сомневалась — с такой-то мамой!). И обручального кольца он не носит. Да и в этой квартире присутствия женщины ну никак не ощущается! И потом, имейся у Давлетьярова какая-то жена, неужели бы она не объявилась на его мнимые похороны, не навестила бы его в санатории? Складывалось впечатление, что была эта Лидия Смирнова, была... а потом исчезла. Может, бросила его? Я бы не удивилась, ужиться с Давлетьяровым, судя по всему, способен только ангел небесный. А любая нормальная женщина на второй день совместной жизни наверняка огреет его сковородкой, соберет вещи и уйдет к маме. Влюбленные, правда, говорят, к нормальным не относятся, но рано или поздно угар пройдет, и глаза должны открыться...

Я быстро сложила фотографии, как попало, завернула в бывший конверт и сунула в шкаф. Какое мне, в сущности, дело? Я разве до этого не знала, что в жизни Игоря Георгиевича тайна на тайне сидит и тайной погоняет? Ну, был он женат, что с того?.. Другой вопрос, почему к нему Лариса Романовна так хорошо относится, привычнее, когда теща с зятем, как кошка с собакой, тому примером отношения моего отца с бабушкой. Хотя чего только не бывает... И надо было мне сунуть нос в эти фотографии!

Чувствуя себя так, будто без спросу вломилась в чью-то спальню, я быстро сложила папки в заранее припасенный пакет, тщательно заперла за собой дверь и поехала домой. На душе было тяжело и муторно.

План диплома я все-таки написала, покопавшись в переводе. На мое счастье, почерк у Давлетьярова был разборчивым, и писал он без сокращений, не то что я, в моих лекциях черт ногу сломит, а уж почерк... План, на мой взгляд, получился вполне приличный, во всяком случае, не из трех пунктов. Но, конечно, Игорь Георгиевич, изучив мою писанину, брезгливо бросил листок на стол и заявил:

— Это никуда не годится.

— Почему?.. — расстроилась я.

— Потому что это халтура, Чернова, — отрезал Давлетьяров. — Если ты намерена и впредь так относиться к работе, то я умываю руки.

— Да почему халтура-то, объясните вы нормально! — обозлилась я.

Игорь Георгиевич объяснил. Он так объяснил, что к концу его монолога у меня уши пылали. Нет, он не произнес ни единого бранного слова, и лично меня ничем не оскорбил, но разделал мой злосчастный план так, что я сама удостоверилась — и правда, халтура.

— Могу поспорить, о внутренней структуре работы ты даже не задумалась, — завершил речь Давлетьяров. — Кусок выдрать оттуда, кусок стянуть отсюда, кое-как слепить вместе — и готово, сойдет. Вот это, Чернова, я и называю халтурой. Не делай обиженное лицо, вы все

сейчас такие.

— И что делать? — спросила я мрачно.

— Садись, — он кивнул на кресло у журнального столика, — и переписывай. Прямо сейчас. Я пока выйду покурить. Думаю, четверти часа тебе хватит.

Кляня на чем свет стоит и себя, и проклятый диплом, и Давлетьярова, я села и переписала план, внеся те исправления, которые, как мне казалось, имел в виду Давлетьяров. Ну а вернувшись, он и этот вариант разгромил в пух и прах.

— Если ты рассчитываешь, что я буду делать за тебя твою работу, Чернова, ты глубоко ошибаешься, — заявил он в конце концов. — И вложить тебе свои мозги я не могу, к сожалению. Все, что я могу — это попытаться научить тебя думать своей головой, а не тупо переставлять куски текста. Ясно тебе, Чернова?

— Ясно... — пробурчала я, беря чистый лист.

Этой пытке Давлетьяров подвергал меня ровным счетом три часа, в течение которых успел несколько раз довести меня почти до истерики, потом до состояния тупого оцепенения, когда я хотела только одного — чтобы он от меня отстал, а затем разозлить. Видимо, злость оказалась продуктивным чувством, потому что я умудрилась все-таки выдать нечто, почти удовлетворившее Давлетьярова.

— Это уже на что-то похоже, — кивнул он, пробежав взглядом мои каракули. — Не сопи и не сверкай на меня глазами, Чернова, ты уже вышла из детсадовского возраста.

Игорь Георгиевич переставил местами два подпункта, дописал пару слов к третьему и отдал мне листок со словами:

— Достаточно с тебя на сегодня. В следующий раз подробно опишешь мне все, что собираешься писать по каждому из пунктов, по каким источникам. Можешь письменно, в твоём устном изложении это займет дня два, не меньше. — Он усмехнулся. — Задание ясно, Чернова?

— Да. — У меня уже не было сил даже огрызаться, я молча оделась, сгребла свои бумажки и двинулась к выходу. Потом вспомнила кое о чем. — Игорь Георгиевич, я хотела вот что спросить... в общем...

— Хотела, так спрашивай, — поморщился Давлетьяров.

— По поводу вашего перевода, — выпалила я. — Могу я сослаться в тексте на вас, как на переводчика?

— Вот только попробуй, Чернова. — Игорь Георгиевич улыбнулся, но так, что мне захотелось оказаться как можно дальше отсюда.

— А что же мне писать? — удивилась я.

— Пиши "перевод Черновой Наины..." как там тебя по отчеству? Работа с первоисточниками — большой плюс.

— Но это же неправда! — вспылила я. — Так... так нечестно!

— А передирать главы из учебников честно, Чернова? — поинтересовался Давлетьяров. — Если тебя волнует вопрос авторства, то забудь об этом. Перевод я делал для себя, от нечего делать, и публиковать его никогда не собирался.

— Когда это вам было нечего делать? — буркнула я.

— После первого проекта «Демидурга», — коротко ответил Давлетьяров. Я поперхнулась и забыла, что хотела сказать. — Надо было чем-то заняться, чтобы не сойти с ума, Чернова, так что радуйся, что для перевода я выбрал именно эту книгу.

— И все равно... — упрямо пробормотала я. — Не могу я так...

— В качестве компенсации можешь пообещать, что выучишь язык на таком уровне, чтобы свободно читать первоисточники, — любезно предложил Давлетьяров.

— Хорошо, — сказала я, хотя представляла, в какую кабалу лезу. — Идет. Выучу.

— Я ведь проверю, Чернова, — хмыкнул Давлетьяров. — Готовься.

— Приготовлюсь, — буркнула я и направилась к двери. — До свидания.

— Ты не вполне безнадежна, Чернова, — сказал Давлетьяров мне в спину. — Из тебя еще может выйти что-то путное.

"Спасибо за комплимент," — подумала я мрачно и вышла за дверь. На улице уже почти стемнело, я шла по лесной дорожке, шмыгала носом и отчаянно жалела себя. Что бы мне не пойти по проторенной дорожке? Ну, не блеснула бы, так и не мучилась бы так! Какого черта я связалась с Давлетьяровым? Он же из меня душу вынет... Он в аудитории-то зверствовал так, что особо нервных, вроде Светки, потом приходилось отпаивать валокордином, а уж как он оторвется на мне одной, представить страшно!

Я смахнула с ресниц замерзшие слезинки. Ага. Взятся за гуж...

А с другой стороны, за сегодняшний день Игорь Георгиевич произнес больше слов, чем за предыдущие пару месяцев, вместе взятые. И... я не знаю даже, как это сказать... загорелся, что ли? У него в последнее время были спокойные, даже безразличные глаза, но сегодня мне показалось, что в них зажегся прежний опасный огонек.

Я невольно усмехнулась. Тоже мне, нашла терапию... диплом помогать писать. От такой помощи, кстати, повеситься впору. Ладно, посмотрим, что будет дальше...

А дальше все происходило примерно в таком ключе: я привезла развернутый план, Давлетьяров, разумеется, в две минуты исчеркал его весь и заявил, что поспешил сделать вывод о моей небезнадежности, раз уж я умудрилась испортить даже вполне пристойный план работы. Я оскорбилась и потребовала объяснить, что не так, Давлетьяров объяснил в свойственной ему убийственно вежливой манере, я позволила себе не согласиться с некоторыми его замечаниями. Он напомнил, что я обещала не пререкаться, а я, в свою очередь, напомнила, что аргументированные возражения выдвигать не запрещено. Давлетьяров заявил, что ни одного аргумента пока не услышал, и я попробовала привести парочку. Давлетьяров ни с того ни с сего развеселился и сказал, что мои способности к логическому мышлению его всегда умиляли. Я обиделась, на что мне был дан вежливый совет ехать дуться домой, к маме. Слово за слово, Давлетьяров на меня наорал, я таки умудрилась вывести его из себя. Впрочем, я в тот день была тоже не в духе, поэтому осмелилась повесить

голос в ответ. Это его так удивило, что немедленного смертоубийства не последовало. В результате мне снова было велено сесть и переписать то, что я накропала дома. Разумеется, переписывать пришлось не раз и не два, а на одном моменте мы снова сцепились, но, в конце концов, Давлетьяров задавил меня авторитетом, и я вынужденно согласилась...

А что происходило, когда я начала привозить ему черновики глав, страшно даже сказать. Если бы Давлетьяров предусмотрительно не запирали дверь всякий раз, как я приходила к нему со своим дипломом, к нему постоянно ломались бы встревоженные соседи и медперсонал.

Не знаю уж, то ли от постоянного стресса мозги у меня начали работать в нужном направлении, то ли Давлетьярову удалось-таки научить меня думать головой, а не другим местом, как он все время грозился, но мало-помалу дело пошло на лад. Я даже пару раз удостоилась сомнительного комплимента, что-то вроде "твои мозги пока еще не окончательно окостенели, Чернова, если будешь ими постоянно шевелить, возможно, до чего-то и додумаешься".

Хорошо еще, я озаботилась написанием диплома заранее, большинство моих однокурсников все еще выбирали темы, а дело тем временем катилось к весне. Вчерне — и это после стольких-то правок! — теоретическая часть была уже готова, правда, Пал Иванычу я об этом пока не говорила, делая вид, что бездельничаю наравне со всеми остальными. Но все это были цветочки, ягодки начались, когда я добралась до практической части. Мало того, что жуткие задачи по дематериализации, которые Давлетьяров щелкал в уме, я решала с большой натугой, так он еще требовал от меня оригинального подхода. Какой там оригинальный подход, если я и традиционными-то методами их с трудом решаю! На занятиях нам давали только самые основы, да еще мы работали с мелкими предметами, с крупными же нужен совсем другой подход, и закономерности там тоже иные. Вот я и впихивала в себя в крайне ограниченное время чуть не годовой курс дематериализации... Выходило не очень здорово, у моих нетренированных мозгов было, фигурально выражаясь, несварение, а формулы дематериализации снились мне по ночам в кошмарных снах.

Убедившись в полной моей несостоятельности, Давлетьяров попробовал сам объяснить мне то, до чего я была неспособна дойти своим умом. Сказать, что это была жесткая дрессура — значит ничего не сказать. В одном я убедилась точно: Игорь Георгиевич прекрасно умеет объяснять, что называется, на пальцах, просто никогда до этого не опускается, наверно, считает ниже своего достоинства. Правда, до меня он один раз все же снизошел, я почесала в затылке, подумала "И как это раньше до меня не дошло?!", и после этого дело пошло на лад. Беда, видимо, была только в том, что я полезла в дебри, не разобравшись толком в основах. И, хотя решать задачи в уме я все равно не могла, зато на бумаге наловчилась делать это вполне прилично. Давлетьяров, видимо, отчаявшись выжать из меня оригинальный подход, махнул рукой, сказав, что пока и так сойдет, а в процессе, глядишь, и нарисуеться что-то, и продолжил пытаться задачками...

За этим интересным времяпрепровождением я как-то не заметила, что наступила весна. Каким образом я еще умудрялась сдавать между делом зачеты, сама не понимаю. Большая часть сданного материала тут же вылетала из головы, на что не уставал мне пенять Давлетьяров, дескать, нынешние студенты зубрят только для того, чтобы сдать и тут же забыть. У самого у него память была феноменальная, и мне оставалось только краснеть, когда он тоном, не терпящим возражений, заявлял что-то вроде "Этот раздел должны были читать вам во втором семестре четвертого курса, изволь освежить в памяти к следующему разу."

Общаться с однокурсниками я почти совсем перестала. К концу пятого курса у них сложилось все-таки подобие дружбы, и время от времени ребята собирались у Маргариты, которая, как

выяснилось, жила одна на съемной квартире. Меня не звали, а я и не напрашивалась. В аудитории же общение ограничивалось просьбой дать переписать лекции или содрать на зачете. В этом я никому не отказывала, так что меня вежливо терпели, и только. Впрочем, для душевного общения у меня была Катерина, так что я особенно не расстраивалась.

С другой стороны, даже с Катериной я не делилась всем. Никак не могла найти повода, чтобы рассказать ей о странной ситуации, в которой оказалась, а без повода заговорить не получалось. Да и что она могла мне сказать? Ее реакцию я вполне могла предугадать, а раз так, зачем и рассказывать?.. К тому же в последнее время Катерина увлеклась очередной своей любовью (коих у нее случалось штук по пять в году), а потому мы уже давно не общались...

Глава 3

Практика

В одни выходные в конце апреля родители вытащили меня на дачу. Дачей у нас именуется участок в классические шесть соток и маленький летний домик на этих сотках, хорошо еще, с печкой. Вообще-то, я дачу люблю, но предпочитаю ездить туда, чтобы поесть клубники, малины и прочих даров природы, ну еще позагорать по возможности, а вот ковыряться в земле — терпеть не могу. К сожалению, родители этого осознать никак не могут. Более того, в последние пару лет они все норовят приспособить мои магические способности на благо общества. Как бы я ни старалась объяснить, что работа с живой материей дается мне плоховато, и я никак не могу ускорить рост ранней редиски и заставить клубнику цвести обильнее, максимум, на что я гожусь — убирать мусор, ничего не помогает. Вот и в этот раз меня обвинили меня в лени и небрежении дочерними обязанностями, я, конечно, обиделась и, недолго думая, подхватила свой рюкзак и отправилась обратно в город. До электрички надо было идти довольно далеко, сперва ухабистой грунтовой дорогой, ведущей к нашему садоводству, потом через унылый поселок, притулившийся на обочине большой магистрали, а затем снова лесом. Дорогу эту я знала отлично, ходила ею много раз, а потому особенно по сторонам не смотрела (да и смотреть было особенно не на что), шла, глядела под ноги, чтобы не увязнуть в луже, и размышляла обо всем понемногу.

Беда в том, что, когда я задумываюсь, я перестаю смотреть по сторонам. А это не всегда хорошо кончается, пора бы мне уже запомнить. Вот и теперь — я давно уже перешла дорогу и шла теперь вдоль трассы, стараясь не пропустить тропинку, ведущую к железнодорожной станции, когда, наконец, заметила, что за мной давно уже следует приземистая, по самую крышу заляпанная грязью машина. Ползет себе у самой бровки тротуара, хотя таким угвазданным разбитым иномаркам полагается носиться с ревом, лязгом отваливающихся на ходу деталей и визгом покрышек. В машине заметили, очевидно, что я обратила внимание на это «сопровождение». Иномарка чуть надала, остановилась вровень со мной. Опустилось стекло со стороны пассажирского сиденья, наружу высунулась веселая поддатая морда южной национальности.

— Эй, красавица, давай подвезем! — предложила морда.

— Спасибо, не стоит, мне недалеко, — вежливо ответила я, подумав, что здесь что-то не так. Красавицей меня даже родная мать никогда не называла. Сумерки, конечно, да и парень слегка поддат, а может, он ко всем так обращается...

— Да брось, что ноги бить! — Дверца начала открываться, одновременно щелкнул замок задней двери. — И какие ноги!..

Сколько их там? Стекла были наглухо затонированы, не разберешь, сколько в машине пассажиров. По мне, так и двоих было слишком много. "Вот влипла!" — промелькнуло в голове, пока парень выбирался из салона, а потом раздумывать стало некогда.

Я никогда не была особенно сильна по части физической подготовки, но через заборчик высотой мне по пояс махнула с места, не задумавшись. Если бы преподавательница физкультуры, вечно корившая меня за лень, это видела, непременно поставила бы мне «отлично» за семестр. Отогнав эту нелепую мысль, я рванула через кусты в лесополосу, успев еще порадоваться, что на мне кроссовки, а не туфли.

Рассудив, что подвыпившие парни в сумерках вряд ли побегут за мной в лес, бросив машину, я постаралась забраться как можно дальше. Как я не переломала ноги, перелезая через поваленные деревья и то и дело проваливаясь в ямы, ума не приложу. Шумела я при этом, как стадо бизонов, так что кроме хруста веток под ногами, ничего и не слышала.

Решив, наконец, что забралась достаточно далеко, я остановилась и прислушалась. В лесу было тихо, издалека доносился шум электрички, но и только. Внезапно меня разобрал истерический смех. Ну надо же так перетрусить! И ведь начисто забыла, что я без пяти минут дипломированный маг, и могла бы превратить эту проклятую иномарку в консервную банку!.. Или, на худой конец, сделаться незаметной, как тогда, в библиотеке. Позорище...

— Это я! — раздалось совсем неподалеку, и я притихла. Говорил тот самый поддатый парень, голос я узнала, вот только теперь не казалось, будто его владелец сильно подшофе. Голос был совершенно трезв и очень зол. — Да... не она! Да говорю тебе, не она!

Я наострила уши. Интересно, что это значит?

— А что фотка? — продолжал тот же голос, должно быть, парень разговаривал по мобильнику. — Самая обыкновенная девка, каждая вторая на нее похожа! Ну, ошиблись... Ты ж сам сказал, что она может отбиваться начать, ну мы и приготовились, шокер там... да... да... — Парень притих, видимо, слушал собеседника. — Сделали, как договаривались, а она заорала, как резаная, и в лес ломанулась... сам за ней гоняйся по кустам!.. Тут грязи по колено! Да... понял. Едем.

Послышались шаги, ругань, потом все стихло.

Я присела на подвернувшееся бревно, не жалея джинсов, и задумалась. Похоже, ждали именно меня, вот что. Только кому и зачем я понадобилась? Пожалуй, стоит поблагодарить собственную трусость: не рвани я в лес — кстати, и вовсе я не орала! — мало ли, что могло произойти. Допустим, я бы атаковала, пусть даже совсем слабо. А кто знает, может, в машине тоже был маг! Вполне вероятно, что, выдай я себя, мне бы не поздоровилось...

Подумав еще, я решила выбираться обратно к дороге. Вряд ли меня там караулят, да я теперь буду настороже. Думать о том, кто это был, и что им от меня понадобилось, я буду дома, а то опять доразмышляю до потери бдительности.

Выбравшись на обочину — через заборчик теперь пришлось карабкаться, неумело матерясь и рискуя порвать штаны, — я критически осмотрела себя. Джинсы промокли чуть не по колено, а уж грязные! На кроссовках тоже по паре килограммов мокрой глины, не иначе. Рукав куртки порван, наверно, за сучок зацепилась. Зато сама цела, а прочее поправимо.

Почистив кроссовки при помощи сухой ветки и кое-как отряхнув джинсы, я с оглядкой двинулась дальше. На электричку не пойду, хоть и собиралась, лучше уж дойду до автобусной

остановки, она чуть дальше по дороге. Экспрессы, если есть места, всегда подбирают пассажиров, так я и доберусь до города. Пожалуй, даже быстрее будет, чем на электричке, до которой еще дойти надо.

Как я предполагала, так и вышло. Полупустой автобус-экспресс открыл мне переднюю дверь, я сунула водителю полтинник, получила сдачу и устроилась в конце салона. В автобусе было тепло, меня моментально потянуло в сон, но я не позволила себе расслабиться.

Значит, парень сказал, что у меня слишком обыкновенная внешность, перепутать меня с кем-то ничего не стоит. Это, с одной стороны, хорошо, один раз мне повезло. С другой стороны, второй раз они вряд ли ошибутся. Моя фотография у них есть. Откуда-то они знали, что меня нужно ждать именно на этой дороге. Откуда? Кто мог знать, что я поеду на дачу и буду возвращаться в воскресенье вечером? Да уж, вопросов больше, чем ответов! Хорошо бы посоветоваться с кем-нибудь, но... с кем? Кому я могу доверять? И кому я понадобилась, чтобы за мной гоняться начали, вот в чем вопрос!

Советоваться мне было не с кем. Родители перепугаются до полусмерти, ну а университетское начальство, скорее всего, пропустит мои бредни мимо ушей. Подумаешь, привязались мужики на дороге, с кем не бывает! Нет, тут подмоги ждать неоткуда...

Вид машины и особенно манера моих преследователей разговаривать наводила на мысль, что это какие-то бандиты. Что им от меня надо, вопрос второй, а вот на то, что в университетское общежитие они не сунутся, я сильно надеялась. Значит, эту неделю я с территории университета ни ногой. Хм... а ведь если они знают о моих привычках, то наверняка осведомлены и о том, что по субботам я езжу в «Дубки», и могут меня поджидать. Дорога там идет лесом — кричи, никого не докричишься. Но до «Дубков» мне добраться необходимо, хотя бы потому, что если кто и сможет дать мне совет по поводу сложившейся ситуации, так это Давлетьяров. Значит, ехать надо на неделе, пораньше с утра, и при этом по возможности изменить внешность. Тут я хмыкнула: дожидаясь, Чернова, в шпионов играть взялась! Если за тобой охотятся серьезные ребята, твоя маскировка их не обманет! Но все же хотелось успокоить себя, чем я в понедельник и занялась. Проще всего, конечно, было бы воспользоваться иллюзией, но ее поддерживать замучаешься, а отвлечешься — все усилия насмарку.

Обычно я совсем не крашусь, хотя и умею, просто потому, что лень тратить на это время. Оказывается, немного макияжа здорово меняет внешность, особенно если погуще намазать ресницы и губы! Плюс солнечные очки, одолженные у соседки по общежитию... Хорошо, но мало. Пришлось еще переодеться: завалившиеся в чемодане «приличные» бриджи вместо любимых потертых джинсов, топик веселенькой расцветки. Сюда нужны были туфли на каблуках, но я решила не рисковать: если придется бегать, на каблуках я далеко не убегу, я на них и хожу-то с трудом. Пришлось разориться на новые яркие кроссовки.

Обратив внимание на мои попытки сменить имидж, одна из девчонок-соседок посоветовала мне подстричься. Решила, должно быть, что я вознамерилась, наконец, найти себе парня. Я подумала, пришла к выводу, что свой резон в этом есть, и заглянула в ближайшую парикмахерскую. Я-то всегда носила волосы чуть ниже плеч, соберешь их в «хвост», и отлично, никакой возни, только подравнивать раз в несколько месяцев. Ну а после процедуры, критически оглядев себя в зеркале, я пришла к выводу, что теперь меня родная мать не узнает. Короткая стрижка, кокетливое каре, изменило меня радикально, вот только волосы лезли в глаза. Мастерница уверяла, что идет мне необыкновенно, да и соседки в общежитии новый образ одобрили. Мне, если честно, было все равно, идет мне или нет, главное, что узнать меня теперь было сложно. В приливе одновременно вдохновения и жадности я купила на лотке пакетик

иранской хны вместо дорогой краски для волос и намазала ей голову, но немного перестаралась. В результате из средне-русой я стала огненно-рыжей, но так было даже лучше.

В среду рано утром, как только открылось метро, я отправилась на автовокзал. В такую рань, да еще в будний день, автобус шел почти пустой. Я извелась, оглядываясь по сторонам и пытаюсь вычислить, следит за мной кто-то или нет. Потом разозлилась, поняв, что это уже отдает паранойей. Если на меня попробуют напасть, я буду отбиваться, а там уж будь что будет. Уж всяко лучше, чем шарахаться от каждого парня, решившего со мной заговорить. А их, кстати, было не так уж мало, только в метро привязались, несмотря на ранний час, двое, а в автобусе подсел еще один, все норовил меня разговорить. Я, правда, отшила его, и резко, не до того мне было, хотя перемена отношения представителей сильного пола к моей персоне смешила. То не замечали в упор, а то... Только и надо было, что перекрасить волосы и нацепить кокетливые брючки в облипочку.

Эти брючки, кстати, я прокляла раз сто, пока шла по лесной тропинке к «Дубкам», — на мои голые ниже колен ноги набросились комары, а я, конечно, забыла дома средство от них. Буду теперь чесаться, как шелудивая болонка...

Но все это было ерундой по сравнению с тем, что ждало меня в «Дубках». Честное слово, это был первый и единственный раз, когда мне удалось поразить Давлетьярова до потери дара речи. Вообще, если честно, он меня и узнал-то не сразу, что говорило о действенности маскарада.

— И что это означает, Чернова? — поинтересовался он, когда дар речи обрел. Потом добавил неожиданно: — Я не говорю, что ты плохо выглядишь, но с чего бы вдруг?

— Весна, Игорь Георгиевич, — пожала я плечами. — Тянет на перемены...

— Охотно бы поверил, — хмыкнул он, — знай я тебя немного хуже. Что у тебя случилось на этот раз, Чернова? Ты ведь явилась сюда среди недели не потому, что жаждала меня увидеть?

Ну что на это скажешь? Я ответила правду:

— На самом деле, именно за этим. — Полюбовалась пару секунд непередаваемым выражением лица Давлетьярова и добавила: — Мне, кажется, снова нужна ваша помощь, Игорь Георгиевич...

— Только не говори, что тебя исключили из университета за неподобающий внешний вид, и теперь мне нужно замолвить за тебя словечко, — усмехнулся он. — В этом случае ты не по адресу. Излагай.

И я изложила, видя, как постепенно лицо Давлетьярова делается из насмешливого — мол, ну что у тебя могут быть за проблемы? — серьезным и даже мрачным.

— Ты мастерица влипать в истории, Чернова, — сказал он устало, выслушав до конца мое повествование. — От меня ты чего хочешь?

— Не знаю... — Я только теперь сообразила, что помочь мне Давлетьяров, даже если сильно захочет, вряд ли сумеет. — Я думала, вы что-нибудь посоветуете...

— Не больно ты раньше слушала мои советы, Чернова, — ядовито произнес Давлетьяров. Я могла бы как-нибудь съязвить в ответ, но прикусила язык. — Сядь и помолчи, будь любезна. Книжку вон почитай.

Книжка была на французском, на котором я могла только досчитать до десяти и поздороваться. То ли Давлетьяров этого не знал, то ли нарочно издевался. Впрочем, книга была старого издания, с отличными иллюстрациями, так что занятие мне худо-бедно нашлось. Жаль только, иллюстраций было мало, я успела пересчитать все камни в колье какой-то жеманной красавицы в кринолине и прочие мелкие предметы, а Давлетьяров все молчал. Вид у него, кстати, был не сосредоточенный, а самый что ни на есть расслабленный, словно он и не думал вовсе, а ворон считал.

— Вот что, Чернова, — произнес он, наконец. — Мне решительно непонятно, что могло понадобиться от тебя каким-то бандитам, как ты утверждаешь...

— Может, я все это выдумала? — съязвила я. Если честно, от Давлетьярова я ожидала какой-нибудь стройной версии происходящего. — Или мне приснилось?

— Не перебивай меня, будь любезна, — нахмурился Давлетьяров. — Я ничем не могу тебе помочь, во всяком случае, до тех пор, пока не разберусь в ситуации. Поэтому в следующий раз, когда они тебе встретятся. — а если искали именно тебя, то этот момент непременно наступит, — сперва выслушай то, что тебе скажут.

Я хмыкнула. Будут они разговаривать, как же...

— А если они не захотят разговаривать, а сразу приступят к действиям, — продолжал Давлетьяров, — я думаю, нелишне будет показать им, что ты готова к ответным мерам. В пределах допустимой самообороны, естественно. Тебе, Чернова, думаю, по силам дематериализовать автомобиль?

— Наверно, — пожала я плечами. — Я не пробовала ни разу.

— Вот и попробуй, — кивнул Давлетьяров. — И хватит на сегодня об этом. Надеюсь, ты заявила не с пустыми руками? Кажется, ты собиралась закончить раздел?..

Словом, в город я вернулась совершенно неудовлетворенная разговором. С другой стороны, а чего я ждала? Что кто-то разберется с плохими дядями, посмеявшимися обидеть маленькую глупую Чернову? Как же... Желающие прямо в очередь выстроились!

Совет мне Давлетьяров дал, и, в общем, неплохой. А на большее я и рассчитывать не могла, да и права не имела, по большому счету. Даже если среди этих ребят нет мага... Да ну что я, всерьез рассчитываю, что из-за меня кто-то кому-то станет бить морду? С какой стати?! Смешно, право слово! Нет уж, Чернова, выпутывайся сама...

Самым неприятным было то, что я и понятия не имела, зачем могла кому-то понадобиться. Ладно бы я ходила в любовницах у какого-нибудь мелкого бандита или оказалась замешана в преступлении, но я вела на редкость замкнутый образ жизни, я уж говорила. Поход в кино был событием! Что же им все-таки было нужно? Нет, если они попадутся мне еще раз, я бежать не буду, а сперва послушаю, что к чему...

Неделя прошла вполне мирно. Я даже пару раз отважилась высунуться за пределы территории ГМУ и храбро прогулялась по улице, но ко мне никто не подошел. Наверно, не хотели светиться в городе.

"Значит, будут брать меня в субботу," — мудро рассудила я и решила для субботнего визита в «Дубки» одеться попрacticalнее, на случай, если опять придется бегать по кустам. Весна выдалась жаркой, в джинсах было, мягко говоря, тепло, но зато ногу сучком не распорешь...

С такими оптимистическими мыслями я шла по обочине дороги — посередине стояли непролазные лужи, в которые и думать нечего было соваться в кроссовках, разве только в резиновых сапогах по колено. Было тихо, как обычно в лесу, только рокотала вдалеке оживленная магистраль. Мне показалось, будто ровный гул вдруг стал приближаться...

Я обернулась на шум: так и есть, по выбоинам дороги неуклюже переваливалась замызганная иномарка, родная сестра той, что так перепугала меня пару недель назад. Значит, мой маскарад все-таки никого не обманул! "Зря только волосы испортила..." — промелькнуло в голове совсем некстати.

И что теперь? Бежать в лес? Сейчас день, светло, далеко я не убегу, здоровые мужики быстро меня отловят, тем более, что тут даже кустов путных нет, не спрячешься. Да и сколько можно бегать, я ведь решила уже, что пора побеседовать с этими типами! Так что я остановилась и стала поджидать своих преследователей. Как ни странно, особенного страха я не испытывала — стоило только вспомнить, что я все-таки маг, пусть и недоучившийся, да еще с весьма опасной специализацией.

Машина остановилась, видимо, отчаявшись одолеть очередную колдобину. Это с другой стороны санатория есть хорошая подъездная дорога, посетители на дорогих машинах ей и пользуются, а для пешеходов вроде меня и грузовиков и эта годится. Она и короче, к тому же.

Передние дворцы синхронно распахнулись, появились двое крепких парней. Одного я определенно узнала, это был тот самый «поддатый» тип, что заговаривал со мной на темной улице. Другой оказался таким же мордастым и широкоплечим, просто брат-близнец, только белобрысый, а не чернявый.

— Чернова? — поинтересовался чернявый. — Наина?

— Ну? — спросила я злобно. Имя знают, должно быть, и где живу, тоже знают. Интересно, кстате, откуда? В университете это так просто не узнаешь... Хотя могли подкатиться к кому-то из однокурсников, это проще простого. — И что надо?

— Поговорить! — радостно улыбнулся чернявый. — Тихо, мирно, все путем, садись в машину, поедем. А вот бегать от нас больше не надо, догоним — хуже будет...

— Шел бы ты лесом, — вежливо ответила я, внутренне закипая. — Пугать еще будешь...

— Слушай, я ведь серьезно! — нахмурился чернявый. — Иди в машину по-хорошему!

— Начинать надо было по-хорошему, — окончательно завелась я, — а не пугать на дороге! А теперь отвяжитесь от меня!

— Хватит выкобениваться, поговорить надо! — вступил белобрысый.

— Говорите тут, — потребовала я. — Я выслушаю. Кто вы такие, что нужно? Зачем ко мне привязались?

— Это тебе на месте объяснят, — ответил белобрысый. — Мое дело маленькое: отвез-привез. А с тобой серьезные люди поговорить хотят.

— Вот пусть сами теперь и приезжают, если им так хочется, и разговаривают нормально, — фыркнула я, придя к выводу, что веду беседу с какими-то «шестерками», которые, скорее всего, сами ничего толком не знают. — Серьезные...

— Последний раз по-хорошему прошу, — предупредил чернявый и сунул руку в карман.

Не знаю, поугаать он меня хотел, или у него в самом деле было оружие, но я окончательно взбеленилась. Стрелять в мага бессмысленно, пули я не боялась. Но чтобы какие-то придурки мне грозили?! Да какое они право имеют устраивать за мной такую охоту?!

— А я последний раз по-хорошему говорю — катитесь отсюда, — процедила я.

— Не понимает девочка, — мотнул головой белобрысый. — Сань, давай...

Оба сделали по шагу вперед, и тут мое терпение лопнуло.

Я давно уже не работала в полную силу, просто опасалась. Происшествие на полигоне научило меня с большой осторожностью относиться к своим способностям, но сегодня я не сдержалась. К тому же очень уж хотелось пугнуть этих парней...

Машина — это всего лишь груды металла. Ну, там есть еще пластик, может быть, кожа, стекло, но это ерунда. А дематериализовать металл проще простого, я сама поразила, насколько легко мне это удалось: стояла потрепанная иномарка, урчала мотором — и нет ее, только ветерком повеяло.

Чернявый, видимо, что-то почувствовал, потому что резко обернулся... и остолбенел. Вслед за ним повернулся и белобрысый. Потом оба перевели взгляды на меня.

— Повторить? — поинтересовалась я.

Уточнять не потребовалось: оба парня переглянулись и с невнятными, но явно матерными возгласами рванули по дороге в обратном направлении. Слышалось только что-то вроде "Сергея, мать твою!.. Сами пусть теперь... А Сергей?!"

Я посмотрела им вслед, развернулась и пошла дальше, к «Дубкам». Только метров через сто до меня стало доходить, что все-таки я сотворила. Мне стало неуютно, я прибавила шагу, а там и вовсе перешла на бег. Впрочем, бегаю я плохо, поэтому в ворота санатория вошла запыхавшаяся и злая.

Хорошо еще, Давлетьярова долго искать не пришлось — он обнаружился, как обычно, на самой дальней аллее, с неизменной сигаретой и очередным томом французского классика в руках.

— И где твоё "здравствуйте"? — поинтересовался он мельком, когда я плюхнулась рядом на скамейку и покосился на мои пустые руки. — И неизбежные апельсинчики?

— Сигарету дайте... — попросила я, глядя на свои руки. Руки дрожали.

— С каких это пор ты закурила, Чернова? — вскинул брови Давлетьяров.

— Дайте, жалко вам, что ли?..

Давлетьяров не стал спорить, вытряхнул из пачки сигарету, поднес мне зажигалку. Курить я научилась еще на первом курсе, чтобы не отставать от однокурсниц, хотя никогда этого дела не любила, но сейчас мне надо было успокоиться. Сигареты оказались совершенно убойные, я чуть не задохнулась с непривычки, но все же заставила себя еще раз затянуться этой отравой. Давлетьяров смотрел на меня, как мне показалось, с легким недоумением.

— Снова гости? — спросил он, наконец.

Я кивнула.

— Догнали... на дороге. — Меня неожиданно затрясло так, что я чуть не выронила сигарету. — Поговорить им... серьезные люди, видите ли! Только эти-то так... сами не в курсе что, кто и зачем...

— И ты?.. — вскинул брови Давлетьяров.

— А что я... я, как вы и предлагали, машину... убрала, — нервно хмыкнула я. — Драпали так, что пятки сверкали. Только... только, кажется... в машине кто-то еще был...

Давлетьяров свел брови к переносице, потом, видимо, понял, что я имела в виду. Встал, взял меня за плечо, заставил подняться.

— Пошли, — велел он. Я покорно поплелась вслед за ним. В горле першило от дыма, в голове стоял туман. Может, не было там никого, а поминали парни вовсе какого-то постороннего Серегу?

Я опомнилась, только когда мы вошли в обиталище Давлетьярова, и он сунул мне под нос почти полный стакан. Пахло коньяком.

— Пей, — приказал он. — До дна.

— Да вы что, Игорь Георгиевич, — попыталась я отбиться. — Я же с такой дозы рухну...

— Значит, рухнешь и будешь лежать, — отмахнулся он. — Пей, я сказал.

Пришлось выпить, я даже вкуса не почувствовала. Думала, тут и свалюсь, однако ничуть не бывало, даже наоборот, в голове прояснилось, а руки перестали трястись. Интересно, кто это Давлетьярову такой коньяк возит...

— Отпустило? — спросил Игорь Георгиевич. Я вяло кивнула. — Тогда слушай меня внимательно — в машине никого не было.

— А как же... — заикнулась я. — Они все какого-то Серегу поминали...

— Скорее всего, это был тот, кто отправил их на дело, но не предупредил, чем это чревато, — отрезал Давлетьяров. — Чернова, ты усвоила? В машине никого не было, и точка.

— Угу... — сказала я. Спорить у меня не было сил, и потом, когда Игорь Георгиевич говорил таким тоном, лучше было с ним не пререкаться, я принять его утверждение, как должное. — Не было...

— Вот и хорошо, — удовлетворенно кивнул он. — И впредь смотри по сторонам, ясно тебе, Чернова?

— Так точно, — буркнула я.

— Кстати, — заметил вдруг Давлетьяров. — Вот тебе отличный эмпирический материал. У тебя тема диплома как звучит?

— "Дематериализация крупных предметов", — обескураженно ответила я.

— А ты, я полагаю, ничего крупнее пустой бутылки до сих пор не дематериализовала, —

усмехнулся Давлетьяров. — Автомобиль вполне подойдет, так что, пока ничего не забыла, сядь и подробно запиши все параметры.

— Забудешь тут, как же... — передернулась я.

— Еще налить? — участливо спросил Игорь Георгиевич.

— Нет уж, не надо! — решительно отказалась я. — А то так и спиться недолго...

Марку машины я запомнила, силу собственного воздействия тоже, так что оставалось только уточнить параметры данной модели автомобиля, а потом тщательно рассчитать все необходимые показатели. Пример получался — конфетка. Я невольно улыбнулась. Неведомые недоброжелатели, сами того не подозревая, подкинули мне отличный материал.

И никого в этой машине не было. Никого. Не было. И точка.

Как ни странно, обратно в Москву я добралась без приключений, да и на неделе меня никто не потревожил, и в следующие выходные тоже. За неделю я как раз закончила расчеты, касающиеся дематериализации автомобиля, показала их Давлетьярову, и тот, казалось, остался доволен. Во всяком случае, не разнес меня в пух и прах, как обычно, а только велел подкорректировать не вполне удачные, на его взгляд, выкладки.

Оставалось навести на диплом внешний глянец, вычитать опечатки, словом, привести в божеский вид, и можно было начинать рисовать плакаты для защиты. Я с графическими редакторами не очень дружу, так что собиралась рисовать вручную, привлекая к этому многотрудному делу папу, который отлично умел чертить. Но для этого сперва следовало набросать вчерне то, что я собиралась выносить на плакаты, и заручиться одобрением Давлетьярова. За неделю я как раз собиралась с этим управиться.

Пребывая в самом лучезарном настроении, я отбыла семинары, последнюю пару отменили (подразумевая, что пятикурсники как раз сейчас начинают судорожно писать дипломы, нас старались особо не нагружать), и я собралась к себе в общагу. Напевая себе под нос популярный мотивчик (ни слуха, ни голоса у меня нет, но петь я все равно люблю, за что меня в моем далеком детстве ненавидели соседи, потому что я пела хоть и фальшиво, зато громко, от души) и размахивая сумкой, я спускалась с шестого этажа, намереваясь зарулить по пути в библиотеку.

— Наина, подожди, пожалуйста, — окликнул меня знакомый голос, когда я пересекала холл на втором этаже.

Я обернулась в некотором недоумении: это была Лариса Романовна, по странной иронии судьбы с Нового года назначенная куратором нашего курса вместо Давлетьярова. Я лично об этом узнала совсем недавно, и то случайно. Просто занятий у нас она не вела, а старостой в нашей группе числилась Маргарита, девица амбициозная и пробивная, так что общение с Ларисой Романовной выпадало в основном на ее долю.

— Мне нужно с тобой серьезно поговорить, — сказала Лариса Романовна, нагоняя меня и твердо беря за локоть. Первокурсники расступались перед ней, как рыбацкие лодочки перед авианосцем, — она ведь преподавала не только на нашем шестом этаже, но и у обычных студентов, и ее знали хорошо.

— О чем? — полюбопытствовала я, увлекаемая преподавательницей по коридору. В самом деле, о чем нам разговаривать?

— Не в коридоре, — поморщилась Лариса Романовна. Пришлось потерпеть, пока мы не добрались до ее кабинета на шестом этаже. На лифте, конечно, Лариса Романовна уже была не в том возрасте, чтобы зайчиком скакать по ступенькам. Я же с недавних пор завела обычное подняться только по лестнице, придя к неутешительному выводу, что дышалки на мало-мальски серьезное физическое усилие у меня не хватает. А ну как опять драпать от кого-нибудь придется?

Войдя, я с любопытством огляделась по сторонам: строго, как-то не по-дамски. Все вещи лежат на своих местах, бумажка к бумажке, на столе так вообще идеальный порядок, хоть самого ректора приглашай, не стыдно. На столе рядом с компьютером я заметила рамку для фотографий. Интересно, кто изображен на карточке? Жаль, мне с моего места не было видно.

— Присаживайся, — указала Лариса Романовна на стул для посетителей. — Разговор у меня к тебе достаточно деликатный...

Она отошла к окну, зачем-то подняла жалюзи, выглянула на улицу. Я молча ждала. Что еще за деликатные разговоры? Впрочем, одно подозрение у меня было, и оно полностью себя оправдало.

— Наина, ты ведь едешь в санаторий к Игорю Георгиевичу? — спросила неожиданно Лариса Романовна.

— Ну, едешь, — ответила я. Особой тайны я из этого не делала, прекрасно зная, что когда начинаешь что-то скрывать, оно обычно вылезает на поверхность гораздо раньше того, к чему относишься нарочито небрежно. Но и не афишировала ведь, и то, что какие-то слухи докатились до Ларисы Романовны, меня удивило, а еще больше удивляло само наличие этих слухов. Нет, очень странно. Если бы девчонки начали сплетничать, наверняка кто-нибудь в общаге меня бы подколол, не удержавшись. Да им и неоткуда узнать. Может, кто-то из преподавателей съездил навестить Давлетьярова, и там от врачей или от тех же медсестричек узнал? Те меня по имени знают, а имя достаточно редкое.

Ну даже если и так, Ларисе Романовне-то что за дело?

— А что, нельзя, что ли? — подумав, спросила я не очень вежливо.

— Нет, конечно, запретить тебе этого никто не вправе, но... — Лариса Романовна замаялась, остерегаясь встречаться со мной взглядом. Я окончательно потерялась в догадках. Что она мне, о репутации моей сейчас толковать начнет? Так на дворе двадцать первый век вообще-то, а я совершеннолетняя... — Наина, я бы хотела попросить тебя об одолжении...

Я мстительно промолчала, не спросив даже, о каком именно одолжении идет речь. Если Ларисе Романовне охота разговаривать намеками, пускай разговаривает, а я такие игрища терпеть не могу. Либо она все скажет прямым текстом, либо я буду продолжать тупо молчать и изображать из себя дурачку. Тем более, Игорь Георгиевич всегда говорит, что моя глубокомысленно-тупая физиономия может вывести из себя даже каменного сфинкса, не говоря уж о живом преподавателе.

— Словом, — решила, наконец, Лариса Романовна, — я хочу попросить тебя, Наина, больше этого не делать. Я имею в виду, не ездить туда.

— А... — Я слегка опешила. — А что случилось-то?

— Ну, все, что могло случиться, уже случилось, — невесело усмехнулась она, явно намекая на мою роль в весенней заварушке. С другой стороны, особо виноватой я себя не чувствовала — кто пуше всех уговаривал меня принять участие в опасном эксперименте, как не Лариса Романовна? — И я прошу тебя, не усугубляй ситуацию!

— Что-то я совсем ничего не понимаю, — честно созналась я. — Я что, мешаю кому-то?

— Мне очень неловко говорить это тебе, Наина, — скорбно поджала губы Лариса Романовна, — я знаю, ты действовала из самых лучших побуждений, но... ты права, твои визиты крайне негативно действуют на Игоря Георгиевича, это и лечащий врач подтверждает.

Я мрачно молчала. Интересно, а Лариса Романовна-то тут с какого боку? То есть я допускаю, что она заботится о Давлетьярове, как о... гм... родственнике (причем, скорее всего, бывшем), но не до такой же степени! Он все-таки уже вполне взрослый...

— Ты ведь знаешь, он перенес тяжелый удар по психике, — продолжала тем временем Лариса Романовна, — врачи прописали ему полнейший покой. Главное, чтобы как можно меньше напоминало ему об этом прискорбном инциденте... — Она вздохнула и села за стол. — Ты же невольно наталкиваешь его на депрессивные мысли. Сам он, как человек деликатный, сказать тебе не мог, поэтому я...

Я много чего могла бы сказать по поводу «деликатности» Давлетьярова, но сейчас, похоже, был неподходящий момент. Я окончательно перестала что-либо понимать, за исключением, разве что, одного: Лариса Романовна в курсе происходящего в санатории, и я не исключаю, что она и сама туда навещается. С одной стороны, ее можно понять, с другой... что-то тут не так.

— Я знаю, ты разумная девочка, — завершила Лариса Романовна свою идею, — ты все поймешь, ведь так?

— Да, конечно, — ответила я. А что я еще могла сказать? — Я все понимаю.

— Ты обещаешь мне больше не ездить туда? — с нажимом произнесла Лариса Романовна. Ох, ну прямо детский сад: "обещай не ходить играть в соседний двор, там плохие дети!". — Может быть, позже, если ты захочешь... Наина?

— А? — опомнилась я. — Да, Лариса Романовна, раз вы говорите, что не надо ездить, ну так значит, не буду. — Я не удержалась от шпильки: — Только что ж вы раньше не сказали? Уж больше полугода прошло!

— Ну... — Лариса Романовна явно не нашлась, что ответить. Мне было интересно, как она выкрутится, но тут очень кстати для нее зазвонил телефон. — Да, слушаю. Конечно, конечно. Подходите, я сейчас свободна. — Положив трубку, Лариса Романовна обернулась ко мне. — Ко мне сейчас придут, Наина, так что можешь идти. Надеюсь, наш разговор останется между нами.

— Даже не сомневайтесь, — заверила я и выскочила в коридор. — До свидания, Лариса Романовна!

— Всего доброго, Наиночка, — отозвалась Лариса Романовна, и тяжелая дверь бесшумно закрылась.

Вот не было печали! И что мне теперь делать?

С одной стороны, просьба Ларисы Романовны выглядела довольно странно. Ни в жизнь бы я не поверила, будто Давлетьяров постесняется прямым текстом сказать мне, что я его достала! С другой стороны, с головой у него после той катастрофы и правда не так чтобы очень хорошо, во всяком случае, характер стал еще отвратительнее, чем был, хотя в это и верится с трудом. Может, у него и неведомая доселе «деликатность» объявилась? Опять же и лечащий врач говорит... А почему это он Ларисе Романовне говорит, а мне нет? Запретил бы меня пускать, да и дело с концом! Или тоже чересчур "деликатный"?

Поняв, что окончательно запуталась, я решила — раздумьями тут не поможешь. Гадать я могу до скончания века, лучше уж поехать и самой все узнать. В конце концов, Ларисе Романовне я пообещала, что не буду ездить к Игорю Георгиевичу, а про главврача речи не шло. Вот пусть он сам мне все и расскажет!

Рассудив так, я выкинула эту историю из головы аккурат до субботы, а сама занялась плакатами. Правда, в конце концов, подумав, кое-какие конспиративные меры я все-таки приняла: поехала за город не на автобусе, а на электричке, хотя так гораздо дольше и намного неудобнее, и выходить пришлось на полтора часа раньше, чем обычно.

Войдя в ворота, я первым делом отправилась не на дальнюю аллею, как обычно, а в главный корпус. Где располагается кабинет главврача, я знала прекрасно, и надеялась, что он не откажется со мной поговорить. Во всяком случае, когда прежде я сталкивалась со Львом Евгеньевичем, он всегда со мной здоровался и весело расспрашивал о студенческом житье-бытье. Может, то была обыкновенная вежливость, но я надеялась на лучшее.

Мне повезло: в санатории был тихий час, пациенты вкушали послеобеденный сон, те, что побеспокойнее, гуляли по аллеям, а медперсонал в основном чаевничал. Житье-бытье тут было спокойное, люди находились не то чтобы на лечении, а скорее на восстановлении, так что никаких катаклизмов почти никогда не случалось. С другой стороны, с сотрудниками нашего министерства, среди которых имелись и маги, надо было держать ухо востро, и я была уверена, что персонал далеко не так расслаблен, как кажется. Во всяком случае, когда один приятный министерский дядечка решил наведаться в поселок неподалеку и, выражаясь прямо, снять там девицу, его очень быстро отловили, возвратили и вразумили, а упустивший пациента с территории охранник был мигом уволен. Эту душераздирающую историю я слышала от медсестер, а не верить им резона не было.

Тем не менее, сейчас было время чаепития, все наслаждались покоем по мере возможностей, не был исключением и Лев Евгеньевич, и, стоило мне просунуться в дверь со своим «Здрасьте», как я была немедленно схвачена и усажена пить чай с тортом.

Лев Евгеньевич внешне выглядел примерно как доктор Айболит, только весом в центнер. А поскольку ростом добрый доктор был аккурат с меня, то смотрелся он таким шариком на ножках. С его добродушной внешностью и вечными прибаутками несколько дисгармонировал цепкий, умный, временами даже жесткий взгляд пронзительно-голубых, не по-старчески ярких глаз. Зная, видимо, об этом, Лев Евгеньевич носил очки с чуть тонированными стеклами, конечно, круглыми, так что очки напоминали старомодное пенсне. Словом, я была готова поклясться, что Лев Евгеньевич на самом деле отнюдь не милый балагур, каким успешно притворяется, а человек достаточно суровый и очень умный. В его профессионализме сомневаться не приходилось. Давлетьярова, во всяком случае, он сразу забрал под свое крыло, с неделю (как мне потом рассказали), потчевал упорно молчавшего пациента своими шуточками-прибаутками в ударных дозах, в результате Давлетьяров, конечно, взбеленился,

обрел дар речи и начал огрызаться. Это было несомненным прогрессом по сравнению с его прежним тупым глядением в стенку и полным отсутствием реакции на окружающее, а таким Игорь Георгиевич стал почти сразу после того, как вышел из комы и более-менее разобрался в происходящем.

Со мной Лев Евгеньевич тоже имел беседу, когда я впервые заявила в санаторий. Поговорили мы тогда с полчаса о каких-то пустяках, потом Лев Евгеньевич погладил свою профессорскую бородку, хихикнул и распорядился пускать меня к своему "интереснейшему случаю" в любое время дня и ночи, невзирая на сопротивление последнего.

— Так, Ниночка, что у вас стряслось? — поинтересовался Лев Евгеньевич, когда с процедурой приветствия и обязательными расшаркиваниями было покончено. Он почему-то упорно называл меня Ниной, а я не поправляла, чтобы не обижать человека. — Обычно вы меня своими визитами не жалуете, в отличие от некоторых, ха-ха!..

— Лев Евгеньевич... — Я поставила чашку на блюдце и решила не тянуть кота за хвост. — Скажите, пожалуйста, это правда, что мои посещения плохо влияют на Игоря Георгиевича?

— Это кто вам такое сказал? — несказанно удивился Лев Евгеньевич. — У господина Давлетьярова что, очередной неконтролируемый приступ хамства? Не обращайтесь внимания, лапочка, это он сгоряча, хотя мог бы быть и сдержаннее с очаровательной девушкой!

— Да нет, он тут вообще ни при чем, — поспешила я спасти Игоря Георгиевича от очередного пропесочивания, на которые Лев Евгеньевич был большим мастером. — Я в принципе спрашиваю...

— Ну, если в принципе... — Лев Евгеньевич положил мне еще кусочек торта. — Ниночка, вы кушайте, с вашей фигурой вам опасаться нечего!.. Так вот, если в принципе, то все с точностью до наоборот. Вы, лапочка, моего пациента злите, можно сказать, из себя выводите... Вы удивлены, откуда я знаю? Так весь санаторий знает, Ниночка, у нас тут все на виду. После ваших визитов к Игорьку лучше не подходить, может сгоряча так обласкать, что неделю не опомнишься!

Я фыркнула. Лев Евгеньевич с высоты своего возраста упорно именовал Давлетьярова Игорьком, прекрасно зная, что тому такое обращение не нравится. Я-то злила Игоря Георгиевича неосознанно, а Лев Евгеньевич делал то же самое с большим профессионализмом.

— А уж когда он с вами заниматься начал... — Лев Евгеньевич покачал головой и восторженно закатил глаза. — Ко мне соседи его прибежали, мол, крик стоит такой, будто убивают кого, и дверь заперта, не ломать же! Насилу успокоил... — Я снова улыбнулась. Могу представить эту картину! Лев Евгеньевич же продолжал: — Кстати, Ниночка, это очень хорошо, что вы уговорили его вернуться к работе. Первое время он пытался меня убедить, что она ему опротивела, так врал ведь, проходимец, и не краснел! Любит он свою работу, Ниночка, вы не представляете, как любит! Даже я слышан, каким он был специалистом и чего лишился...

Лев Евгеньевич печально покачал головой, снял очки, посмотрел на меня своим цепким взглядом, не подходящим к доброму «айболитовскому» лицу.

— На его месте любой бы сломался, — сказал он вполне серьезно. — Во всяком случае, поначалу я опасался попыток суицида. Сейчас вижу, зря опасался. Не такой это человек.

— Лев Евгеньевич, — сказала я. — Раз вы слышали об этой истории, то, наверно, знаете — это ведь я во всем виновата. Если бы не я...

— Ниночка! — Лев Евгеньевич погрозил мне пальцем. — Во всем вы виноваты быть не можете. Уж поверьте мне на слово, лично вас в своих несчастьях Игорек не винит. Он ведь уже взрослый человек и очень неглупый, должен вам сказать. То, что он сделал, он сделал потому, что сам так решил, причем здесь вы? Этак можно обвинить ваших папу с мамой в том, что они вас на свет родили. А не было бы вас, не было бы и проблем, так по-вашему получается? — Лев Евгеньевич снова мелко хихикнул, наслаждаясь растерянным выражением моего лица. — Так вот, если бы не вы, Ниночка, с Игорьком все было бы много хуже, чем мы имеем на данный момент. Я, увы, не могу изобрести такого разнообразия способов, чтобы постоянно держать его в тонусе, так сказать, а вы каким-то образом ухитряетесь выводить его из себя настолько, что запала хватает надолго. А это ему на пользу. Помните же, какой он поначалу был?

Еще бы я не помнила! Я же говорю, первое время Давлетьяров вообще ни с кем не разговаривал, особенно с врачами, ушел в себя и норовил так там и остаться. Потом ничего, начал понемногу реагировать на окружающих. Конечно, тут сперва хорошо поработал Лев Евгеньевич, а меня он, видимо, решил применять в медикаментозных целях, для поддержания и закрепления эффекта.

— Вспомнили? Вот то-то же, — хмыкнул Лев Евгеньевич. — Дивной мерзости нрава молодой человек, должен вам признаться, Ниночка, никогда прежде таких не встречал. Зато уж если его разозлить как следует, он горы свернет, а вот если начнет себя жалеть и убеждать в собственной никчемности — пиши пропало. Так что вы, Ниночка, очень кстати пришли.

Лев Евгеньевич посмотрел на меня с хитрецей, мол, сознаешься, может, что тебе от Давлетьярова надо, и кем ты ему приходишься? Я сделала вид, что не поняла намека. А может, он ничего такого и не имел в виду. Скорее всего, все мои побуждения и так были у него, как на ладони. Вот бы он еще мне о них рассказал!

— Надо же, — сказала я. — Ни за что бы не подумала!..

— Но это же на поверхности лежит! — воскликнул Лев Евгеньевич. — То же самое я говорил и госпоже Розен. Вы ведь ее знаете? Очаровательная дама!

Я поперхнулась тортом. Какая еще госпожа Розен? Лариса Романовна, что ли? Нет, у нее фамилия Смирнова... Что-то много народу тут вьется!

— Спасибо, Лев Евгеньевич, — сказала я, мужественно допив чай и выслушав очередную порцию медицинских баек. — Вы прямо меня успокоили... Извините, что отняла у вас время.

— Ну что вы, Ниночка! — расцвел Лев Евгеньевич. — Всегда рад вас видеть!

В глубокой задумчивости я вышла на улицу и отправилась в парк. Да, народу все прибывает. Какая-то госпожа Розен, зачем-то интересующаяся состоянием Давлетьярова... Ничего не понимаю!

Я бы наверняка выскочила из-за поворота аллеи на полном ходу, если бы не развязавшийся шнурок. Я наклонилась его завязать, и вот тут-то услышала знакомый голос:

— Игорь, ты извини, что я взяла на себя смелость сказать... В общем, эта девочка здесь больше не появится. Думаю, так будет лучше для вас обоих. Ты доволен?

— Более чем!

Я как сидела на корточках, так и замерла, превратившись в слух. Это голос Давлетьярова,

совершенно определено, но тон! Я никогда не слышала, чтобы он так разговаривал. Голос был на пол-октавы выше обычного, нервный, взвинченный, на грани истерики, словом, так мог бы говорить избалованный ребенок, но не тот Давлетьяров, которого я знала. Или совсем не знала? Он продолжал тем временем:

— Я очень вам благодарен... Вы правы, это... это было невыносимо, в конце концов!

— Ну конечно, а у самого у тебя язык бы не повернулся сказать, — усмехнулась женщина и я окончательно опознала голос. — Никогда этого в тебе не понимала: то режешь в лицо все, что думаешь, а то... Ну ладно, мне пора, Игорь. Надеюсь, теперь тебе никто не будет докучать.

— Спасибо, Лариса, — произнес он на полтона ниже. — Вы слишком добры ко мне. Мне никогда не расплатиться за то, что вы делаете...

— Ну что ты...

Поняв, что женщина сейчас пойдет по аллее и наткнется на меня, я шуранула в кусты, едва не наступив на так и не завязанный шнурок. Подождала, пока процокают мимо каблуки, а потом так, кустами, и решила пробираться дальше. Больше всего я была озабочена тем, чтобы особенно не шуметь, и опомнилась, только когда услышала почти над ухом:

— Вылезай из кустов, Чернова.

Отцепив от себя колючую ветку, я вывалилась на дорожку рядом со скамейкой.

— Вы что, знали, что я тут? — мрачно спросила я, отцепляя от одежды колючки. Интересное дело, а что же, Лариса Романовна меня не заметила?

— Еще бы, — хмыкнул Давлетьяров, с видимым удовольствием прикуривая сигарету. — Тебя от главного входа слышно, печатаешь шаг, как гвардеец на параде. Полагаю, ты все слышала?

Я кивнула.

— Так что, мне больше не приезжать? — спросила я угрюмо, глядя в землю.

— Ты думаешь, я бы не сказал тебе этого сразу? — поинтересовался Давлетьяров. — Сядь, не стой столбом.

Я послушно присела на край скамейки.

— Тогда почему... — начала было я, но он перебил:

— Я очень не люблю, когда мне пытаются морочить голову, Чернова. Если я инвалид, это еще не значит, что я выжил из ума.

— Вы не... — запротестовала я, но Давлетьяров остановил меня жестом.

— Это я обсуждать не намерен. — Он помолчал. — Судя по тому, что ты постаралась не столкнуться с Ларисой, ты уже имела с ней беседу?

— Угу... — я ковыряла землю носком кроссовки. — Она сказала мне, чтобы я больше сюда не ездила, потому что я вас вывожу из душевного равновесия и мешаю выздоровлению. Вроде как врач так сказал. И вы тоже.

— Но ты, конечно же, все равно явилась, — констатировал Давлетьяров. — И, надо думать, отправилась прямиком к главврачу.

— Конечно, — передразнила я. — Я решила, что если бы так все и было, Лев Евгеньевич сам бы мне сказал, а не стал передавать через кого-то. Ну и вы уж наверняка тоже не постеснялись бы...

— Совершенно верно, — хмыкнул он. — Впрочем, я выслушал еще более интересную историю. Ты присутствовала при самом ее завершении, поэтому расскажу в двух словах. Ты якобы в приступе откровенности созналась Ларисе, что совершенно измучилась, таскаясь сюда. Тебя, видите ли, гложет чувство вины, но чем дальше, тем тебе становится тяжелее тащить добровольно взваленную на себя обязанность, — с чувством продекламировал Давлетьяров. В обычно сумрачных глазах начали разгораться опасные зеленые искорки, уж не знаю, что его так завело. — И так далее, и так далее. Разные красивые слова про предательство и иже с ним.

— С ума сойти, — сказала я. — Я никогда ни с кем не откровенничаю. Я вообще была уверена, что никто не знает, куда я езжу. Игорь Георгиевич, но зачем же она нам обоим врет?

— Я тоже хотел бы это узнать, — скривил губы Давлетьяров. — Никакого смысла в этом вранье я не вижу.

— Похоже, она просто не хочет, чтобы вы со мной общались, — задумчиво произнесла я. — Может, она правда вам добра желает? Ну вроде как... я ведь правда вам и про университет рассказываю, и все такое... Ну и чтобы не беречь, значит...

— Чернова, или прекрати изъясняться, как учащийся сельского ПТУ, или вовсе замолчи, — поморщился Давлетьяров, и у меня отлегло от сердца — сейчас он явно не играл. — Как, по-твоему, почему тебя главврач пригред, а не выгнал взащей? Ты ведь мне никто, Чернова. Я не раз просил тебя не пускать, но тебя все равно пускали.

— Потому что я на вас как раз положительно влияю, — буркнула я, повторяя слова Льва Евгеньевича, и подивилась неожиданной откровенности Давлетьярова. — Не даю замкнуться в себе и вообще злю. А когда вы злитесь, вам определенно лучше становится.

— Слово в слово то, что он сказал и мне, — кивнул Давлетьяров.

— Погодите, Лев Евгеньевич сказал, что приезжала какая-то дама, и ей он то же самое рассказал... — вспомнила я. — Может, это Лариса Романовна ее послала?

— Имя он назвал?

— Говорит, госпожа Розен, "очаровательная дама", — скопировала я главврача.

— Никто ее не посылал, — отрезал Давлетьяров. — Это Лариса собственной персоной.

— Она же Смирнова, — удивилась я.

— Смирнова она по мужу, — пояснил Давлетьяров.

— Ну тогда я вообще ничего не понимаю, — созналась я. — Сперва называется другой фамилией, потом сочиняет историю для меня, историю для вас... а зачем!? А вы, кстати, тоже что-то насочиняли, я слышала!

— Я почти не соврал, — заявил Давлетьяров. — То, что ты способна довести меня до белого каления, известно, по-моему, всему университету. Вопрос в том, как эту информацию подать.

— Угу, вы и подали... — пробурчала я. — Слышала... такое впечатление, как будто я вас к стулу привязываю и заставляю слушать пересказ любимого бразильского сериала...

— Слушать новости университета в твоём изложении немногим лучше, — хмыкнул Давлетьяров.

Парировать я, конечно, не сумела, поэтому просто спросила:

— А зачем вы перед ней изображали такого вот... хм...

— Я уже говорил, Чернова, я не люблю, когда меня держат за дурака.

— Зато из других дураков делать вы обожаете, — понятиливо кивнула я. Все равно не скажет, эту его интонацию я отлично изучила. — Игорь Георгиевич, ну почему все-таки Лариса Романовна взяла с меня обещание сюда не ездить? Мешаю я ей, что ли?!

— Все может быть, — изрек Давлетьяров, и я примолкла. Минуты через три меня осенило.

— А может... может, она боится, что вы мне расскажете что-то такое, что я... — Я запуталась в фразе и замолчала, глядя на Давлетьярова. — Но вы же вообще никогда ни о чем таком...

— Лариса этого не знает, — улыбнулся он краем рта.

— И что ж вы такое знаете-то? — мрачно спросила я.

— Я много чего такого знаю, Чернова, — передразнил Давлетьяров. — Если бы я еще мог угадать, что именно не должно достигнуть твоих ушей и почему...

Я подумала еще немного. Сегодня у меня был богатый по части озарений день.

— Игорь Георгиевич, а не может так оказаться, что те бандюганы по тому же поводу за мной катались? — спросила я. — Ну, хотели напугать так, чтобы я носа из дома не высовывала, и сюда не показывалась. Они ведь больше не появлялись после той истории с машиной. — Я невольно вздрогнула.

— Я уже ничему не удивлюсь, — дернул плечом Давлетьяров. — Версия вполне логичная. Видимо, им платили за разговоры со студенткой-недоучкой, а о том, что эта недоучка — боевой маг, благоразумно не упомянули.

Я смутилась.

— Да из меня боевой маг... — махнула я рукой.

— Чернова, не идиотничай, — велел Давлетьяров. — Вспомни полигон.

— Не хочу, — буркнула я и добавила, подумав: — А может, они меня нанять хотели? Только зачем все эти игрища? Пришли бы, сказали, мол, так и так, хочешь работать на нас, платим столько-то, делать надо то-то и то-то. Может, я бы согласилась. А так... шпионские страсти какие-то!

Давлетьяров иронически фыркнул.

— Ну и что вы смеетесь? — обиделась я. — Допустим, людей убивать — это я ни за какие деньги, но если бы пригрозили родителей... Да что вы, не понимаете, что ли?

— Даже слишком хорошо понимаю. — Давлетьяров неожиданно поднялся со скамьи, сунул руки в карманы, ссутулив широкие плечи. — Ладно, Чернова, что толку гадать. Если к тебе придут с предложением, тогда будет ясно.

— А Лариса Романовна тогда причем? — мрачно спросила я. — Она на этих, что ли, работает?

— Может быть. — Давлетьяров по-прежнему стоял ко мне спиной. — А может быть, и нет. Я тебе не дельфийский оракул, Чернова.

Я обиженно замолчала. Надо же... Целых две версии нарисовалось. Первая: Лариса Романовна наняла мелких бандитов, а может, и не бандитов даже, а просто страхолудных парней, шпану уличную, и велела им напугать меня так, чтобы не осмеливалась высунуться из дома и к Давлетьярову не ездила. А когда у них ничего не вышло, решила поговорить со мной по душам, считая меня, видимо, полной дурой. Ну что поделывать, если я частенько так выгляжу, особенно когда увлекаюсь раздумьями?

И вторая: Лариса Романовна с разговорами сама по себе, а парни на машине сами по себе, и прислал их кто-то, никакого отношения к преподавательнице не имеющий. Если честно, ни та, ни другая версии мне не нравились.

— Долго ты еще будешь пребывать в астрале, Чернова? — поинтересовался Давлетьяров. — Кажется, ты сегодня должна была привезти черновики плакатов и заготовку для речи на защите?

— А, да! — спохватилась я и полезла в сумку. — Вот...

Еще через пять минут все версии вылетели у меня из головы: Давлетьяров начал громить мои наброски. Это, значит, из зала не будет смотреться, это неинформативно, это аляписто, это вообще убожество. А когда он добрался до речи, я вообще решила пойти и утопиться, потому что прежде таких выражений никогда не слышала и даже не подозревала, что их можно применить лично ко мне. Словом, эту злосчастную речь я переписывала еще раз тридцать, а потом еще училась произносить ее с выражением. А с выразительным чтением у меня плохо, родители слишком рано научили меня читать самостоятельно, обрадовались, что ребенок занят, вслух ему читать не надо, и успокоились. А я в результате неправильно ставлю ударения в некоторых словах и читаю вслух совершенно без выражения, монотонно и скучно. За декламацию стихотворений мне бы, по-честному, следовало ставить двойки, спасала только репутация отличницы, у учительницы литературы рука не поднималась поставить оценку ниже "четверки".

А уж как произнести речь, чтобы она звучала выигрышно... Давлетьяров долго со мной бился. Потом оставил в покое мою декламацию и начал с пулеметной быстротой задавать мне вопросы на самые разные темы, изображая своей персоной, надо думать, комиссию. Могу не без гордости сказать, что почти на все его заковыристые вопросы я смогла ответить, хотя с некоторыми пришлось изрядно попотеть.

Мне было решительно непонятно, с чего Игорь Георгиевич так гонит коней, ведь до защиты диплома еще месяц, успела бы я еще и сама речь написать и переписать сто раз, к чему править ее именно сейчас? Но нет, если ему шлея под мантию попала, сопротивляться бесполезно.

— Держи, Чернова, — сказал он мне напоследок, протягивая мне окончательную версию моего диплома, неделю назад отданную ему на последнюю читку. Я перелистала страницы и ужаснулась — на полях живого места не было. Ну что он еще там нашел?! — Внесешь эти правки, и можешь мне больше не показывать. Речь изволь выучить наизусть, не вздумай читать по бумажке. Ясно тебе?

— Так точно, — буркнула я. У меня язык уже заплетался и в горле пересохло.

— Тогда до свидания. — И Давлетьяров демонстративно отвернулся к книжной полке, выбирая очередной томик иностранного классика.

— До свидания, — ответила я и отправилась восвояси.

Конечно, правки я внесла и чистовую версию потащила в следующий выходной с собой, а то ведь с Давлетьярова станется заявить, что я ленюсь и халтуру! И речь я, кстати, тоже вы зубрила наизусть и даже пару раз отрепетировала, записывая себя на одолженный у соседки диктофон (та, не утруждая себя, записывала лекции на диктофон, а потом просто слушала нужные куски). Звучало, если честно, просто ужасно, оратор из меня никакой. Правда, Игорь Георгиевич утверждал, что труд сделал из обезьяны человека, а из меня при благоприятных условиях и надлежащей дрессуре может получиться сносный специалист, но вот красиво говорить я как не умела, так и не умею. На письменную речь не жалею, а выступать — избавьте!

Уже предвкушая справедливый разнос, я пробежалась по аллее, никого не нашла, удивилась и отправилась в здание санатория. Знакомая дверь была заперта, на стук никто не отозвался. Пойманная в коридоре незнакомая медсестричка только пожала плечами — она недавно заступила на смену и ничего о Давлетьярове не знала. Отловленный на крыльце сосед Давлетьярова тоже ничего не слышал. Оставалось только снова навеститься к Льву Евгеньевичу. На мой резонный вопрос, а где, собственно, Игорь Георгиевич, и не случилось ли чего, тот с удивлением посмотрел на меня поверх очков и ответил:

— Игорек выписался еще в среду. Странно, Ниночка, что он вам об этом не сказал.

— Как выписался?.. — ошалело спросила я.

— Да очень просто, — пожал плечами Лев Евгеньевич. — Физически он здоров, серьезных отклонений в психике я тоже не вижу, последствия травмы вполне сгладились, а дурной характер, увы, не повод держать его здесь и дальше.

— И куда же он делся? — обескураженно спросила я.

— Видимо, домой отправился, — ответил Лев Евгеньевич. — Хотя кто его знает, Игорек юноша непредсказуемый. Вы не расстраивайтесь, Ниночка, думаю, ему нужно кое о чем поразмыслить наедине с собой, а потом он объявится.

Да уж, непредсказуемый, ничего не скажешь... Вот, значит, зачем он в прошлый раз так меня гонял с этой речью. Видимо, уже знал, что в среду отчалил из этой тихой гавани, и торопился покончить с делами. Но почему же он ни слова мне не сказал?

— Спасибо, Лев Евгеньевич, — сказала я. — А я-то рассчитывала ему речь показать...

— Он же ваш руководитель, на защите и услышит, — улыбнулся врач.

— Он не мой руководитель, — уныло ответила я. — Мой официальный руководитель еще и диплом-то мой не читал... Да и прочтет — немного поймет. Он в этой теме ни ухом, ни рылом, простите за выражение.

— Ах вот оно что! — прищурился Лев Евгеньевич. — Да вы аферистка, Ниночка! Не ожидал от вас, не ожидал... Да что вы так смутились, шучу я, шучу!

— Да я не смутилась, — вздохнула я. — Я так... До свидания, Лев Евгеньевич, поеду плакаты рисовать.

— Удачи вам, Ниночка, — кивнул Лев Евгеньевич. — Кстати, если встретите еще Игорька, передайте ему от меня лично, что он мерзавец и просто невоспитанный человек, раз позволяет себе так обращаться с девушками.

— С удовольствием передам, — усмехнулась я. — Слово в слово!..

Я медленно шла обратно по дороге и размышляла. Давлетьяров, несмотря на свой мерзкий нрав, был все-таки очень обязательным человеком и данные обещания выполнял. Заставил он меня написать диплом? Заставил, хотя это стоило ему, должно быть, новых седых волос. Он ведь ни слова за меня не написал, лишь последние косметические правки внес. А так только ругал последними словами, жестоко критиковал, доводил до злых слез и заставлял думать. Тут я невольно улыбнулась. В чем-то мы с ним здорово похожи: если Давлетьярова разозлить, он и правда горы свернет, а если разозлить меня, я начинаю куда лучше соображать.

Так вот, к чему я веду... У этого его внезапного исчезновения должна была быть какая-то причина, а придумать я пока могла только одну такую. Скорее всего, Игорю Георгиевичу очень не понравилось происходящее вокруг нас с ним, все эти странности, да еще пугавшие меня бандиты. Наверно, он склонился к первой из версий по моей классификации: кто-то, может быть, даже Лариса Романовна, хочет прекратить наше общение. А я, из своего ослиного упрямства, ни ее не послушалась, ни подсланных парней не испугалась (на самом деле испугалась, конечно, но она-то об этом не знала!). И что будет предпринято дальше? Бог весть... Отговорить меня от визитов Давлетьяров бы не смог, знал ведь, что если я заведу, все равно поступлю по-своему, а значит, решил самоустраниться. Я была уверена, что у себя на квартире он не появится, не стоит даже и искать там. Мало ли, куда он может податься, страна у нас большая, а денег у него достаточно на первое время: я случайно узнала, что из университета он не увольнялся, стало быть, за все время, проведенное в санатории, ему полагалось содержание, как за больничный. А министерство наше платит хорошо.

Был еще другой вариант, мелодраматический: к Давлетьярову явился некто и намекнул, что если он не прервет контактов со мной, это сделают насильственно, неважно даже, к какой стороне будет применено насилие, к нему самому или ко мне. Правда, в таком случае, подозреваю, этот некто полез бы под стол собирать выбитые зубы сломанными руками, Давлетьярова пугать дело сложное и небезопасное. Я не помню, упоминала ли я когда-нибудь, но в одной из бесед со Львом Евгеньевичем я с удивлением услышала, что Игорь Георгиевич когда-то входил в сборную нашего университета по какому-то модному тогда единоборству с трудновыговариваемым названием, и с тех пор форму не растерял, несмотря на все жизненные катаклизмы.

Третий вариант мне совсем не нравился, потому что заключался в следующем: долго пугать Давлетьярова не стали, а просто и доходчиво объяснили, почему ему следует уехать, возможно даже с этими самыми неизвестными. Это магу пули не страшны, а обычному человеку, сами понимаете... Но это уж было совсем что-то фантастическое, не думаю, чтобы Давлетьяров

владел какой-то грандиозной тайной, иначе бы его убрали уже давно, времени и возможностей было навалом. Скорее, он просто знал что-то, что не должно было достигнуть посторонних ушей, может, какую-то неприятную подробность относительно боевой магии, из тех, что старательно замалчивали, чтобы не спугнуть таких, как я, молодых и ретивых. А Давлетьяров мог выложить это просто так, из чистой вредности.

Так или иначе, но он исчез, не оставив следов. Если он сделал это добровольно, то тем самым явно давал понять: искать его не следует. Если же нет... Тогда я все равно ничего не могу поделать. Не в милицию же заявлять! Меня на смех поднимут: во-первых, я Давлетьярову никто, а во-вторых, он взрослый свободный человек и имеет право уехать хоть на край света, никого не ставя в известность.

Таким образом, я волей-неволей постаралась отстраниться от этой проблемы, отдала свой диплом Пал Иванычу, нарисовала с отцовской помощью плакаты, выучила речь до последней запятой, и была, в общем, готова к защите задолго до своих однокурсников. Пал Иваныч, само собой, высказал несколько глубокомысленных замечаний, относящихся больше не к сути, а к форме, я клятвенно пообещала внести исправления, затянула это дело, ничего, конечно, не исправила (менять что-то в выправленном Давлетьяровым тексте казалось мне кощунством), а там Пал Иваныч и сам забыл, чего от меня хотел. На что я, собственно, и рассчитывала.

Время пролетело незаметно. Я исправно ездила с родителями на дачу по выходным, чем несказанно их радовала, сдавала последние зачеты и экзамены, а там подошел и день защиты дипломов.

Все мои однокурсники, ясное дело, нервничали, а я уже не чаяла отделаться от этого проклятущего диплома раз и навсегда. Что, конечно, не исключало нервной дрожи.

Народу в зале собралось предостаточно, чуть не весь преподавательский состав, аспиранты, студенты — на защиты выпускников особого факультета всегда собирались толпы, а комиссию возглавлял сам ректор. Одного этого оказалось достаточно, чтобы вогнать Свету в истерику. Мне хотелось сказать ей, чтобы радовалась — в комиссии нет Давлетьярова, который как раз очень даже мог бы разнести любого выпускника в пух и прах, но я не стала. Я вообще старалась о нем не вспоминать. Исчез и исчез, значит, были на то причины. И замнем для ясности.

Моя очередь была после Маргариты. Она, казалось, вовсе не волновалась, отбарабанила свою речь, вполне бодро ответила на вопросы комиссии, умудрилась даже удачно пошутить, когда не сумела дать ответ на чье-то замечание. Я не сомневалась, что на ее фоне буду выглядеть бледно. Мало того, что я вдруг начала трусить, как какая-нибудь первокурсница, так еще жутко неудобно чувствовала себя в новеньком костюме и в туфлях на высоченных каблуках. Так и казалось, что все пялятся на мои дрожащие коленки. Я бы куда лучше чувствовала себя в брюках, но тут уж уперлась моя матушка — на защиту изволь пойти одетой прилично, то есть в юбке. Вот и мучайся теперь в этом дурацком костюме...

Думаю, когда я вышла на защиту, вид у меня был, словно перед расстрелом. Но странное дело, стоило мне увидеть знакомые, любовно отрисованные папой плакаты (а смотрелись они не хуже, а даже и лучше напечатанных на плоттере) и взять в руки указку, как дрожь в коленках утихла. С голосом, правда, мне удалось совладать не сразу, поначалу я дала петуха, но потом вроде дело наладилось. Во всяком случае, я хорошо знала, о чем говорила, и не боялась даже каверзных вопросов. Комиссия слушала меня заинтересованно, да и зал притих. В общем, мне удалось добраться до конца заготовленной речи без приключений, разве что указку я все-таки

уронила, но такие неприятности со мной случаются постоянно. Будучи в ударе, я даже внимания на это не обратила, походя материализовав вторую точно такую же и только потом подумав, как такое фиглярство может выглядеть со стороны. Но вроде никто и не заметил...

— Гхм... Благодарю вас, — произнес ректор, когда я окончила говорить. — Вопросы?

Посыпались вопросы. Всех их я ожидала, более того, у меня и ответы были заготовлены — все-таки Игорь Георгиевич не зря меня дрессировал. Пал Иваныч только побрякивал, довольно улыбаясь. Очевидно, он считал, что это его чуткое руководство позволило мне достичь таких успехов.

— Наина Юрьевна, — произнес вдруг один из приглашенных министерских гостей, я его не знала, когда вопросы вроде бы иссякли. — По поводу практической части вашего дипломного исследования... Вы рассматриваете крупный объект с весьма четко определенными параметрами. Скажите, пожалуйста, этот опыт в самом деле был произведен вами на практике?

Очевидно, дядечка из министерства ожидал, что я сознаюсь, будто все выдумала для пущей убедительности.

— Совершенно верно, — ответила я.

— Хм... — протянул министерский гость. — И где же вы взяли опытный материал?

Вот этот вопрос был по-настоящему каверзным. Ну в самом деле, где студентке вроде меня взять для отработки дематериализации настоящий автомобиль? Не правду же им говорить...

— О! — сказала я, лихорадочно соображая. — Даже и сознаться неловко...

— Ну же, — подбодрил Пал Иваныч. — Не смущайтесь, Наина, тут все свои люди.

— Ну... в общем... на автомобильной свалке, — осенило вдруг меня.

— Думаю, служащие были вам весьма признательны! — хохотнул министерский, а я покраснела.

По счастью, вопросов больше не было, ректор одобрительно покивал мне и отпустил восвояси. После меня должны были защищаться Света и Леша Ковалев, а также трое ребят из других вузов. Вот этих трепали, как Тузик тряпку, интересно даже было послушать...

Перед оглашением оценок объявили перерыв.

Собрав свои плакаты и сдав их на кафедру, я вышла на крыльцо. Защита проходила в новом корпусе, носившем гордое звание «бизнес-центра». Всего три этажа, зато роскошные большие аудитории, оснащенные всем необходимым, хоть международные конференции тут проводи. Собственно, на то здание и рассчитывалось.

На улице сияло солнце, и было, прямо сказать, жарковато. Я в который раз прокляла юбку, из-за которой вынуждена была в такое адское пекло нацепить колготки, а также высоченные каблуки, передвигаться на которых я могла только с черепашьей скоростью.

— Тебя можно поздравить, — сказали сзади, и я от неожиданности подпрыгнула на месте.

— Вы-ы?!

Позади меня, прислонившись к парапету, стоял Давлетьяров собственной персоной и, по обыкновению, курил.

— Вы... вернулись?! — не веря своим глазам, произнесла я.

— Не понимаю твоего удивления, Чернова, — хмыкнул он в ответ. — Я вроде бы здесь работаю. Во всяком случае, об увольнении мне пока не сообщали. — Он протянул мне пачку сигарет. — По-моему, тебе опять надо успокоиться.

Я хотела было отказаться, памятуя, какой горлодер курит Давлетьяров, но потом все-таки взяла сигарету.

— Так вы были на защите? — спросила я зачем-то.

— Был, Чернова. — Давлетьяров недобро усмехнулся. — Должен тебе сказать, выглядела ты отвратительно. Руки трясутся, колени подгибаются, взгляд — как у подопытного кролика. Мне лично хотелось тебя пристрелить, чтобы не мучилась так.

— Спасибо, Игорь Георгиевич, вы так любезны... — пробормотала я. — Как обычно...

— Хорошо еще, речь не забыла, — безжалостно продолжал он. — С указкой тоже неплохо получилось, но, я думаю, это случайность, верно, Чернова?

— Угу... — буркнула я. — Я даже не сообразила, что делаю...

— Одна из худших твоих привычек, Чернова, — констатировал Давлетьяров. — Сперва делать, потом думать. Правда, не могу отрицать, на этот раз она пришлась кстати. Изящный жест. С автомобильной свалкой ты тоже недурно выкрутилась.

— Надо было заранее что-то придумать, — вздохнула я. — Я даже не предполагала, что могут такое спросить...

— Иногда я не понимаю, зачем убил на тебя столько времени, Чернова, — как обычно, доброжелательно произнес Игорь Георгиевич, поправляя лацкан светлого летнего пиджака. — Думать ты, как мне порой кажется, так и не научилась.

Я помолчала. Обижаться смысла не было, это я слышала от него раз сто, если не больше. А еще... еще я просто была рада его видеть, и по одной этой причине обидеться так и не смогла.

— Что, правда так ужасно было? — задала я, наконец, вопрос.

— С моей точки зрения — да, — последовал безжалостный ответ. — Комиссии, впрочем, понравилось. Они любят заикающихся с перепугу пай-девочек. — Игорь Георгиевич неожиданно усмехнулся. — Перестань дуться, Чернова, место в аспирантуре тебе обеспечено.

Я вздохнула. Надо было, наверно, сказать, что если бы не Игорь Георгиевич, ничего бы у меня не получилось, и выделиться на общем фоне — тоже, защитилась бы, как все, и только. Впрочем, он и сам это знал прекрасно, а раз так — что воздух сотрясать?

— А вы... — решила я наконец спросить. — Вы... насовсем вернулись? Или как?

— Чернова, своими изысканными формулировками ты всякий раз ввергаешь меня в изумление, я тебе это неоднократно говорил, — ответил Давлетьяров. — Но если тебе так больше нравится

— то да, насовсем. К административной работе я еще пригоден. Это лучше, чем покрываться мхом.

Он сердито свел брови, в глазах промелькнула знакомая мне уже искра. Ага, понятно. Административная работа — это значит, что Давлетьяров сможет отслеживать проекты вроде того, что дважды его покалечил. Хорошо, значит, у него снова есть цель! Ох, не завидую я студентам! Пусть даже Игорь Георгиевич не будет преподавать, он и так прекрасно сумеет вымотать нервы всем окружающим.

Я поймала себя на том, что глупо улыбаюсь, и поспешила принять серьезный вид. Надо бы, кстати, спросить, почему Давлетьяров исчез так внезапно. Не факт, что ответит, но попытка не пытка...

Тут только я сообразила, что сигарета у меня в руке почти потухла, и поспешила затянуться. Именно что поспешила — кашлять пришлось долго.

— Какую же гадость вы курите... — выдавила я, откашлявшись, наконец.

Наверняка Игорь Георгиевич сказал бы мне что-нибудь вроде "Просто ты не умеешь курить, Чернова", но тут хлопнула дверь, и мы оба обернулись на звук.

Из бизнес-центра вышла Лариса Романовна, видимо, решив подышать свежим воздухом, увидела меня и Давлетьярова, мирно стоящих с сигаретами, и, по-моему, остолбенела. Я по-прежнему не могла взять в толк, отчего бы ей так стараться оградить меня от общения с Игорем Георгиевичем (или наоборот?), но факт оставался фактом.

— Наина... — начала было она, но Игорь Георгиевич не дал ей договорить:

— Чернова, по-моему, тебе пора. Результаты начнут объявлять с минуты на минуту.

— А... да, спасибо... — спохватилась я и, обогнув Ларису Романовну, спаслась бегством, даже не пытаясь подслушать, о чем пойдет речь у этих двоих. С перепугу я даже на каблуках развила приличную скорость и умудрилась не грохнуться с лестницы.

Впрочем, входя в зал, я увидела в конце коридора знакомую фигуру Давлетьярова, так что, надо думать, беседа не затянулась.

Для оглашения оценок всех, защищавшихся сегодня, выстроили перед комиссией, как на параде. Лично мне было неуютно, не люблю я, когда на меня пялится столько народу.

Чужих ребят, как я и ожидала, завалили с треском. Только одному поставили «хорошо», остальным едва натянули «удовлетворительно». Наша группа защитилась ровненько, Света и мальчишки на «хорошо», Маргарита на «отлично», а меня ректор приберег под конец.

— Особо хотелось бы отметить выступление Черновой Наины, — провозгласил он. — Гхм... что я могу сказать... Это даже не «отлично», а «отлично» с двумя плюсами. Если бы можно было поставить шесть баллов, это следовало бы сделать. Блестящая работа. — Он обернулся ко мне. — Вы, кстати, об аспирантуре подумывали?

— Д-да... — выдавила я, мучительно краснея и определенно ощущая на себе издевательский взгляд Давлетьярова.

— Ваша работа выглядит заделом для будущей диссертации, я верно понял? — поинтересовался ректор.

Я поняла, что краснеть дальше некуда, и просто кивнула.

— Ну тогда осенью мы ждем вас на вступительных экзаменах, — благосклонно произнес он и объявил: — Всем спасибо, господа, все свободны!

Я, чтобы успокоиться, произнесла про себя несколько непечатных слов, вышла в коридор и поплелась к выходу. Больше всего мне хотелось добраться до своей комнаты в общежитии, рухнуть на койку и не вставать до утра. Принимать участие в попойке я не собиралась. Не до такой степени я дружила с однокурсниками, чтобы напиваться с ними...

Глава 4

Заключение

Третью неделю я предавалась блаженному безделью, время от времени наведываясь в университет, чтобы узнать, не появился ли еще список вопросов для вступительных экзаменов в аспирантуру. Конечно, это было только предлогом, а настоящей целью было послушать свежие сплетни. Лаборанток у нас на кафедре много, языки у них без костей, а ко мне они уже привыкли и не стеснялись моего присутствия.

В голове ощущалась странная легкость и пустота. Тащила на себе тяжелый груз, тащила, наконец, сбросила, а теперь кажется, будто чего-то не хватает. Но к этому-то привыкнуть как раз можно, а вот к той занозе, что давно не дает мне покоя — никак не привыкнешь.

Разделаться с занозой можно было только одним способом: разобраться в происходящем. Мне, если честно, больше всего хотелось пойти напрямик к Ларисе Романовне и поинтересоваться, что это ей вздумалось делать этикие хитрые ходы, а главное, зачем! Но ведь не ответит, скажет, что я с ума сошла на почве переутомления и выдумываю невесть что.

К Давлетьярову сейчас тоже лучше не подходить, да он, если что и знает, все равно не расскажет. Сочтет, что не моего ума это дело, и попробуй, переспорь. Кто, может, и возьмется, только не я.

А если... Я села на кровати, на которой валялась уже полдня. Если я лезу слишком далеко в дебри? Кто там из мудрецов говорил что-то вроде "не надо умножать сущности без нужды"? Ей-богу, не помню, но мысль хорошая. Я все приплетаю какие-то чуть ли не тайные секты, свившие гнездо в ГМУ и охотящиеся за тайными знаниями, единственным носителем которых является Давлетьяров. Представительница секты, соответственно, Лариса Романовна, а я — единственная избранная, которой Давлетьяров может передать тайное знание. Я даже хихикнула. Тянет на приключенческий роман, однако, а ты, Чернова, еще на отсутствие воображения жаловалась!

Так вот, не будем плодить лишних сущностей. Пока в события вовлечены только три человека, о которых известно наверняка: Давлетьяров, Лариса Романовна и я, причем все трое хоть как-то, а связаны между собой. Кто-то еще, может, имеется в наличии, а может, и нет. Для простоты попробуем танцевать от печки, то есть от версии, что никого постороннего нет и не было... А те ребята на машине? Ну, они в любую версию вписываются, и с посторонними, и без, так что о них пока забудем.

Еще с полчаса я валялась на кровати, пялилась в потолок и напряженно думала. Идея о тайных знаниях вертелась в голове и мешала сосредоточиться. "Хватит, Чернова! — приказала я себе. — Вернись на землю!" Правильный вариант обычно самый простой, это я еще при решении задач на дематериализацию усвоила. А самый простой вариант, к которому вовсе не надо приплетать тайные знания и секты, — это человеческие взаимоотношения. И, кстати сказать, об отношениях Давлетьярова и Ларисы Романовны я ровным счетом ничего не знаю. А как знать... Еще через час у меня родилось подобие гипотезы. Очень хиленькое подобие, но единственное.

Нужно было кое-что выяснить, тогда моя гипотеза или бесславно погибнет, или станет вполне жизнеспособной. Была у меня идея, требующая проверки, и кто знает, может, именно в этом крылись корни странного поведения Ларисы Романовны? А даже если и нет, все равно было любопытно, а неудовлетворенное любопытство — вещь, как известно, страшная!

Пораскинув мозгами, я пришла к выводу, что помочь мне может только один человек в университете, человек, который проработал тут уже много лет и благодаря изумительной памяти может перечислить всех студентов, которые здесь когда-либо учились. А именно — Эмма Германовна Штольц, библиотекарь.

Конечно, идти к ней надлежало, подготовившись. Я и подготовилась: выяснила, когда у ее помощницы, Леночки Сливиной, выходной, в тот день и заявила. Тем более, все равно надо было сдать кое-какие учебники, валявшиеся у меня уже больше года. В это время в библиотеке никого нет, летнюю сессию почти все уже сдали, вступительные экзамены только-только начались, а абитуриентам в библиотеке делать пока нечего.

Про мою давнюю аферу с книгохранилищем Эмма Германовна, кстати, не знала. Старушке не сказали, из-за кого ее чуть не выперли на заслуженную пенсию, а Леночку едва не уволили. И очень хорошо, что не сказали, а то мне сейчас было бы куда сложнее разговаривать библиотекарьшу. (Леночку, кстати, не уволили за допущенную халатность только благодаря заступничеству завкафедрой политической магии, который с Леночкой сожительствовавал и даже не делал из этого особой тайны. Этот человек был давно и прочно женат, и терять удобную пассию, которая всегда под рукой, к тому же неболтлива, добродушна и денег много не требует, не желал категорически. А что Леночка глупа, как пробка... ну так его не мозги же ее интересовали.)

Эмма Германовна, как мне показалось, была рада меня видеть, и даже за задержанные книги не пожурила.

— Ты, я слышала, решила поступать в аспирантуру? — спросила она.

— Ага, — кивнула я. — Эмма Германовна, вы ж не были на нашем банкете в честь защиты, так неудобно, что вас не пригласили...

— Да что ты... — начала было она, но я не дала ей и слова вставить, выложив на стол свой презент:

— Вот... хоть чаю попьете!

— Ой, Наиночка, — всплеснула руками Эмма Германовна. Видимо, я ей угодила — тортик был замечательный, у меня самой слюнки текли, а Эмма Германовна была признанной сладкоежкой. — Ну зачем ты...

Я готова была воздействовать слегка на старушку, но ничего такого не потребовалось, Эмма

Германовна сама предложила:

— Наиночка, может, чайку? Или ты торопишься?

— Да куда мне торопиться, — пожалала я плечами. — Экзамены осенью, так что... С удовольствием!

Эмма Германовна повесила на дверь табличку "Технический перерыв" и увела меня в свою каморку. Тут было тесно, но уютно: диванчик, столик, электрический чайник — что еще для счастья надо!

Пока старушка расставляла чашки, я осматривалась. Потом мы немного посплетничали о последних новостях — видно было, что Эмму Германовну нечасто балуют возможностью поговорить, а значит, моя задача упрощалась.

— Эмма Германовна, вы ведь давно тут работаете? — спросила я невзначай.

— Да скоро уж юбилей, почти сорок лет! — с гордостью ответила она.

— О, ну тогда, наверно, вы знаете... — протянула я. Выдержала паузу и продолжила: — Я тут помогала на кафедре архив разбирать, у них же тоже юбилей скоро, вот и решили стенгазету сделать. Сколько там старых фотографий — это же ужас! Вот... я там на одну наткнулась, подписано — Лида Смирнова, вот я и хотела спросить — это, случайно, не дочка Ларисы Романовны? Уж очень похожа... У нее самой спрашивать неудобно как-то...

Вранье мое было весьма неуклюжим, поймать меня ничего не стоило. Ну какой юбилей кафедры, он через два года только! Но то ли Эмма Германовна этого не знала, то ли пропустила мимо ушей.

— Ой, Наиночка, хорошо, что ты не стала у Ларисы спрашивать! — всплеснула она руками. — Все верно, Лидочка Смирнова, ее дочка, такая хорошенькая девочка была, просто картинка...

— А... что такого-то? — не поняла я.

— Так умерла она, давно, — вздохнула Эмма Германовна. — Такой ужас, такой ужас, Лариса просто сама не своя была...

— А что случилось? — спросила я, понимая, что мой интерес выглядит неприлично, но будучи не в силах что-либо с собой поделать.

Эмма Германовна помолчала, собираясь с мыслями, потом поведала заговорщицким шепотом, будто нас кто-то мог услышать:

— Об этом почти никто не знает, ну да ты, я думаю, болтать не станешь... Лидочка замужем была за Игорем Давлетьяровым, знаешь такого?..

— Ну да, и что? — не поняла я. Ага, значит, все верно! Однако...

Из несколько путаной речи Эммы Германовны выяснилось следующее: Лида Смирнова вышла замуж за Давлетьярова, не окончив еще университета, курсе то ли на третьем, то ли на четвертом, он был немного старше ее. По заверениям старушки, Лариса Романовна зятя приняла чуть не с распростертыми объятьями, и было отчего. Лида сама была подающим надежды магом-иллюзионистом, по уверению Эммы Германовны, наблюдать за ее работой

съезжались со всей страны. Уже на третьем курсе она показывала такие результаты, что все диву давались, сама разрабатывала новые методики работы, словом, настоящий самородок. Ну а про Давлетьярова я и так знала, что он собой представлял в молодые годы. В общем, Лариса Романовна вела себя так, будто Давлетьяров ей родной сын, а это уж вовсе из ряда вон...

Вообще-то маги редко уживаются друг с другом, характер у них обычно не сахар. Но эти двое, как ни странно, вполне мирно сосуществовали, и окружающие с нетерпением ждали, чем же кончится дело. У магов обычно способности передаются по наследству, а что может получиться от такого редкого сочетания боевой и прикладной магии, никто даже представить не мог. Словом, сплошная идилия.

И все бы было замечательно, если бы не случайность. Однажды вечером Давлетьяров засиделся в университете, какой-то эксперимент ему покоя не давал. Лида прождала его несколько часов, потом отправилась домой одна. Домой она так и не вернулась, а хватились ее только утром: мать была уверена, что она осталась в университете, муж — что благополучно вернулась домой. Позвонить, конечно, никто из них не додумался.

— Тут за главным корпусом раньше пустырь был, — шепотом рассказывала Эмма Германовна. — Это теперь понастроили — спорткомплекс, бизнес-центр этот... А тогда — пустырь, темень к тому же, ни одного фонаря...

Лида отправилась через пустырь на остановку, так было намного короче. На пустыре ее и нашли поутру — какие-то ублюдки польстились на тоненькое обручальное колечко, цепочку и тощий студенческий кошелек, ударили по голове куском арматуры, ограбили и бросили. Их нашли, конечно, хорошему магу-сыскарю ничего не стоит взять след, но Лиду спасти не удалось.

— На Ларису смотреть страшно было, единственная же дочь, — шептала Эмма Германовна. — А Игорь разве что с лица осунулся, а так — словно и не было ничего. Каменный он, ну как есть каменный... И сразу шептаться начали, мол, если бы он Лидочку проводил, ничего бы не случилось, так нет же, отпустил девчонку одну ночью... — Я впечатленно молчала, а Эмма Германовна продолжала: — Только Лариса быстро себя в руки взяла и все эти сплетни прекратила. Заявила, что не считает зятя виноватым. Мол, Лидочке сколько раз было говорено пустырем не ходить, особенно вечером, вот и не послушалась на свою голову. Ну, тут уж про Ларису шептаться начали, много чего наговорили... — Эмма Германовна махнула рукой. — Но они оба внимания не обращали, постепенно все и затихло. Игорь, правда больше так и не женился. Уж сколько на него студенток вешалось, аспиранток, он же по молодости видный парень был, а всех гонял. Значит, все же чувствовал за собой вину...

— Надо же... — вздохнула я, хотя последний вывод не показался мне логичным.

Значит, вот как оно было...

Если верить Эмме Германовне — а почему нет, она сплетница, конечно, но не фантазерка, — Лариса Романовна к Давлетьярову относилась очень хорошо. Да и мне так казалось, во всяком случае, она всегда о нем беспокоилась... И как объяснить все эти странности последних нескольких недель?

Мне показалось, будто я начинаю что-то понимать, но об этом требовалось поразмыслить в тишине и покое, а не рядом с трещащей без умолку старушкой. Правда, пришлось еще немного потерпеть, чтобы не обижать Эмму Германовну поспешным бегством.

То, что получилось у меня в результате раздумий, удручало своей мелодраматичностью. С

другой стороны, в жизни такое случается, что любая мелодрама отдыхает!

Первое время после возвращения Давлетьярова Лариса Романовна словно бы затаилась. А потом вдруг начала проявлять бурную заботу. Сколько раз за последние дни я слышала на кафедре то от лаборанток, а то и от преподавателей: "Не беспокойте Игоря Георгиевича, он больной человек... только что после тяжелой операции... здоровье никуда не годится... обратитесь лучше к такому-то..." Все это по большей части исходило от Ларисы Романовны, сомнений не было. Остальным бы и в голову самим такое не пришло: после санатория Давлетьяров выглядел куда лучше, чем до происшествия на полигоне, словно помолодел даже, а его начальственный рык разносился на три этажа. Заслышав его голос, вечно сонные лаборантки начинали бегать зайчиками!

Можно принять это за естественное беспокойство о родственнике, пусть и бывшем, но Лариса Романовна ведь не могла не знать, как бесят его подобные высказывания! А что Давлетьяров об этом прослышит, можно было не сомневаться, языки у нас в университете длинные-предлинные. И зачем тогда? Зачем обострять у человека чувство собственной неполноценности?

Я едва не влетела в фонарный столб на полном ходу. Опа... Эх, Чернова, сама ведь недавно думала, что вечно в дебри лезешь, а разгадка-то, похоже, на поверхности! Если, конечно, я правильно все поняла. Ну, поделиться своими догадками все равно надо. Высмеют — ну что ж теперь поделаться, зато я буду спокойна...

В субботу, да еще вечером искать кого-то в университете было бесполезно, только не Давлетьярова. Сколько помню, он всегда тут обретался. Однако на сей раз, очевидно, он решил изменить своим привычкам: я не нашла его ни в кабинете, ни где-то еще. А раз так... ну куда он мог податься? Скорее всего, домой. Сейчас-то он уже не прячется ни от кого. Неудобно, конечно, вваливаться без приглашения, но если найти хороший предлог...

Предлог нашелся без труда, и через полтора часа я уже топталась под знакомой дверью, не решаясь позвонить. Потом все-таки нажала на кнопку звонка, отступила назад и стала ждать.

Дверь распахнулась, на пороге возник Игорь Георгиевич. По-моему, он слегка удивился.

— Чернова? — вскинул он брови. — Что на этот раз?

— Вот... — Я протянула ему несколько толстых папок. — Я подумала, что нужно вернуть вам...

— А занести их в университет тебе, конечно, показалось сложнее, чем тащить через полгорода, — съязвил он.

— Ну а потом бы вы их поперли через эти полгорода, — не осталась я в долгу.

— А мне что, тяжести поднимать запретили? — фыркнул Игорь Георгиевич, одной рукой принимая у меня и в самом деле тяжеленные папки. Намаялась я с ними по дороге. — Входи уж...

Я облегченно перевела дух: с него стало бы захлопнуть дверь у меня перед носом. А раз не захлопнул, значит, пребывает в неплохом настроении, и с ним можно разговаривать.

С момента моего посещения в квартире почти ничего не изменилось, разве что она стала выглядеть чуточку более жилой, в основном за счет прочно поселившегося тут запаха табачного дыма и разбросанных повсюду книг и каких-то бумаг. На журнальном столике

мерцал экраном включенный ноутбук, включенный телевизор едва слышно бормотал что-то политическое. В самом деле, теперь Игорю Георгиевичу ни к чему торчать ночами в университете, надо же где-то время проводить, почему бы не дома?

— Вытрись, Чернова, с тебя течет. — Стоило мне перешагнуть порог и снять туфли, как в меня полетело полотенце.

Я испуганно улыбнулась в ответ — с чего бы такая забота? С меня правда капало, на улице поливал дождь, да еще с таким ветром, что никакой зонт не спасал, его просто выворачивало из рук. Ну и видок у меня теперь был соответствующий, крыса мокрая, да и только.

— Чай будешь? — Сегодня Давлетьяров не уставал меня поражать.

— Нет, спасибо, — выдавила я.

— Ах да, я забыл, у меня в гостях ты предпочитаешь коньяк, — не упустил он возможности подпустить шпильку. — Прости, чего нет, того нет.

Пройдя в комнату, я остановилась в нерешительности. Садиться в мокрых джинсах на диван не хотелось, стоять столбом было глупо. Наконец я нашла выход и примостилась у окна, делая вид, что меня страшно интересует происходящее снаружи стихийное бедствие.

— Чернова, — окликнул сзади Игорь Георгиевич. — Судя по загадочно-идиотическому выражению твоего лица, у тебя опять что-то случилось. Желаеть излиться?

— Желая, — буркнула я. — Только ничего не случилось. То есть случилось, но не сейчас.

— Ничего не понимаю, Чернова. — Игорь Георгиевич устроился в кресле, закинув ногу на ногу, и воззрился на меня скептически. — Попробуй изложить последовательно.

— Попробую, — заверила я. — Знаете, Игорь Георгиевич, я, кажется, поняла, в чем дело... то есть, что происходит...

— Не путай причину и следствие, Чернова, — отрезал Давлетьяров. — Все-таки "в чем дело" или "что происходит"? Определись!

— Определюсь, если вы мне дадите хоть слово сказать! — разозлилась я. Игорь Георгиевич изобразил лицом внимание, а я забыла, с чего хотела начать. — В общем... ну, помните, еще в «Дубках» мы говорили о том, что странное что-то происходит? И, главное, непонятно, почему! Вот... я вроде поняла, что к чему...

— Ну-ну, очень любопытно! — вздернул подбородок Игорь Георгиевич. — Очередное дело великой сыщицы Черновой... Слушаю тебя внимательно.

— Одним словом, все началось... давно, в общем. — Я отвернулась и вжала голову в плечи, опасаясь, что за следующую фразу Давлетьяров чем-нибудь в меня швырнет. — После того, как погибла ваша жена...

За моей спиной царил молчание, то ли гневное, то ли изумленное. Потом послышалось чирканье зажигалки.

— Откуда тебе об этом известно? — вполне ровным тоном спросил Давлетьяров. Если бы я знала его чуть похуже, могла бы решить, что он — само спокойствие.

— Про жену?.. — Я замялась. — Ну... Игорь Георгиевич, я, правда, нечаянно... когда вы меня послали сюда за этими папками... в общем, фотографии сами высыпались, и одна была подписана...

— А ты не удержалась и сунула в них свой нос. — Голос у него был по-прежнему ровный, но оборачиваться мне не хотелось. — Что дальше?

— Ну а дальше оно как-то само собой сложилось, — покаялась я. — Эмма Германовна...

— Давно пора уволить эту ходячую сплетню, — сквозь зубы пообещал Давлетьяров. — Эмма выболтала тебе все, что знала, а знала она не так уж мало, так, Чернова?

— Угу... — кивнула я. Может, зря я затеяла этот разговор? — Игорь Георгиевич, можно, я расскажу, а потом вы меня за все сразу отругаете? А то я путаюсь...

— Перед такой угрозой вынужден капитулировать, — хмыкнул он. — Путаницы в твоём исполнении я не перенесу. Валяй, Чернова, рассказывай.

И я начала рассказывать.

Все мои выводы были, если честно, вилами на воде писаны, и основывались исключительно на моих догадках и кое-каких наблюдениях. Вот сложилось у меня такое впечатление: Лариса Романовна хоть и демонстрирует всячески свою заботу о бывшем зяте, но, тем не менее, его недолюбливает. Зачем тогда она пресекла несколько лет назад неприятные разговоры о том, что в смерти Лиды виноват именно он? Для чего ей это понадобилось? Я долго не могла этого понять, пока меня не озарило вдруг: да для того же, чтобы сделать ему еще больнее! Она достаточно хорошо знала Игоря Георгиевича, чтобы понять: если о его вине, реальной ли, мнимой, ему будут постоянно напоминать, он сможет признаться самому себе, сказать, "да, я виноват", и жить дальше без особых терзаний. А вот если, наоборот, уверять всех и каждого, и его в том числе, что ни в чем он не виноват, а всему виной глупость Лиды, отправившейся одной ночью через пустырь... Давлетьяров из тех, кому проще признать свою вину, чем спрятаться за чью-то спину, пусть даже этот кто-то полностью их оправдывает. Оправдывает — да незаслуженно, вот в чем дело. Думаю, ему это было, как острый нож, и Лариса Романовна прекрасно это понимала. Зачем она это делала? Надо полагать, из чувства мести, не могла же она быть в самом деле уверена, что вины Игоря Георгиевича во всем этом совсем нет! Как раз наоборот... Она хотела заставить его жить с чувством вины — и ей это, похоже, удалось.

Судя по гробовому молчанию за спиной, я угадала-таки.

А вот дальше я вступала на совсем уж скользкий путь догадок. Тут никаких подтверждений, даже косвенных, не было, но все-таки...

Когда впервые зашли речи о проекте «Демиург» и об участии в нем Давлетьярова, Лариса Романовна неспроста этим заинтересовалась. К тому времени она была очень опытным магом, пусть не из самых сильных. Она интересовалась последними разработками, знала множество последних теорий, другое дело, что не всегда это афишировала. Одним словом, она примерно представляла, чем может кончиться эксперимент в случае неудачи. Представляла — и сделала все, чтобы уговорить Давлетьярова участвовать в нем. Он ведь сам мне рассказывал, как она его убеждала. Что-что, а это она делать умела...

После эксперимента Лариса Романовна, полагаю, была весьма довольна собой. Погибни Игорь Георгиевич, надо думать, она была бы не так удовлетворена. А вот наблюдать, как человек, смыслом своей жизни сделавший работу, по крохам восстанавливает свои способности, зная

при этом, что в полную силу ему не работать никогда, — это, должно быть, являлось для нее изысканным удовольствием. Да притом обращаться с ним, как с пострадавшим, зная, как это выводит Давлетьярова из себя. Я отлично помню: все преподаватели вели себя с ним, как с тяжелобольным, которого нельзя раздражать, выводить из себя, вообще напоминать о происшедшем... Словом, для него был устроен маленький персональный ад.

Дальше — больше. Печальной памяти Лодыгин взялся искать новых кандидатов на участие в проекте. Марину Рогачеву Давлетьярову немислимыми усилиями удалось выставить из университета, а вот со мной этот фокус не прошел. Похоже, по части упрямства я могла с ним потягаться. И вот тут Лариса Романовна получила новый инструмент: должно быть, ей приятно было наблюдать за тем, как Давлетьяров из последних сил пытается помешать Лодыгину, но ничего у него не выходит. Теперь я уже не уверена, что никто не знал о подмене Давлетьяровым умершего Лодыгина. Вполне вероятно, Лариса Романовна догадалась, пусть и не сразу, — я помню, первое время после мнимых похорон Игоря Георгиевича она ходила потерянная (еще бы, так легко отделался!), а потом вдруг повеселела.

На полигоне, правда, стало не до веселья. Должно быть, расчет был на то, что я или погибну, или начисто лишусь способностей, и тогда Давлетьяров получит очередную причину себя ненавидеть — как же, не смог отговорить глупую девчонку! — но этот расчет не оправдался. Вместо меня чуть не погиб сам Давлетьяров. Правда, он оказался чрезвычайно живуч и выкарабкался во второй раз, но — вот уж бальзам на душу Ларисе Романовне, — на сей раз лишился магических способностей окончательно.

Она, как и я, ездила к нему в санаторий. Только я пыталась вести себя так, будто ничего не произошло, а она, наоборот, растревляла свежие раны. Убеждала Игоря Георгиевича бросить все это, — университет, магию, — из-за чего он лишился нормальной жизни и здоровья, уговаривала жить в свое удовольствие, влачить этакое растительное существование, все равно в университете жизнь ушла далеко вперед, что ж теперь... Выставляла, одним словом, совершенно никчемным человеком, и делала это умело. Для такого, как Давлетьяров, деятельного, активного и гордого к тому же до крайности, оказаться никому не нужным и ни на что не пригодным — вот уж хуже казни не придумаешь. А уж быть объектом жалости — так и тем более! Вот почему, кстати, он тогда под Новый год спрашивал, не из жалости ли я к нему езжу, должно быть, накануне Лариса Романовна в очередной раз его "пожалела".

Только дела у нее шли ни шатко, ни валко. Лариса Романовна, надо думать, и не подозревала о моих визитах, а Игорь Георгиевич ей, понятное дело, не докладывал. Он, как мне кажется, что-то подозревал, чувствовал на уровне инстинктов, потому вел себя с Ларисой Романовной так, как ей этого хотелось. Но потом она, должно быть, решила поговорить с главврачом, из конспиративных, очевидно, целей назвавшись другой фамилией, а тот из самых лучших побуждений сообщил ей, что не все Давлетьярова позабыли, ездит к нему еще одна девица, после визитов которой он на стену готов лезть от злости. Лариса Романовна, надо думать, знала, что представляет собой как следует разозленный Давлетьяров, и поняла — ее усилия идут насмарку. Если бы она узнала, что я не просто так езжу, а еще и выпрашиваю научных консультаций, ее бы точно удар хватил...

Вот тогда встал вопрос — как оградить Игоря Георгиевича от общения со мной. Сперва — вот уж дурное дело нехитрое! — она решила меня припугнуть. Нанять пару ребят — плевое дело, их на каждом углу полно, а у Ларисы Романовны, я думаю, были разного рода полезные связи. Расчет был на то, что я, перепуганная, засяду в общаге и носа на улицу казать не буду. Я вместо этого взялась конспирировать, и от визитов в санаторий не отказалась. А как я могла отказаться, когда дописывала этот клятый диплом!?

Словом, прием не сработал, а после моей выходки с машиной нанятые ребяташки разбежались, как зайцы. Надо думать, Лариса Романовна не поставила их в известность, что за девчонку они пугают.

Пришлось ей искать другое решение, и оно было просто, как все гениальное: сочинить пару баек. Лариса Романовна ведь не могла предположить, что такая послушная и скромная девчонка, как я, ей не поверит, а сразу рванет к главврачу! А Давлетьяров ей удачно подыграл, опять же, я думаю, интуитивно поняв, чего она от него ждет.

Словом, Лариса Романовна добилась эффекта, прямо противоположного ожидаемому: мало того, что избавить Давлетьярова от моего общества не удалось, так еще он окончательно взбеленился и решил вернуться в университет. Надо полагать, он и так не собирался киснуть в санатории до скончания века, а тут еще невесть с чего решил, что там продолжается эпопея с печально известным проектом «Демидург», и ринулся в бой. (Хотя я могу предположить, почему он так подумал. Я ведь была основным энергетическим ресурсом для экспериментальной установки, и меня могли попытаться уговорить поучаствовать в эксперименте еще раз, или даже обмануть — при условии, что я ничего не смогу рассказать Давлетьярову, он-то бы сразу понял, о чем идет речь. Да я бы и сама поняла, я ведь не полная дура, хотя меня таковой многие считают, в том числе, надо полагать, и сам Игорь Георгиевич.) При ближайшем рассмотрении выяснилось, правда, что проект похоронен надолго, если не навсегда, и воевать особо не с кем, но было поздно: Давлетьяров уже вернулся и уходить не собирался. Ну а когда Лариса Романовна застучала нас с ним мирно курящими на крыльце, ей стало совсем кисло. Думаю, к тому моменту она уже поняла, что я, пожалуй, единственный человек из окружения Давлетьярова, который может пустить ее планы под откос.

Не знаю, что она еще могла бы придумать, да знать особо и не тянуло...

Примерно это я и изложила Игорю Георгиевичу, понятное дело, запинаясь чуть не на каждом слове и перескакивая с одной мысли на другую. Но, судя по всему, он понял меня даже слишком хорошо.

— Я уже говорил тебе, Чернова, тебе надо было идти на юридический, — сказал он негромко, а я обнаружила, что он, оказывается, давно уже стоит у меня за спиной. — А лучше в литературный. Цены бы тебе не было...

— То, что я придумала, ужасная глупость, да? — спросила я, очень надеясь на утвердительный ответ.

— Как раз наоборот, — ответил он. — Теперь мне очень много стало ясно. Со стороны всегда виднее...

Я повернулась, чтобы посмотреть на него. Лицо у Давлетьярова было совершенно непроницаемым, только губы свело в тонкую линию, а вот глаза... Если бы взглядом можно было убивать на расстоянии, кое-кому бы не поздоровилось, это точно. Настолько живой взгляд я видела у него только на старых фотографиях, но там он не выглядел таким безжалостным.

— Теперь мне все понятно, — повторил он.

— Может, я неправа, — осторожно сказала я. — Мало ли... напридумывать много чего можно...

— Ты права, Чернова, — отрезал Игорь Георгиевич. — А я все эти годы был просто слеп. За что и получил по заслугам. В конце концов, все началось именно с меня.

— Не надо так... — Я внезапно осеклась, сообразив, что вот в утешениях моих Давлетьяров нуждается меньше всего. Если ему надо будет, он сам себя прекрасно утешит, а предаваться самокопанию — определенно не в его духе. Стало быть, переживет. Я поспешила сменить тему: — Я только не поняла, почему вы исчезли так внезапно.

— А что тебе сказал Лев Евгеньевич? — поинтересовался Давлетьяров.

— Что вам, наверно, надо как следует подумать, и чтобы никто не отвлекал, — ответила я.

— Он опять оказался прав, — скупое усмехнулся Давлетьяров. — Так и было. Впрочем, это не единственная причина.

— А какая другая? — с любопытством спросила я.

— Это не твое дело, Чернова, — довольно вежливо ответил Давлетьяров. — Я не обязан докладывать тебе обо всех моих помыслах.

— Простите... — пробормотала я. — Я просто подумала... ладно, неважно. Кстати, Лев Евгеньевич просил передать вам, что вы мерзавец и просто невоспитанный человек.

— Спасибо, Чернова, — сдержанно произнес Игорь Георгиевич. — Приятно получить привет от своего лечащего врача. А в связи с чем он просил это передать?

— Неважно, — буркнула я. — Так... — Я помолчала. — А... дальше-то что?

— А дальше, Чернова, рекомендую тебе внимательно смотреть по сторонам, — сухо ответил Игорь Георгиевич. — Ты теперь, конечно, дипломированный маг опасной специализации, но советую не задирать нос. Не поможет.

Я, кажется, поняла, что он хотел сказать: если Лариса Романовна дошла уже до легкого помешательства на почве навязчивой идеи, а на то похоже, она может решить устроить какую-нибудь гадость мне. Давлетьяров ей нужен живой и страдающий, а я — так и вовсе просто помеха. Хотя я, вообще-то, считаюсь ценным кадром, но вот вспомнит ли она об этом?

— Хорошо, не буду задирать нос, — сказала я тихо. К горлу почему-то подкатил комок. — Буду смотреть по сторонам...

Я зачем-то взяла Игоря Георгиевича за руку. Не знаю, для чего, то ли убедиться, что все происходит взаправду, то ли еще зачем. Только делать мне этого не стоило, потому что тут же вспомнился такой же дождливый день почти год назад, и в носу отчаянно защипало. Ну а потом я совершила вовсе уж несусветную глупость — взяла, уткнулась носом в его плечо и заплакала. Мне было безумно жаль всех: и Ларису Романовну, добрый десяток лет положившую на эту дурацкую месть, и Давлетьярова, а еще саму себя, невесть зачем влезшую в эту историю, в которой уже ничего нельзя было поправить... Жаль до такой степени, что это чувство, мне казалось, выплеснулось наружу и затопило всю квартиру. А может, и потоп на улице по моей вине случился...

"Если мне, Чернова, захочется промокнуть, я выйду на улицу — там дождь хлещет," — я до того ждала подобных слов, что почти услышала их. Но нет, показалось — Игорь Георгиевич так ничего и не сказал. И с места не двинулся, пока я не перестала хлюпать носом.

— Ну... — Я не знала, куда деть глаза. Давлетьяров смотрел на меня как-то странно, как будто на диковину из кунсткамеры. — Я пойду...

Не дождавшись ответа, я выскочила в коридор, сдернула с вешалки куртку, сунула ноги в мокрые туфли и вылетела за дверь. Он меня не остановил.

На дворе лил дождь, зонт мой приказал долго жить, им можно было только накрыться, как гриб шляпкой, но до такого безобразия я еще не докатилась. Лучше уж вымокнуть, тем более, что одежда была и так не сказать, чтоб сухая.

— Чернова! — окликнули сзади, но оборачиваться я не стала. — Чернова, я со стеной разговариваю?..

Я все-таки обернулась, обеими руками натягивая на голову капюшон. Игорь Георгиевич стоял на крыльце подъезда, не рискуя, тем не менее, высовываться под дождь.

— Вернись, мы не договорили, — скомандовал он.

— Вроде вы все уже сказали, что хотели, — крикнула я в ответ. — Я все поняла! И... до свидания, в общем!..

— Чернова! — свирепо рявкнул Давлетьяров за моей спиной, присовокупив пару непечатных слов, которые я предпочла не расслышать, но я даже не обернулась, занятая обходом циклопических размеров лужи. По голосу ясно было, что он чем-то сильно рассержен. А впрочем, пусть гневается, что он мне сделать-то может? Вдогонку точно не побежит!

С этой мыслью я ускорила шаг, и тут же с разбегу всем телом впечаталась в стену. Во всяком случае, мне так показалось, потому что никакой стены в обозримых пределах не наблюдалось. Впрочем, ощущалась невидимая стенка как обычная, кирпичная.

Я обернулась. Игорь Георгиевич по-прежнему стоял на крыльце, белые скулы и раздувающиеся ноздри явно говорили о крайней степени бешенства.

Неожиданно в голове у меня что-то щелкнуло, сразу нашлось место и странному телефонному звонку по межгороду из автомата, в котором не было выхода на «восьмерку», и внезапно оглохшей Ларисе Романовне тогда, на аллее... Я поняла, что глупо ухмыляюсь.

— Вы что вытворяете, Игорь Георгиевич! — крикнула я. — Я же чуть нос не расквасила!

— А ты не только по сторонам смотри, Чернова! — не остался он в долгу. — Но и под ноги!

— А ну вас!.. — Я оставила в покое капюшон, все равно уже промокла насквозь, и зашлепала обратно прямо по лужам. Пропали туфли... — Что вы там не договорили?

— Во-первых, не смей удирать без разрешения, — последовал ответ. — Во-вторых, ты забыла сумку. В-третьих... — Я подняла глаза и остолбенела — Игорь Георгиевич улыбался, да так, как я и не надеялась увидеть: и нахально, и неуверенно одновременно. — В-третьих, Чернова, просто — не смей удирать!

— Ну, ладно... — фыркнула я и тут же чихнула — дождь был холоднящий. Я посмотрела на него снизу вверх и спросила не без интереса: — Еще чего-нибудь скажете?

— Скажу, — пообещал Игорь Георгиевич. — Хватит мокнуть, Чернова, простынешь. Идем в дом. Тем более, коньяк нашелся...

— Спаиваете подрастающее поколение, — вздохнула я. — Ладно. Если это такой же, как был в

санатории, то пойдете...

— Тебе не кажется, что до сих пор мне «выкать» достаточно глупо? — неожиданно спросил он, чем вверг меня в некоторое ошеломление. В самом деле, а что такого было, чтобы фамильярничать? Ну, поплакала чуть-чуть на плече, дел-то...

— А у меня на «ты» не получается, — честно сказала я. — Вы же старше. И преподаватель к тому же. И на брудершафт мы не пили.

— Умыла, — усмехнулся Давлетьяров. — И на брудершафт не пили, и старше я, и преподаватель. Бывший, правда.

— Кому бывший, кому не очень, — парировала я. Мне было холодно и почему-то весело. — Я же еще кандидатскую писать намерена, вы не забыли?

— Я помню, — поморщился он. — У меня есть все шансы выйти на пенсию, прежде, чем...

— Прежде, чем что? — заинтересовалась я. К этому моменту мы уже успели достигнуть квартиры, и я даже сняла мокрую обувь.

— Неважно. Держи. — Он протянул мне бокал. Коньяк в самом деле нашелся. Интересно, откуда бы ему взяться, и ведь точно такой, каким он поил меня когда-то в санатории. Даже бутылка — один в один, я запомнила, потому что раньше таких не видела.

— Игорь Георгиевич, — произнесла я. — Знаете, что... а можно, я попрошу вас быть моим научным руководителем?

— Попросить можно, — усмехнулся он. — Только кто же тебе это разрешит? Я больше не практикующий маг, а ты — подающая надежды специалистка.

— Ну, я думаю, разрешат, — заявила я. — У подающих надежд специалисток могут же быть капризы? Вот... Вы-то согласитесь?

— Я? Я, возможно, соглашусь, — подумав, кивнул Игорь Георгиевич. — С тобой интересно работать, Чернова. Несмотря на твой невозможный характер.

— Кто бы говорил о характере! — воскликнула я, не сдержавшись, но он, кажется, не обратил внимания.

— Интересно посмотреть, что из тебя получится... — протянул Давлетьяров.

— Мне тоже, — честно сказала я, подумав "Да уж, под вашим-то чутким руководством!". — Давайте выпьем, что ли?

— За что? — поднял брови Игорь Георгиевич.

— За нас! — выпалила я, разом отхлебнула полбокала, и тут же отчаянно закашлялась, чуть не уткнувшись лицом в колени. Ну вот кто меня вечно за язык тянет? Я имела в виду работу, если кто не понял, а получилась какая-то ерунда, как обычно...

— Идет, — произнес Игорь Георгиевич, не обращая внимания на мои телодвижения. — Мне нравится твой тост, Чернова... Только изволь пить до дна.

...- Чер-рнова! — раскатилось над пустой аллеей. — Не отставай!

— Я не отстаю, — буркнула я. Так и не просохшие туфли больно натерли ногу, так что передвигаться я могла исключительно вприхромку. Вылечить такую ерунду, конечно, я в состоянии, только для этого следовало остановиться и сосредоточиться, чего я сделать сейчас никак не могла. Приходилось терпеть.

Наконец Давлетьяров сжалился, остановился, дождался, пока я его догоню, и протянул руку. Я с благодарностью вцепилась в его локоть, так идти было легче.

— Впредь не будешь надевать туфли на босу ногу, — учительским тоном заметил Давлетьяров.

— Буду, — огрызнулась я.

— Не прекословь мне, Чернова, — разом ощетинился Давлетьяров.

— И в мыслях не держала! — фыркнула я.

Трудно сказать, что бы такое он мне ответил, наверняка что-нибудь доброе и ласковое, но в этот момент из-за поворота нам навстречу показался человек, которого мне менее всего хотелось сейчас видеть, а именно Лариса Романовна. Эта достойная дама уже привычно окаменела, увидев меня под руку с Давлетьяровым, а я особенно остро ощутила, насколько помято я выгляжу. Ночевала я у Давлетьярова, в том смысле, что умудрилась заснуть на диване у него в гостиной (пить коньяк и не закусывать мне все-таки противопоказано), поэтому к утру одежда моя обрела довольно плачевный вид. На голове имело место быть воронье гнездо, а поскольку косметичку я с собой не ношу, то моя физиономия не носила никаких следов макияжа. Словом, то еще зрелище.

— Доброе утро, — как ни в чем не бывало, поздоровался Давлетьяров.

— Д-доброе... — выдавила Лариса Романовна и снова посмотрела на меня. Я изобразила вежливую улыбку, и, надо думать, зрелище получилось довольно жалким.

— Очень хорошо, что я вас встретил, — продолжал Давлетьяров, отцепляя мою руку от своего рукава. — Мне нужно с вами поговорить, и чем скорее, тем лучше.

— Мне тоже хотелось с тобой побеседовать, — кивнула Лариса Романовна и уставилась на меня в упор. — Наедине.

— Удачное совпадение. — Игорь Георгиевич повернул ко мне голову. — А ты иди себе, Чернова.

— Не пойду, — буркнула я. Судя по всему, Давлетьяров решил побеседовать с Ларисой Романовной по душам, и как же я такое могу пропустить?!

— Чернова, я со стеной разговариваю? — Лицо Игоря Георгиевича приобрело такое выражение, что я поспешила отступить на пару шагов. — Я сказал — марш отсюда!

Я поняла, что спорить бесполезно, мысленно плюнула и зашагала в сторону общежития. Сохранять ровный темп мне долго не удалось, я невольно замедляла шаг в надежде услышать хоть что-нибудь. Завернув за угол одного из корпусов, я остановилась. Я знаю, что подслушивать нехорошо, но иного выхода не оставалось. Заклинание, обостряющее слух, очень простое, главное, направить его точно на объект, иначе от какофонии звуков можно оглохнуть, а это в мои планы не входило. Из боязни, что меня засекут, я старалась особенно не

усердствовать, поэтому разговор слышался нечетко, словно сквозь помехи, но разобрать слова, тем не менее, было можно.

...- Сам додумался? — спросила Лариса Романовна без особенного удивления в голосе. Надо думать, Давлетьяров с места в карьер заявил ей, что ему теперь все понятно.

— К несчастью, нет, — ответил он. — Вы будете отрицать?

— Не буду. Все совершенно верно. А тебя, я вижу, можно поздравить, Игорь, — насмешливо произнесла Лариса Романовна. Тон этот настолько не вязался с ее обычной манерой разговаривать, что мне стало как-то не по себе. — Ты снова нашел, на чьем горбу въехать в рай.

— Не вполне понимаю вашу аллегорию, — опасно сухим тоном заметил Давлетьяров. — Объяснитесь.

— Не притворяйся, будто не понял. — Теперь Лариса Романовна говорила резко, отрывисто, чувствовалось, что она зла. — Я об этой девочке, Черновой. Ты ведь разглядел ее потенциал и прицепился к ней, как клещ. Сам ты теперь ни на что не годен, но на ней можно сделать себе имя, не так ли? Не возражай! — воскликнула она, видимо, Давлетьяров хотел что-то сказать. — Ты думаешь, я не заметила твоего почерка в ее дипломной работе? Не удивлюсь, если окажется, что ты сам написал за нее большую часть! — Она усмехнулась. — Это настолько в твоём духе...

Я страшно жалела, что не вижу их лиц. В конце концов, меня осенило: простейший прием, воздушная линза, — и собеседники передо мной как на ладони. Изображение получилось не очень четким, я торопилась, но различимым. Лариса Романовна, как и ожидалось, торжествует победу, несколько преждевременно, на мой взгляд, у Давлетьярова лицо на удивление спокойное, только взгляд такой, что, кажется, стены можно плавить.

— Продолжайте, — любезно пригласил Давлетьяров. Улыбка его не сулила ничего хорошего.

— А нечего продолжать, Игорь! — Лариса Романовна усмехнулась. — Ты ведь всегда был таким, свою природу не переделать. Когда ты появился здесь, ты ведь был никем, абсолютно никем! И моя Лидка стала для тебя счастливым билетом, не отрицай! Ты же знал, что я для нее все сделаю, потому и женился, так ведь? И получил, что хотел: и место в аспирантуре, и грант на исследования... Как ты думаешь, кто замолвил за тебя словечко? За никому не известного мальчишку?

Давлетьяров молчал. Я слушала, приоткрыв от изумления рот.

— Вы никогда не допускали мысли о том, что я просто ее любил? — спросил вдруг Игорь Георгиевич негромко.

— Нет, Игорь. Ты никого, кроме себя, любить не умеешь, — покачала головой Лариса Романовна. — Ты по головам пройдешь, но получишь то, что захочешь. Ты страшный человек, Игорь, ты сам этого не понимаешь. С Лидкой у тебя удачно получилось, ты остался при всех регалиях — и свободным. А теперь нашел очередную молоденькую дурочку, выкачаешь из нее все, что сможешь, и отшвырнешь... — Она перевела дыхание. — Неважно, что ты теперь не маг, ты и на одном руководстве ее работой мог бы взлететь до небес. Только, Игорь, с высоты очень больно падать!..

— Я знаю, — сказал Давлетьяров бесстрастно. — Я хочу предупредить вас лишь об одном: если с этой девочкой хоть что-нибудь случится, я не остановлюсь ни перед чем. Вы хорошо меня знаете, Лариса, и это не пустые угрозы.

— Я даже слишком хорошо тебя знаю, Игорь, — кивнула Лариса Романовна. — Вижу, планы на ее счет у тебя в самом деле наполеоновские. На Лидку были такие же?

— Хотите, я скажу вам, почему я не пошел тогда провожать Лиду? — медленно произнес Давлетьяров и, не дождавшись ответа, продолжил: — Тем вечером она сказала мне, что уходит от меня к другому, какому-то студенту с исторического, я даже имени его не помню. Мы повздорили, и она ушла. Я не стал ее догонять и уговаривать вернуться, хотя, наверно, она этого ждала. Вот и все.

— Нет... — Лариса Романовна подняла руку ко рту. — Лида не могла...

— Чего она не могла? — недобро прищурился Давлетьяров. — Не могла пойти против вашей воли? Вам ведь так хотелось знать, что получится из нашего союза! Теперь уж вы не отрицайте, Лариса, — это вы убедили Лиду выйти за меня замуж. Она никогда не любила меня по-настоящему, просто я был "удачной партией", по вашему мнению, не так ли? — Он холодно улыбнулся. — Мои способности и амбиции и ваши связи — из этого в самом деле могло получиться нечто грандиозное.

— Какая же ты тварь, Игорь... — В голове Ларисы Романовны было лишь безграничное удивление. — Я даже представить не могла, до какой степени ты... — Она, кажется, коротко всхлипнула. — Ну почему ты до сих пор жив, а моя Лидка умерла?!

Я поняла, что она собирается сделать — почувствовала мгновенную концентрацию энергии в одной точке, — но опоздала на долю секунды. Невооруженным взглядом никто бы ничего не увидел, разве что отметил бы колебание воздуха между двумя людьми, как бывает при сильной жаре...

Лариса Романовна была не очень сильным магом, но на таком расстоянии ее удар должен был смести Давлетьярова, лишеного всякой защиты, как пушинку. Меня вынесло из-за угла, как ураганом, но крик застрял в горле, потому что Игорь Георгиевич стоял, как ни в чем не бывало, и, если бы я знала его чуть хуже, то подумала бы, что атака обошла его стороной. Как бы не так! А Лариса Романовна готова была ударить еще раз, и второй атаки Давлетьярову было не выдержать, поэтому я, недолго думая, ахнула между ними «стенку», да такую, что асфальт покоробился и пошел трещинами. Энергетический поток расшибся о «стенку» и ушел в пространство...

— Тебя никто не просил вмешиваться, Чернова, — холодно сказал Игорь Георгиевич, когда я добежала до них и остановилась, дыша, как загнанная лошадь, и забыв про боль в стертой ноге. — И тем более подслушивать за углом.

— Идите вы... лесом... — выдохнула я и решительно взяла его за руку. Рука была ледяной и ощутимо вздрагивала. Я в который раз подивилась самообладанию Давлетьярова: я знала, каково это — попасть под энергетический удар, мне однажды перепало на тренировке. Тренировались мы, конечно, даже не вполсилы, а едва в одну десятую, но все равно ощущения мне запомнились надолго: боль дикая, и больше всего хочется свернуться клубочком в углу и тихонечко завывать... Каково попасть под полноценный удар, я даже представлять себе не хотела.

Лариса Романовна смотрела на меня, и не могу сказать, чего в ее взгляде было больше:

удивления или ненависти.

— Знаете, — сказала я, покосившись на Давлетьярова. — Подслушивать, конечно, нехорошо, но я вот услышала, что вы тут сказали кое-что про меня... Так вот, я тоже хочу предупредить. — Я посмотрела на Ларису Романовну. — Если с Игорем Георгиевичем случится что-то... странное, то вместо этого всего, — я мотнула головой, указывая на главное здание университета и окружающие его постройки, — будет ровная площадка. Может, я сама после этого сдохну, но легче от этого никому не станет. Это не угроза, это обещание.

С минуту стояла тишина, потом Лариса Романовна молча развернулась и медленно пошла в сторону административного корпуса. Казалось, будто она враз состарилась, поникшие плечи и шаркающая походка могли принадлежать старухе, а не достаточно молодой еще женщине...

— Отцепись от меня, наконец, Чернова! — Давлетьяров отнял у меня свою руку.

— Отцеплюсь, — покладисто согласилась я. — При одном условии.

— Ты мне еще условия ставить будешь!?

— Буду, — кивнула я. Смутная догадка окончательно оформилась во вполне стройную теорию, и я была твердо намерена довести начатое до конца.

— И что за условие, Чернова? — неласково прищурился Давлетьяров.

— А очень простое, — сказала я. — Вы напишете докторскую диссертацию, или монографию, неважно, что, но напишете. О восстановлении полностью утраченных магических способностей под воздействием внешнего фактора. Ну, покрасивее название придумаете, вы формулировать умеете, в отличие от меня... Вот когда напишете — тогда и катитесь на все четыре стороны.

— Ты думаешь, написать докторскую — такое быстрое дело? — вскинул брови Давлетьяров.

— А что быстрое, я не говорила, — парировала я. — Зато у вас будет стимул работать как можно активнее. Чем быстрее напишете, тем быстрее я от вас отстану. Только, чур, честному!..

Игорь Георгиевич посмотрел на меня долгим взглядом, видимо, обдумывая, на месте меня пришибить или погодить немного, потом вдруг криво усмехнулся:

— Идет, Чернова. По рукам.

— По рукам! — обрадовалась я.

Рука у Давлетьярова была теплой и ничуть не дрожала.

— Пойдем, Чернова, — скомандовал он. — Ты права: раньше сядешь — раньше выйдешь. И «стенку» свою убери, кто-нибудь лоб расшибет!..

Часть 3

Общее дело

Глава 1

На шестом этаже было тихо и пустынно, как, впрочем, и обычно. Кое-где из-за закрытых дверей слышны были голоса — шли занятия.

Около кафедры боевой и охранной магии о чем-то негромко беседовали наш завкафедрой и Давлетьяров.

— Доброе утро, — поздоровалась я, бочком протискиваясь мимо них.

Завкафедрой рассеянно кивнул.

— Доброе утро, — так же рассеянно ответил Давлетьяров и вернулся к беседе, даже не заметив, что я все-таки зацепилась за него плечом.

"Фу ты... — подумала я, оказавшись за спасительной дверью. — Нет, Чернова. такие игры определенно не про тебя! Рано или поздно ты таки проколешься..."

Вот бы мне такое самообладание, как у Давлетьярова! Так нет же, у меня все на лице написано, а если я пытаюсь что-то скрывать, то выражение физиономии у меня делается такое, что... Словом, лучше никому этого не видеть, а то решат, что у меня с головой не все ладно.

Впрочем, то, что с головой у меня не все ладно, я и так знала. Видимо, это все-таки заразно, с кем поведешься, от того и наберешься, как известно. Где, спрашивается, была эта самая моя голова в один ответственный момент? Трудно сказать, но не на плечах, это уж точно...

История-то, в общем, вышла банальная, только от этого теперь не легче.

А дело было так: быть моим научным руководителем официально Давлетьяров отказался, уж не знаю, из каких соображений. Вернее, я догадывалась, но спросить и проверить свою догадку так и не рискнула. Другое дело, что уговор наш оставался в силе, а потому некоторую помощь в виде регулярных консультаций я от Давлетьярова получала. По-моему, он хотел, чтобы я написала диссертацию не за три года, а за один, все к тому шло. Впрочем, у меня тоже имелись такие честолюбивые устремления, так что я особенно не сопротивлялась, тем более, что сопротивляться все равно было бесполезно.

Так вот, в один прекрасный (хотя это еще как посмотреть) день я задержалась у Давлетьярова почти до ночи. Вернее, не почти, а именно до ночи, летом ночи светлые, что и ввело меня в заблуждение. Впрочем, когда Давлетьяров вправляет тебе мозги, за временем уследить достаточно трудно. Я спохватилась, только когда обнаружила, что на часах половина третьего, и до дому мне уже не добраться. Ясное дело, такси мне Давлетьяров вызывать не собирался, просто пожал плечами и сказал "оставайся, Чернова". Я особенно не сопротивлялась, потому что это было уже не впервой. Наверно, с точки зрения общественной морали не слишком принято, чтобы студентка ночевала у холостого преподавателя, но пока об этом никто не знал, можно было особенно не волноваться. Ну, провела я пару ночей на диване у него в гостиной, что ж теперь?

Но в этот раз, видимо, в природе случилось что-то не то. Весь день стояла удушающая жара, к вечеру легче не стало, и только ночью разразилась гроза с оглушительным грохотом и ослепительными молниями. А я гроз с детства побаиваюсь. Я даже помню, с чем это связано: родители, когда я еще была маленькой, лет семи или восьми, как-то оставили меня на даче одну, а сами отправились с друзьями на шашлыки. Предполагалось, что я, как разумный ребенок, пожара не устрою и мирно переночую, вокруг полно соседей, бояться нечего. А ночью случилась гроза навроде нынешней, молнии лупили в вышки линии электропередач с таким грохотом и треском, что казалось, эти решетчатые башни вот-вот рухнут аккурат на наш

домик. Пришлось под проливным дождем бежать к соседке, так я перепугалась... Вот с тех пор-то я грозу и недолюбиваю.

Мудрено ли, что уснуть мне никак не удавалось? Я потащила на кухню, попить водички. Давлетьяров, как выяснилось, тоже не спал, задумчиво курил в форточку, размышлял о чем-то, даже не повернулся, когда я вошла. Все бы ничего, но тут за окном сверкнуло так, что я уронила стакан, вода, конечно, вылилась на меня, а от раската грома я невольно присела. Выглядела я при этом, наверно, дура душой, этакая перепуганная курица. Только в тот раз Давлетьяров смеяться надо мной не стал, и даже не сказал ничего язвительного, молча выбросил сигарету в форточку, взял меня за плечи и увел в комнату, где за плотными шторами молнии сверкали почти нестрашно и как-то не по-настоящему.

И никто не мешал мне уйти обратно в гостиную на диван, но я не ушла, прекрасно сознавая, что будет дальше, а потом не сказала «нет», хотя и могла бы. В общем, так и вышло, что «осталась» я надолго...

Конечно, ставить окружающих в известность об этом ошеломляющем событии ни я, ни Игорь не собирались. Более того, на кратком военном совете (точнее, инструктаже, потому что моего мнения никто особенно не спрашивал) было постановлено, что утечки информации быть не должно, поскольку всевозможные сплетни и слухи доставляют не только огромное удовольствие тем, кто их распространяет и коллекционирует, но и большие неприятности тем, кого обсуждают. Я была полностью согласна, поэтому и не возражала. Так что об этой предосудительной связи, я была уверена, никто не знал и даже не догадывался. Родителям я и тем более заикнуться об этом не смела: что бы с ними было, узнай они, на сколько лет Игорь меня старше, я даже представить не берусь. Да и вообще у них представления какие-то старорежимные, и никак они не могут осознать, что я давно совершеннолетняя...

Кроме вынужденных неудобств во всем этом была и несомненная выгода: теперь Игорь мог дрессировать меня, что называется, в любое время дня и ночи. Соседи, к слову, уже дважды вызывали милицию, а ведь мы только обсуждали план моей будущей диссертации! Что будет, когда я возьмусь непосредственно за ее написание, я примерно представляла и заранее сочувствовала вышеозначенным соседям. Себе, конечно, тоже, но в меньшей мере, потому что уже знала, чего ожидать.

А в целом все оказалось как-то на удивление просто. Может быть, и потому, что не так уж часто нам доводилось остаться вдвоем. Дома Игорь появлялся обычно очень поздно, а если уж приходил пораньше, то всякий раз норовил для начала ознакомиться с моими свершениями в области подготовки к поступлению в аспирантуру, и дело чаще всего заканчивалось очередным шумным спором. В выходные я отправлялась к родителям, и такое положение вещей нас обоих вполне устраивало. Меня, во всяком случае, а Игорь вслух недовольства не выказывал, из чего можно было сделать вывод, что и он всем доволен. Уж он-то бы молча терпеть не стал, это точно.

Вот если бы только мы не сталкивались постоянно в университете, и мне не приходилось делать деревянную физиономию!..

...Сегодня я полдня отработала на полигоне, доводила до ума хитрый прием, объединяющий разом стандартное боевое заклинание и кое-что из области дематериализации, чертовски устала и только и мечтала о том, чтобы поскорее унести из университета ноги. Только неплохо бы сначала переодеться: на улице лил дождь, я предусмотрительно захватила с собой старые джинсы и свитер, в которых и отправилась на полигон, и с которых теперь изрядно текло.

— Чернова! — перехватил меня по пути смутно знакомый дядечка из нашей учебной части. — Зайдите на минутку.

Я подавила тяжелый вздох и зашла, оставляя за собой грязные следы. Боже мой, как же его зовут, я ведь знала? Опять вылетело из головы... Иногда мне кажется, что у меня не память, а решето!

— Что-то случилось? — спросила я.

— Сейчас, сейчас... — Дядечка продолжал копаться на своем столе. — Так. Наина Юрьевна, у нас тут имеется приглашение на международную конференцию молодых ученых. Начнется она через две недели, включает в себя семинары, которые будут проводить ведущие специалисты в различных областях, а также что-то вроде стажировки...

— То есть вы мне предлагаете поехать? — испугалась я. Этого еще не хватало... Хорошо, если конференция будет в Москве, а если где-нибудь в другом городе? Я терпеть не могу куда-то ездить!

— Да не то что предлагаю, я просто-таки настаиваю! — воскликнул дядечка. — Я бы на вашем месте схватился за такую возможность обеими руками. Съездить на конференцию в Париж...

— Куда?! — окончательно ошалела я.

— В Париж, — повторил он. — Вернее, конференция будет проходить не в самом городе, а где-то в предместьях, ну да это неважно. Условия замечательные, проживание, питание... Ну так что, вы едете?

— Я... в общем... — Мне смертельно хотелось отказаться. Но... Что-то еще скажет Игорь? — А можно подумать?

— Не понимаю я, о чем тут думать! — с досадой произнес дядечка. — Хорошо. У меня сейчас обед, так что через час жду вас с решением. Очень прошу не тянуть, заявку надо отправлять как можно скорее!

Я вывалилась в коридор и тяжело вздохнула. Нет, сама я тут ничего не решу, надо найти Игоря и спросить совета у него. Кто его знает, вдруг он скажет, что такие конференции — пустая трата времени? Тогда я смогу с чистой совестью отказаться от участия в этом дурацком мероприятии!

Шла большая перемена, так что Игоря надо было искать в его кабинете, туда я и направилась. Правда, искомый объект обнаружился в коридоре, в компании с хорошенькой студенточкой, вроде бы с четвертого курса. Девушка трагически смотрела на Игоря снизу вверх и часто-часто хлопала длинными ресницами, явно готовясь заплакать. Это она зря, разжалобить Давлетьярова таким способом не получится, а вот резко восстановить против себя — очень даже можно.

— Ну Игорь Георгиевич, ну пожалуйста... — расслышала я.

— Градова, я уже сказал дважды и повторю в третий раз: зачет ты будешь пересдавать в специально отведенное для этого время. — В голосе Игоря звучал металл. — Расписание можешь узнать на кафедре. И более прошу не отрывать меня от работы. Я доступно выражаюсь?

Девушка кивнула и, кажется, все-таки прослезилась. Это что же она, умудрилась что-то не сдать и теперь выпрашивает у Игоря зачет? Ничего себе... Из моей группы на такое бы никто не отважился, а эта длинноногая красоточка, похоже, не в первый раз уже к Игорю пристает, иначе бы он разговаривал иначе. Надеюсь, у нее хватит ума больше так не делать, иначе, если Игорь выйдет из себя, то зачета ей не видать, как своих ушей!

— Ну Игорь Георгиевич... ну пожалуйста... — жалобно произнесла студентка и так посмотрела на Игоря, что меня вдруг осенило: а ведь не ради одного только зачета она так стелется!

Мне стало смешно: четверокурсница строила глазки Игорю, да так наивно... Интересно, он-то заметил или нет? А если заметил? Тут я ощутила легкий укол тревоги и поспешила отогнать дурные мысли. Придумала тоже...

— Градова, разговор окончен! — обрезал Игорь и скрылся в своем кабинете.

Я подождала, пока студентка уйдет, а в коридоре не останется посторонних, и осторожно постучалась в дверь.

— Войдите, — раздраженно отозвался Игорь, увидел меня и нахмурился. — Что случилось?

— Ничего пока... В общем, такое дело...

Я кое-как повторила все то, что услышала от дядечки из учебной части. Ну как же его все-таки зовут? Тьфу ты, надо было там же, в учебной части, и посмотреть в расписании! Да уж, Чернова, задним умом ты крепка, ничего не скажешь...

— Ну так что? — спросила я наконец.

— Я не понимаю, о чем здесь можно раздумывать, — сказал Игорь, почти повторяя безымянного дядечку. — Ты должна ехать. Неужели ты сама не могла додуматься, что бросаться такими возможностями просто преступно?

Я поняла, что выкрутиться не удастся. Хотя...

— Но это же во Франции! — жалобно сказала я.

— И что? — не понял Игорь.

— Ну я же по-французски ни в зуб ногой! — напомнила я. Может, хоть этот существенный аргумент окажет необходимое воздействие? В самом деле, зачем ехать за тридевять земель, если не все равно не поймешь ни единого слова?

— Наина, не пытайся казаться глупее, чем ты есть на самом деле, — снова нахмурился Игорь. — Конференция международная, и общение будет вестись на том языке, который знаком большинству из присутствующих. То есть на английском. А по-английски ты и понимаешь, и говоришь, если мне не изменяет память, а ты не врал.

— А ты уверен?.. — тоскливо спросила я. — Я про английский...

— Наина, не заставляй меня повторять дважды. — Вот чертова студентка, после общения с ней Игорь явно не в духе, а достанется сейчас мне! — Я не раз принимал участие в таких конференциях, так что знаю, о чем говорю.

— Ясно... — вздохнула я, и тут меня снова осенило. — Но у меня даже загранпаспорта нет!

— У меня складывается впечатление, что ты просто не хочешь ехать и выискиваешь для этого подходящую причину. — Игорь, как обычно, угадал, он меня достаточно хорошо изучил. — Это проблемой не является. Скажи Спицыну из учебной части, загранпаспорт тебе сделают очень быстро. Еще какие-то сложности?

— Нет... — буркнула я. Все-таки ехать придется... Может, срочно заболеть? Как же! Этот фокус не пройдет. Сказать, что я просто боюсь лететь черт знает куда и жить там одна? Угу... В ответ мне заявят, что я уже не маленькая девочка, и водить меня за ручку никто не нанимался. Оно, конечно, верно, но...

— Отлично, — отрезал Игорь. — А теперь иди и не мешай мне работать.

Я закрыла за собой дверь и тяжело вздохнула. Пойду сдаваться этому Спицыну. Надо все-таки выяснить, как его имя-отчество, а то неудобно даже...

Игорь, как обычно, оказался прав, загранпаспорт оформили в рекордно короткие сроки. А там закрутилось: в посольство, туда, сюда... Словом, две недели промелькнули мгновенно, я опомниться не успела, как оказалась в аэропорту. Игорь сжалился и решил отвезти меня сам, за что я была ему очень признательна. А каких трудов мне стоило уговорить родителей меня не провожать!..

— Объявлена посадка на рейс... — проговорил динамик.

— Иди, Наина. твой рейс, — скомандовал Игорь. Он чувствовал себя здесь, как рыба в воде, поездить по миру ему в свое время пришлось немало. А вот у меня ноги подгибались и отказывались идти в нужном направлении. — Веди себя прилично и постарайся не ударить в грязь лицом.

— Ага... — вздохнула я.

— Иди, опоздаешь, — сказал Игорь чуть мягче, оглянулся на всякий случай, не видит ли кто, и коротко поцеловал меня в щеку. — Счастливого полета.

Я проводила взглядом его удаляющуюся фигуру, еще раз вздохнула — кажется, это вошло у меня в привычку, — и отправилась на посадку. Мне сказали, что принимающая сторона обеспечит встречающих и трансфер до места проживания. Хорошо бы так...

Глава 2

На мое счастье, организаторы конференции оказались на высоте, меня встретили, отвезли куда надо, поселили в роскошном пансионе и снабдили программой мероприятий.

Первое время, конечно, все равно было сложно. Да и кто бы на моем месте не растерялся, оказавшись в чужом городе, без единого знакомого человека поблизости! Однако постепенно все наладилось, люди вокруг были доброжелательными, и вскоре я даже кое с кем познакомилась. Это были мои соседки по пансиону, француженки Мирей и Софи. Они оказались очень неплохими магами-иллюзионистами, и, будучи близняшками, работали в паре. Получалось очень эффектно, на одном из семинаров они демонстрировали свое мастерство, и не одна я была в восторге, ручаюсь. Я, понятное дело, по-французски знала три с половиной слова, Мирей и Софи по-русски не говорили вообще, поэтому общались мы на английском, одинаково корявом у всех троих. Главное, мы друг друга понимали, а заботиться о красоте и правильности грамматических конструкций нам было как-то не с руки.

Мирей и Софи, хоть и были коренными парижанками, все равно предпочитали жить в пансионе, чтобы не мотаться каждый день в пригород. К тому же, обе любили разнообразие, легко сходились с людьми, а потому на конференцию приехали не столько с целью научиться чему-то новому, сколько ради того, чтобы набраться свежих впечатлений. Меня они сразу принялись опекать, что было как нельзя кстати. Я, может, не говорила, но в незнакомых местах я всегда немного теряюсь, поэтому наличие рядом тех, кто мог подсказать, куда идти и что делать, было очень мне на руку.

Сама конференция проходила интересно, хотя, не отрицаю, сперва было сложно. Я хорошо понимаю английский, а вот говорю, за недостаточностью практики, плоховато, при необходимости общаться с кем-то у меня из головы моментально вылетают даже самые элементарные слова и конструкции.

Я передать не могу, что со мной было, когда оказалось, организаторы конференции из самых лучших побуждений внесли в повестку дня такой момент: каждый из участников должен был сделать доклад о собственных достижениях. Не экспромтом, конечно, но тем не менее... Год назад, наверно, я и вовсе впала бы в прострацию и отказалась участвовать в этом мероприятии, да и сейчас мне больше всего хотелось кинуться к кому-нибудь за помощью. Ну а к кому, спрашивается? Конечно, к Давлетьярову, как всегда. На мою беду, он находился за несколько сотен километров от меня. Конечно, имелся телефон, имелась электронная почта, но мы заранее договаривались, что звонить и писать я не буду. Не было никакого сомнения в том, что звонки отслеживаются, а почта тщательно проверяется. На момент моего отъезда эти конспиративные меры показались мне правильными и разумными, но сейчас я была готова усомниться в принятом решении. С другой стороны, ну что ценного можно сказать по телефону? К тому же я достаточно хорошо изучила Давлетьярова, чтобы примерно представлять, какие именно советы он может мне дать. Так может, не все так страшно, и я как-нибудь справлюсь своими силами?

Решив так, я за пару вечеров набросала план выступления, осталась им вполне довольна, а потом даже попробовала взглянуть на него со стороны. Не сомневаюсь, Давлетьяров нашел бы, к чему придраться, но мне нравилось и так. Не факт, что понравится слушателям, но... В конце концов, сколько я могу прятаться за чужую спину?

Эта мысль была настолько неожиданной, что мне пришлось сесть и как следует поразмыслить на этот счет. Выводы получились малоутешительными. Выходило, что я в последнее время стала как-то уж слишком зависеть от чужого мнения, и это мне совсем не понравилось. Раньше я никогда не боялась принимать решения самостоятельно, я как-то говорила, что, поставив себе цель, я непременно ее достигну, даже если это не принесет мне ничего, кроме разочарования. И на окружающих я не очень-то оглядывалась. То есть, конечно, я старалась по мере сил не испортить свою репутацию в чужих глазах, и это мне обычно удавалось, во всяком случае, большинство до сих пор уверено, что я скромная, тихая и послушная девушка, а если мне случается иногда взбрыкнуть... ну так с кем не бывает! Что любопытно, этому заблуждению подвержены даже мои родители, которые уверены, что знают меня, как облупленную.

Но если поразмыслить, есть ли мне особенное дело до так называемого общественного мнения? Тем более до мнения этих вот людей, с которыми я познакомилась только что, и которых после окончания конференции, скорее всего, больше никогда не увижу? Ну, покажусь я им не слишком уверенной в себе, и что? Катастрофа всемирного масштаба, что ли?

А ведь наплевательское отношение к общественному мнению — это тоже от Давлетьярова,

поняла вдруг я. "Что-то ты совсем запуталась, Чернова, — признала я, разглядывая идиллический пейзаж за окном. — Давай-ка выпутываться, пока не стало хуже, подружка..."

Чего я всегда хотела? Я хотела сама решать, как мне жить и что делать, и, в целом, у меня это получалось, упрямства мне не занимать. Правда, я не всегда в состоянии адекватно оценить последствия своих поступков, но это уже другой вопрос. А потом... а потом вдруг оказалось, что это очень удобно — спихнуть принятие решение на кого-то другого, старше, умнее и опытнее, на того, кто растолкует тебе, почему так поступать нельзя, а вот так, наоборот, можно и даже нужно, и в красках опишет тебе все возможные варианты развития событий. И полагаться на то, что кто-то вовремя укажет тебе на твои ошибки и объяснит, в чем ты не права, тоже очень удобно. Только где же здесь та самостоятельность, к которой я всегда стремилась? Или я к ней вовсе не стремилась, а просто обманывала себя? Задача...

Нет, решила я, в конце концов, позанимавшись самокопанием с полчаса, в отношении стремления к самостоятельности я себя не обманывала. Обманывать себя я научилась позже, и делала это так успешно, что, сама того не заметив, едва не растеряла то, чего успела добиться сама. Этот вывод мне очень не понравился, но закрывать глаза очевидное было глупо.

"Ты, Чернова, — сказала я себе, — как была душой, так ей и осталась. Могла бы сообразить, чем все это кончится, так нет же, тебе успех глаза застит. А ты подумай, подружка, сама-то ты, в отрыве, так сказать, чего стоишь? И стоишь ли вообще?"

Вопрос, конечно, интересный... "Вот и выясни заодно, — сказала я себе. — Поставь эксперимент."

Эксперимент я поставила, и не могу сказать, чтобы неудачный. Сказать, что я трусила выступать перед полной аудиторией малознакомых людей — значит ничего не сказать. В конце концов, Мирей, заметив мою трясучку, спросила недоуменно:

— Что с тобой?

Пришлось объяснить, что я не люблю выступать на публике, а от этого нервничаю. Я, правда, сомневалась, что иллюзионистки, которые только тем и занимаются, что выступают, смогут меня понять. Так и вышло.

— А чего бояться? — недоуменно спросила Мирей и переглянулась с Софи. — Тебя никто не съест. А если что-то пойдет не так, как ты хотела, просто сделай вид, что так и было задумано.

— О да, это наш излюбленный прием, — поддержала Софи сестру, и мне неожиданно стало смешно. В самом деле, не съедят же меня и не выгонят с позором...

В результате выступление мое прошло если не как по маслу, то вполне пристойно, подготовилась я, в конце концов, достаточно неплохо. Поначалу я немного запинаясь, но потом дело пошло на лад, и не последнюю роль тут сыграл дружелюбный настрой аудитории. В конце концов, люди здесь собрались не для того, чтобы поймать меня на каких-то ошибках и опозорить, а чтобы узнать нечто новое и интересное. По-моему, никому не было дела до моего, прямо скажем, не блистательного английского. (Да и, в конце концов, в группе было трое китайцев, говоривших с таким ужасным акцентом, что их вообще мало кто понимал, — на их фоне мой английский казался просто образцовым.) Если кто-то чего-то не понимал, то переспрашивал, в результате доклад мой слегка затянулся. После того, как я закончила, началось бурное всеобщее обсуждение, и это оказалось неожиданно интересно.

Словом, не так страшен оказался черт, как его малюют. Я припомнила, что не раз убеждалась

в справедливости этой народной мудрости и раньше, только мне все некогда было об этом поразмыслить. Я настолько привыкла относиться к выступлениям, как к тяжелой повинности, что просто не понимала, как это можно находить в них какое-то удовольствие. Оказывается, очень даже можно, и самолюбию, кстати, весьма льстит, когда двадцать человек слушают тебя с приоткрытыми ртами. На этой конференции боевых магов было всего трое, из них я — единственная девушка, к тому же русская. Судя по всему, сначала меня не приняли всерьез, но после моего доклада призадумались.

Мирей с Софи честно сознались, что в боевой магии ни ухом, ни рылом, но им все равно понравилось, и зря я так трусила. А чтобы отпраздновать успешное завершение миссии, как они выражались, девчонки предложили мне прокатиться в Париж и прошвырнуться по магазинам.

— Зачем? — не поняла я. — У меня все есть. К тому же денег не особенно много.

— Не страшно, — заявила Мирей, — мы знаем пару местечек, там сейчас как раз сезонные распродажи, так что можно очень неплохо приодеться на смешную сумму! Поедем, Наин!

Они называли меня «НаИн», им так проще было выговаривать мое имя. Звучало, по-моему, довольно забавно.

— Да зачем мне, — отбивалась я из последних сил. — Одежда у меня есть!

— Наин! — Сестры уставились на меня с обидой во взоре. — То, что ты носишь — это не одежда!

Вот тут я окончательно оторопела. Я ведь не в обносках каких-то хожу, вещей у меня хотя и немного, но все очень приличные и качественные. И уж тем более с собой я взяла самое лучшее, что у меня было.

— Почему? — ошалело спросила я и тут же об этом пожалела, потому что сестры в два голоса принялись критиковать мой гардероб.

— Как так можно, Наин, — выговаривала мне Мирей, — ты все время ходишь в этих дурацких джинсах! Вся черном, как старуха! Впрочем, что я говорю, какие старухи, вот поедем в Париж, посмотришь, как одеваются наши пенсионерки!

— Неужели тебе не хочется одеться поярче? — вторила ей Софи. — Ты же симпатичная, и фигура хорошая, если тебе подобрать такую юбочку, — она жестом показала, какую именно, — ты будешь просто прелесть!

— Да не люблю я юбки! — отбивалась я из последних сил. — Я их носить не умею и чувствую себя дура душой!

— Ну хорошо, — пошла на попятный Софи. — Не любишь так не любишь, но почему обязательно джинсы, да еще такие скучные? Заведи себе брюки, такие, фр-р-р! — Она снова изобразила руками нечто летящее и развевающееся. — Да даже и джинсы, сейчас есть такие модели — закачаешься!

— Все, решено, — сказала Мирей, видя, что я готова капитулировать, — ты едешь с нами!

Я вынуждена была сдаться, не хотелось обижать славных девчонок, да и потом, приехать во Францию и ни разу не побывать в Париже — это, знаете ли, просто глупо.

Париж мне понравился, правда, долго разглядывать достопримечательности Мирей и Софи мне не дали, затащили в какой-то огромный магазин и принялись щебетать с продавщицами на французском. Я решила сдаться на милость судьбы, расслабиться и получить удовольствие. В конце концов, обратный билет у меня имеется, в пансионате кормят, а потратить больше, чем у меня есть, я все равно не смогу.

— Ну что ты ссутулилась! — возмущалась Мирей, порхая вокруг меня. — Конечно, это не будет на тебе сидеть, если ты будешь так гнуть спину! Выпрямись! А как ты ходишь?

— Как? — фыркнула я. Помнится, кое-кто однажды очень точно охарактеризовал мою походку — "как гвардеец на параде". И что с того? — Я по-другому не умею.

— Боже! — Мирей схватилась за голову. — Я же не требую, чтобы ты ходила, как манекенщицы! — Она изобразила походку модели, преувеличенно виляя бедрами. — Но хоть не топай так!.. И шагай помельче!

Тут мне очень кстати вспомнился замечательный фильм "Служебный роман", и я долго хихикала. Мирей с Софи, конечно, заинтересовались, чему это я так радуюсь, пришлось пересказать им по мере сил известную сцену.

— Очень верно, очень, — совершенно серьезно сказала мне Софи. — Давай, голову держи повыше, спину выпрями и не вколачивай каблуки в пол!

— Слушайте, ну зачем мне это надо? — безнадежно спросила я, оглядывая себя в зеркале. Выглядело то, во что обрядили меня парижанки, в самом деле миленько, я не ожидала, что мне вообще пойдет такое смелое сочетание цветов. Хорошо еще, от блесков и стразов удалось отбиться, в таком виде меня в университет не пустят, а больше я все равно никуда не хожу.

— Ну как зачем? — Мирей с Софи недоуменно переглянулись. — А что, ты не хочешь нравиться своему мужчине?

— А? — Я подумала, что ослышалась.

— Ну, есть же у тебя какой-то мужчина, — без тени сомнения заявила Софи.

— Какой-то есть, — хмыкнула я. Только ему, как мне кажется, абсолютно все равно, что на мне надето, я ни разу не слышала от него ни единого слова по поводу своего внешнего вида, что меня более чем устраивало.

— Ну, а где один, там и все остальные, — авторитетно заявила Софи. — И лицо, лицо! Ну-ка, улыбнись! Улыбнись так, как будто ты кинозвезда, и весь мир у твоих ног!

Я честно попробовала выполнить требуемое, посмотрела на себя в зеркало и покатила со смеху.

— Тренируйся, — велела Мирей. — Уж тебе-то сам Бог велел! А если тебе нравится твое отражение в зеркале, значит, всем остальным ты тоже понравишься, главное, убеди себя, что ты неотразима!

Я посмотрела на веселых сестричек. Если честно, красавицами близняшек назвать было нельзя, а если совсем честно, то были они просто страшенькими, да и роскошными фигурами похвастаться не могли. Только этого почему-то никто не замечал, вокруг веселых, шумных, экстравагантно одетых француженок постоянно вились толпы кавалеров и просто приятелей.

Наверно, в чем-то неунывающие сестрички были правы. Я еще раз посмотрела на свое отражение. Нет, что-то в нем все-таки было не так, даже если расправить плечи и принять самодовольный вид.

— Ты права, — заметила Софи, перехватив свой взгляд. — С головой тоже что-то надо делать...

И никакие мои слабые попытки объяснить, что я пытаюсь отрастить волосы до привычной длины, не возымели никакого эффекта, я была поймана, скручена, засунута в такси и отвезена в парикмахерскую. Если честно, после всех манипуляций я боялась смотреть на себя в зеркало, опасаясь не узнать свое отражение.

Вот что остальные меня на следующий день не сразу признали, это точно. Мирей и Софи весело хихикали и издали показывали мне жестами, что все о'кей. Я, правда, чувствовала себя слегка не в своей тарелке, но это на удивление быстро прошло. А еще через пару дней я вдруг поняла, что мне все это нравится. Нравится ходить, гордо вскинув голову, улыбаться и носить те самые невозможные «фр-р-р» брюки, и даже туфли на каблуках (после долгих препирательств Мирей все-таки засунула меня в эти орудия пытки).

Ей-богу, не думала, что мироощущение настолько зависит от такой малости, как внешний вид. Я внезапно поймала себя на том, что перестала шарахаться от остальных, и, если со мной заговаривают, не стремлюсь отделаться побыстрее и сбежать. И даже на семинарах начала задавать вопросы, чего за мной отродясь не водилось, я всегда отсиживалась втихомолку, а если чего не понимала, то выясняла потом.

Но больше всего, если честно, мне льстило то, как шалели окружающие, видя мою работу на полигоне... Остальным боевым магам определенно было до меня далеко, а в дематериализации крупных предметов, на которой я собаку съела, вообще мало кто что понимал.

А в один прекрасный день ко мне подсел один из тех самых боевых магов и завел непринужденную беседу. Звали его Шон, он был ирландцем, честно признавался, что до меня ему сто верст до небес и все лесом, и просил кое-что объяснить. Насчет объяснить — это я всегда пожалуйста, я не отказалась. А вот следующий заговоривший со мной на посторонние темы парень профессиональных консультаций не просил, а просто и честно заявил, что я ему нравлюсь. Этот оказался американцем по имени Микки, и я сразу начала звать его Микки Маусом, что необыкновенно смешило окружающих: сложением Микки больше всего напоминал не мышонка, а платяной шкаф.

Если честно, я всегда по привычке полагала американцев туповатыми и недалекими людьми, но, как оказалось, среди них попадаются и вполне нормальные индивидуумы. Правда, кое о чем у Микки представления были совершенно дикие, но он так искренне сам над собой потешался, когда я развенчивала его убеждения относительно жизни в России, что трудно было не простить ему такую мелочь. Он же, в свою очередь, прощал мне ошибки в английском и терпеливо подсказывал слова, если я что-то забывала или просто не знала.

Конечно, Мирей и Софи не могли остаться в стороне, в результате у нас сложилась вполне теплая компания. А в компании, как известно, все делать веселее. Пару раз мы совершали вылазки в Париж, сестры брали на себя роль гидов, и мы отлично проводили время.

Глава 3

По вечерам я строчила подробные отчеты о том, что происходило на конференции, чтобы ничего не забыть, благо в каждом номере имелся компьютер. Ничего особенно ценного по своей тематике я не узнала, зато познакомилась с кое-какими новыми течениями в других

направлениях. Семинары вели очень интересные люди, отличные специалисты, и я радовалась, что воспользовалась приглашением и приехала сюда.

Но конференция заканчивалась, уже скоро я должна была вернуться в Москву и... А вот что «и», я пока не понимала. За прошедшие несколько недель я неожиданно убедилась в том, что я отнюдь не глупее множества своих сверстников, а кое в чем разбираюсь даже лучше. Несколько раз за последние дни на семинарах и "круглых столах" я выдавала идеи, которые потом долго и бурно обсуждались, и, кстати говоря, отнюдь не только по теме боевой магии. Да что там, я даже нашла кое-что интересное для своей диссертации, надо было только придумать, как органично вписать это в уже разработанную схему работы.

А почему, собственно, я считаю эту схему утвержденной раз и навсегда? Это же моя диссертация, если я захочу, то могу поменять там то, что считаю нужным. И, кстати, меня давно подмывает выкинуть один раздел, который лично я считаю лишним, но на котором настоял Давлетьяров, как на очень выигрышном. А может, пес с ней, с выигрышностью?

Такие крамольные мысли были для меня внове, и я с интересом к ним прислушивалась. Я привыкла полагаться на Давлетьярова, как на истину в последней инстанции. Это было, в общем-то, понятно, по части опыта работы и эрудиции мне было с ним не тягаться. Но только... Ладно, по поводу диплома он мог мне заявить "будешь делать так, как я скажу, и без пререканий", я тогда была в самом деле дурочкой лопухой. Не то чтобы я за год превратилась в блестящего специалиста, но вполне резонно считала, что кое-чего добиться успела. Ну и долго я еще буду бояться сделать шаг в сторону?

"Чернова, а ведь ты сама себя загнала в эту ловушку, — сказала я себе честно, пакуя чемоданы. — Как обычно, хотела как лучше, а получилось, как всегда. С чего ты, собственно, взяла, что не напишешь диссертацию сама? На Давлетьярове свет клином не сошелся, в твоём распоряжении вся кафедра боевой и охранной магии, с тебя же там пылинки сдувают, любой будет рад проконсультировать. И руководитель твой официальный — вполне приличный маг, в министерстве работает, кроме всего прочего, у него связи есть, он тебе любой материал поможет достать. — Я села на кровать и задумалась. — Так что, Чернова, по всему выходит — ты просто искала легких путей. Спряталась опять за Игоря, мол, потерпеть всего ничего, а с его помощью из дерьма конфетку можно сделать. А что получилось в итоге?"

А в итоге не получалось ничего хорошего. Как ни неприятно было сознавать, но давно, в запале сказанные слова Ларисы Романовны были правдой — уже в моем дипломе влияние Давлетьярова ощущалось очень и очень сильно. Что же будет с диссертацией? Игорь меня переупрямит по любому вопросу, авторитетом задавит, я уже поняла, с ним бесполезно спорить. У меня аргументов не хватит его переубедить, а неаргументированных возражений он вообще не слышит.

"А в результате, Чернова, — сказала я себе почему-то совершенно спокойно и засунула в чемодан очередные «фр-р-р» брюки, — из тебя получится отличный клон. Ничего, что другого пола. Так даже интереснее. Это пока тебе удобно и комфортно так существовать, а если ты Игорю надоешь? А ведь надоешь, как пить дать, когда он, наконец, посмотрит, что из тебя может выйти, убедится, что ничего особенно выдающегося, и потеряет всякий интерес к твоей персоне. И что ты тогда будешь делать, а, подруга? — Я посмотрела на себя в зеркало. Физиономия моя, как ни странно, удрученной не выглядела. — А вот тогда, дорогая моя, ты уже ничего сделать не сможешь, потому что Игорь к тому времени тебе мозги так вправит, что ты сама по-другому мыслить не сможешь. Ты уже и сейчас все пытаешься рассмотреть с его точки зрения. Ну и кому нужен будет клон Давлетьярова, ни на какие ценные мысли без его одобрения и помощи не способный? Нехорошо выходит, Чернова, согласишься?"

Чернова в зеркале согласилась. Разговаривать со своим отражением, это, конечно, не совсем здраво, но если больше не с кем, то сойдет.

— И что нам с тобой делать? — спросила я отражение. Оно вслед за мной пожало плечами. — И нечего изображать растерянность. Потому что, подруга, ты прекрасно знаешь, что надо сделать, только это тебе не нравится, вот и все.

Не нравится, конечно, потому что решение в голову пришло радикальное. И последствия у него будут непредсказуемые, потому что предсказать реакцию Давлетьярова на мою выходку я не бралась...

На некоторое время я отвлеклась от своих мыслей, потому что надо было попрощаться с ребятами, меняться адресами и телефонами и участвовать в прощальном банкете. Было немножко грустно, конечно, и улетать не хотелось.

Шон все никак не мог успокоиться по поводу подброшенной ему идеи и требовал от меня твердого обещания, что я буду с ним переписываться и помогу, если он зайдет в тупик. Я обещала, потому что в самом деле не хотела терять с ним контакт: способности у Шона были не слишком выдающиеся, зато оригинальные идеи он генерировал с бешеной скоростью.

Мирей и Софи обнимались со мной, плакали и обещали непременно навестить как-нибудь в Москву, если не с выступлением, то просто в гости. Микки был грустен, и я его отлично понимала: ни до чего серьезного у нас с ним дело не дошло, мне было не до того, да и некогда, если честно. Он оказался очень неплохим парнем, я уже говорила, и, хотя я не собиралась вступать с ним в более близкие отношения, сказать об этом так и не решилась.

Почти два месяца длилась эта конференция, а казалось, недели не прошло. И что я, дура, раньше всегда отказывалась от участия во всяких там конференциях, даже в родном университете? Я считала, что это очень скучные мероприятия. Может, иногда так оно и было, а если нет? Тогда я много потеряла. Впрочем, наверстать еще не поздно.

Да взять хотя бы эту конкретную конференцию: сперва было, конечно, сложно, зато сколько нового я узнала, уж не говоря о том, что познакомилась с отличными людьми! И, к слову сказать, здорово подтянула разговорный английский, теперь я могла трепаться на нем совершенно свободно: с лексикой-то у меня все в порядке, я же говорю, практики не хватало. Я даже по-французски начала немножко понимать, потому что Мирей и Софи порой в ходе оживленной беседы сбивались на родную речь, если не хватало английских слов, так что волей-неволей пришлось приспособиться.

А кстати, почему бы мне и французский не выучить? Уж если я «маг-язык» одолела, то с французским неужели не справлюсь? Немецкий я благополучно забыла, да и ни к чему он мне, а французский определенно пригодится... Я невольно усмехнулась: ничего себе программ-минимум у тебя, Чернова! Ты сперва диссертацию напиши! С другой стороны, одно другому ведь не мешает, а мозги тренировать надо, а то завянут.

Наверно, смена обстановки так на меня подействовала, что я в конце концов все-таки разобралась в происходящем со мной. Только после двух месяцев свободы до меня вдруг дошло, как же тяжело мне жилось последнее время. Не физически тяжело, конечно, но постоянное стремление «соответствовать» уровню Игоря изрядно меня утомило. А зачем, кстати, мне к этому стремиться? Он сам по себе, а я сама по себе. А там, как говорится, что выросло, то выросло. Гения из меня не выйдет, ясное дело, но попробовать-то побарахтаться самостоятельно я могу!

Только это ведь я здесь, в Париже, такая смелая, а я ведь прекрасно знаю, что стоит мне переступить порог квартиры, как вся эта храбрость живенько улетучится. До сих пор я даже не подозревала, какую власть надо мной забрал Давлетьяров, а когда осознала, то даже испугалась. С этим определенно пора было что-то делать, и немедленно, иначе я протяну время, да так ни на что и не решусь...

Все это я обдумывала, сидя в самолете, и, оказавшись в московском аэропорту, располагала довольно четким планом действий. Из аэропорта я поехала к родителям, чему они несказанно обрадовались, вручила все подарки, поделилась впечатлениями, привела себя в порядок после перелета, а потом заявила, что мне нужно съездить отчитаться в университет. Это можно было сделать и завтра, тем более, что отчет у меня имелся в готовом виде, но родители байку скушали и не поперхнулись.

В университет я, конечно, не поехала, а отправилась на квартиру Давлетьярова. Это жилище всегда носило у меня только такое наименование, «домом» я никогда эту квартиру не называла даже в мыслях. Игоря, конечно, не было, сегодня вторник, по вторникам он до ночи на работе, а значит, мне не помешает.

Действовала я быстро, не потому, что боялась передумать — свои решения я не меняю, — а потому, что все-таки опасалась, как бы Игорю не вздумалось приехать в неурочный час. Мало ли... Может, не очень хорошо так поступать, но иначе я и вовсе ни на что не решусь.

Вещи я собрала очень быстро, у меня их и так немного, а здесь было и того меньше. Всего две сумки получилось: одна с вещами, вторая с книгами. Я оглядела квартиру: так, кажется, не осталось никаких следов моего пребывания тут. Хорошо, что Игорь запретил мне перевозить мой дряхлый компьютер, "этот антиквариат", а то намаялась бы я с ним. У Давлетьярова было два компьютера, старенький стационарный и навороченный ноутбук, вот стационарным мне и дозволялось пользоваться. Конечно, все свои материалы я переписала, а с жесткого диска просто потеряла. Так. С этим тоже порядок.

Стоя на пороге, я окинула взглядом квартиру, которую видела, скорее всего в последний раз. Все-таки полюбить это место мне не удалось, какое-то оно было... тусклое, что ли? Даже в рабочем кабинете Игоря его присутствие ощущалось ярче, чем здесь. Мебель эта доисторическая, громоздкая и неудобная, я помню, когда я была маленькой, у родителей была такая же. Но сейчас даже мои влюбленные в барахло родители, скрепя сердце, выкинули чудовищный гарнитур (в дачный домик, по счастью, он просто не поместился бы) и заменили новой мебелью, легкой, изящной и удобной. Не знаю, откуда у Игоря появилась эта обстановка, он сам, с его-то вкусом, наверняка выбрал что-нибудь более пристойное. По паре намеков я поняла, что вроде бы это осталось еще со времен его недолгой семейной жизни, но вот почему Игорь потом не избавился от этих пыльных монстров, загромождающих комнаты? Сперва, должно быть, ему было все равно, потом стало некогда, я никогда не спрашивала, если честно. Впрочем, что теперь размышлять, мне здесь больше не жить...

Уже обуваясь, я сообразила, что забыла кое о чем. Хорошо, спохватилась. Вытащить сим-карту из нового мобильника, подарка Игоря, было минутным делом. Хорошо, я старый не выкинула, где-то в общаге валяется, так что без связи я не останусь. Я положила красивую игрушку на стол, заперла дверь. Ключи я бросила в почтовый ящик. Вот теперь точно все...

Тащить сумки через полгорода было не так-то просто, но такси вызывать я не стала, не барыня. Все-таки хорошо, что мы не афишировали наши отношения, а комната в общаге осталась за мной. А что я там не жила некоторое время, это ерунда, так многие поступают. Любопытствующим я говорила, что пока живу у родителей, поскольку они на время перевезли

к себе бабушку, а она нуждается в присмотре. Это было чистой правдой, разве что смотреть за бабушкой не требовалось, она сама за кем угодно могла присмотреть, а поселилась у нас только потому, что в ее квартире шел ремонт. Впрочем, проверять никто бы не стал, а большего мне и не нужно было.

Вот это, кстати, и есть мой дом. Не родительская квартира, не чья-нибудь еще, а именно эта комната в общежитии. Я к ней успела привыкнуть, в бытовом плане я очень неприхотлива, так что никаких неудобств не испытывала. А самое главное, я тут сама себе хозяйка, и не надо никому "соответствовать"...

Нет, я не буду врать, что мне легко далось это решение, скорее, наоборот. Но я прекрасно понимала, что это единственный выход из сложившейся ситуации, остаться с Давлетьяровым и при этом заявить ему, что работать по его указке я больше не буду, я бы не смогла, не до такой степени я еще избавилась от его влияния. И оно еще долго будет на мне сказываться, в этом я была уверена на все сто процентов. "Но, — тут я усмехнулась, — и не с таким справлялись, верно, Чернова? Ну и тут все образуется..."

Что до так называемого «личного»... Наверно, будь я по-настоящему влюблена в Игоря, мне пришлось бы тяжелее, и намного. Но я уже говорила, с любовью у меня большие проблемы, а влюбиться без памяти я и вовсе неспособна. Да, мы несколько месяцев прожили вместе, и мне даже порой казалось, что я чувствую к нему нечто большее, чем обычную привязанность, но и только.

"Если бы твои родители услышали, как ты разглагольствуешь, Чернова, — сказала я себе, — они пришли бы в ужас от глубины твоего падения. Жить с мужчиной, к которому ты просто «привязана», какой кошмар!! Причем не отрицай, тебе это нравилось!"

Да, что было, то было... Когда Игорь находился в нормальном расположении духа, а это случалось, не буду врать, не так уж редко, с ним было действительно хорошо. О таких минутах я и впрямь буду жалеть...

"А что жалеть, Чернова? — спросила я себя. — Ты лучше будь благодарна судьбе за то, что у тебя был такой мужчина! Мухи отдельно, котлеты отдельно, не забывай."

Отличный жизненный принцип, мне его проповедовали сестрички-француженки. Ты разошлась с кем-то, ну что ж теперь, ненавидеть его до конца жизни, что ли? Тем более, настолько уж негативных эмоций по отношению к Давлетьярову я не испытывала, а кроме всего прочего, была очень и очень многим ему обязана и за многое благодарна. Хотя он еще может заставить меня изменить отношение к себе, это у него быстро получается...

Ну и что выходит? А выходит, судя по тому, с каким облегчением я приняла решение расстаться с Давлетьяровым не только в научном плане, но и в личном, что никаких особенно трепетных чувств я к нему не испытываю и никогда не испытывала. Хотелось бы мне знать, что он сам думает по этому поводу, не спросишь же, а он сам никогда не говорил. Да... если посмотреть со стороны, очень странную парочку мы собой представляли! Оно и к лучшему, что никто так ничего и не узнал...

Что меня больше всего беспокоило, так это неизбежное выяснение отношений с глазу на глаз. Я, собственно, потому и забрала малодушно все свои вещи из квартиры Игоря, что не хотела устраивать разборку на его территории, это был заведомо проигрышный вариант.

"Ого, Чернова, — ехидно сказала я себе, — ты еще умудряешься думать о том, как бы выпутаться из этой ситуации с наименьшими для себя потерями? Значит, ты еще не

окончательно пропащий член общества!"

В университете же Давлетьяров точно не станет устраивать шумного скандала, потому что не захочет посвящать окружающих в подробности наших с ним отношений. И это мне на руку...

Глава 4

На следующий день я, как ни в чем не бывало, заявила на кафедру, получила свою долю восторженных охов и ахов со стороны лаборанток, молчаливое одобрение присутствующих преподавателей мужского пола, и убедилась, что поступила правильно, нацепив парижские обновки.

Произведенный эффект мне понравился. Гораздо меньше мне понравились завистливые взгляды кое-кого из девчонок, но с этим я разберусь позже. Правда, и затягивать особенно не стоит, хорошим отношением сотрудников кафедры не надо разбрасываться. Права была все-таки мама, научившая меня никогда не приходить в гости с пустыми руками и отовсюду привозить сувениры. Надеюсь, я не обсчиталась, и предусмотрительно закупленной чепухи, всяких статуэток, брелоков и кружек хватит на всех...

Я сдала отчет, поговорила со своим руководителем — он очень удачно зарулил сегодня в университет, хотя обычно его на кафедре отловить было непросто. Николай Ефимович поинтересовался, как продвигается моя работа над диссертацией, а я честно доложила ему, что тот план, который он уже видел, наверняка подвергнется переработке, потому что после конференции у меня в голове завелись кое-какие дельные мысли, и я хотела бы их использовать.

Николая Ефимовича это отнюдь не расстроило, напротив, он определенно обрадовался, что я не просто так скаталась во Францию, а с определенной пользой для дела.

Ну что ж, с официальной частью было покончено, оставалась, так сказать, неофициальная. Интересно, как лучше поступить, зайти самой или трусливо обождать, пока первый шаг сделает другая сторона? Долго мучиться мне не пришлось, потому что, неспешно вышагивая по коридору, я почти сразу же натолкнулась на Давлетьярова. Что он, нарочно меня поджидал, что ли? Не исключено.

— Добрый день, Игорь Георгиевич, — сказала я, как обычно. Сердце, правда, ушло в пятки, но я быстро выудила его оттуда и заставила вернуться на место.

— Добрый день, Чернова. — Тоже все, как обычно. Вернее, почти как обычно — Игорь снова именовал меня по фамилии. И продолжение было вполне ожидаемым: — Зайди ко мне в кабинет, будь любезна.

Фу ты, хорошо хоть, не сказал "нам нужно поговорить", иначе и вовсе какая-то мелодрама получилась бы...

— Я вижу, ты удачно съездила? — спросил Игорь вполне будничным тоном, когда за нами закрылась дверь его кабинета.

— Очень удачно, — подтвердила я. — Впечатлений масса.

— Хорошо. — Меня вдруг осенило: да он просто не знает, с чего начать разговор! Это Игорь-то?! Осознав это, я окончательно перестала нервничать. Что я, в самом деле, дрожу как заячий хвост... — Тогда у меня к тебе лишь один вопрос, Чернова. Догадываешься, какой?

— Это уже конкретный вопрос или так, риторический? — неожиданно ляпнула я и сама себе поразилась.

— Как прикажешь все это понимать? — не обратил внимания на мою дерзость Давлетьяров.

Я не стала переспрашивать, что — всё, влиять смысла не было, я ведь сама напросилась.

— По-моему, понять это можно только одним образом, — ответила я. — Я решила уйти, вот и все.

— Могу я поинтересоваться причиной? — все так же спокойно произнес он.

Я решительно не узнавала Давлетьярова. Я ожидала от него какой угодно выволочки, может быть, даже изысканного оскорбления, но чтобы он так спокойно воспринял... Нет, не спокойно, поняла вдруг я. Это он пока сдерживается, а что будет, если он сорвется, страшно даже представить.

— Конечно, — ответила я. — Понимаешь...

Я запнулась. Как я могу это объяснить? С выражением своих мыслей у меня всегда были проблемы. "Написала бы заранее конспект речи," — съехидничал внутренний голос.

Игорь молча ждал, и по выражению его лица я ничего не могла понять. Да что с ним такое? Он же как порох — спичку поднеси, тут же рванет, а сейчас будто транквилизаторами обколотый...

— Знаешь, — снова начала я, — я за эти два месяца очень много передумала. Мне надо было оказаться за сотни километров от Москвы, чтобы понять, насколько я от тебя завишу. — "А что я, в самом деле, мучаюсь? — подумала я. — Скажу то, что думаю, и пусть понимает, как хочет!" — И мне это... в общем, я не хочу так больше. Я хотела чего-то в жизни добиться, правда, но только сама. А что получилось? — Игорь по-прежнему молчал, и это было до такой степени не похоже на него, что мне стало не по себе. Но остановиться я уже не могла. — Я не хочу становиться твоей тенью, Игорь, а все к тому идет. Вот и вся причина.

Повисло молчание.

— Еще... — Я вздохнула. — Еще мне бы очень не хотелось, чтобы ты подумал обо мне... ну... будто бы я тебя использовала. Хотя, наверно, оно так и выглядит, да? Сперва диплом, потом вот диссертация... Но я правда не думала, что так получится. Я не знаю, что мне нужно сказать, чтобы ты поверил...

— Не нужно ничего говорить, Чернова. — К моему большому удивлению, Игорь скупом усмехнулся. Другое дело, что по глазам его по-прежнему ничего нельзя было прочесть. — Я прекрасно знаю, что врать ты не умеешь. И потом, ты полагаешь, я позволил бы тебе использовать меня? Ты себе льстишь.

Такой аргумент мне, признаться, в голову не приходил.

— Не будем считаться, Чернова, — добавил Игорь. — С тем же успехом и ты можешь обвинить меня в том, что и я тебя использовал.

Я промолчала, хотя на этот счет у меня было свое мнение. Я прекрасно понимала, почему Игорь отказался быть моим научным руководителем официально — ему явно не давали покоя

слова, в запале сказанные Ларисой Романовной, даже если он сам себе в этом не признавался. Но от возможности еще больше прославить свое имя он все равно не отказался, и мое предложение принял, не задумываясь. Честолюбия у Давлетьярова хватило бы на добрый десяток человек, даже если оделить их очень щедро.

Насчет «использования» отговорка была, и прекрасная — я же предложила это сама. А как можно отказаться от того, что падает тебе в руки? Да и, в конце концов, по его мнению, у нас получался взаимовыгодный обмен: я получаю блестящую диссертацию, он — то, что считал потерянным навсегда и обширное пространство для развития новой теории. Чем плохо? Я ведь тоже так считала, и не видела в этом положении вещей ничего зазорного.

— Не будем считаться, — кивнула я. — Я только хотела сказать тебе, что если бы не ты, из меня и правда вряд ли получилось бы что-то путное... Ты, фигурально выражаясь, научил меня плавать. Ну так вот, дальше я хочу плыть сама.

— Выплывешь? — изогнул бровь Давлетьяров.

— Попробую, — хмыкнула я. Меня снедало ощущение неправильности происходящего. — А там видно будет. Вот только с твоей монографией...

— Материала у меня хватит не на одну такую работу, — заметил Давлетьяров. — Я, в свою очередь, поинтересуюсь — что ты намерена делать со своей диссертацией?

— А что с ней можно делать? — удивилась я. — Писать буду. Может, конечно, я ее напишу не за полтора года, как ты рассчитывал, а угроблю все три, а может, и больше, тут уж как получится. Но я ее напишу. Пускай не блестяще, зато сама.

— Я понял, Чернова. — Давлетьяров поднялся из-за стола и отошел к окну. — Скажи мне еще только одну вещь...

— Какую?

Игорь развернулся ко мне, и я невольно поежилась: такого взгляда я у него еще не видела.

— Ты уходишь к кому-то?

Я оторопело молчала. И только тут до меня дошло, что больше десяти лет назад в этом же или похожем кабинете такие же слова говорила, должно быть, Игорю его жена. И... что? Да ничего, внезапно решила я. Где она — и где я!

— Нет, — просто ответила я. — Не к кому-то. Я ухожу от тебя.

— Тогда уходи, Чернова. — Давлетьяров снова отвернулся к окну. — Уходи.

Я вышла и осторожно притворила дверь. Ощущение нереальности происходящего навалилось на меня с новой силой. Что это было? Вроде бы беседа двух цивилизованных людей, без скандала и мордобития, все вполне интеллигентно. Но так не должно было быть! Игорь, способный устроить грандиозный скандал вокруг неправильно, по его мнению, употребленного термина, сейчас даже ни разу не повысил голос!

Если бы я знала его чуть хуже, я бы подумала, что ему просто все равно. Но я знала его достаточно хорошо, чтобы понимать — его самолюбию сегодня досталось. И в то же время недостаточно хорошо, чтобы хотя бы догадываться, что сейчас творится у него внутри. И чем

это может обернуться для меня.

Если Игорь сочтет себя оскорбленным, мне конец. Он даже никаких специальных мер принимать не будет, он вполне легально уничтожит меня, как специалиста. Я пока не в состоянии на равных дискутировать с ним, а значит, по любому теоретическому ли, практическому вопросу он легко сможет размазать меня по полу. И что мне останется, привлекать остальных преподавателей? Тогда в разборки втянется весь университет, и мне все равно придется уйти. Я невольно поежилась.

А с другой стороны... Что за манера у меня такая глупая: придумывать заранее всякие ужасы? Да, положим, по степени подготовленности, по опыту мне с Игорем не тягаться, это однозначно. А вот если брать общий потенциал, я ведь легко его перешибу, даже учитывая тот факт, что он почти полностью восстановился. Я-то ведь тоже на месте не стою, за последний год я здорово прибавила, и это не было пределом, совершенно точно. Так что еще неизвестно, чью сторону примет руководство... Вот и не будем пока об этом. Посмотрим, как пойдет дело.

Одно я поняла совершенно точно: как человек, как личность я Давлетьярова не интересовала. Ему было интересно, что можно сделать из такого «сырого» материала, насколько яркая бабочка может получиться из серенькой гусенички, а еще — просто удобно иметь меня под рукой, вот и все. А так сказать, "в отрыве от производства"... Ну что могло у нас быть общего, кроме работы? Он же на двенадцать лет старше меня, смешно, право слово. Так что, наверно, я правильно поступила, что не стала цепляться за эти отношения. Ничего хорошего из них бы все равно не получилось.

Глава 5

Некоторое время я провела, как на иголках, но потом успокоилась, видя, что мои опасения не спешат сбываться.

Мы с Давлетьяровым не пытались делать вид, что вовсе не знакомы, по-прежнему вежливо здоровались, если сталкивались в коридоре, но и только. Специально он со мной никогда не заговаривал, я, естественно, тоже. На заседаниях кафедры, если он на них присутствовал, то на меня не обращал ни малейшего внимания, будто я пустое место. Это было очень в его духе, так что никто и не замечал ничего необычного. А больше мы с ним нигде и не пересекались. Скорее всего, Давлетьяров просто счел ниже своего достоинства устраивать мне какие-то пакости. Я так подозреваю, он готовил мне крупную месть, рассчитывая как следует поплясать на моих костях на защите. Но до этого было еще далеко, так что я не загадывала наперед.

А я сама поражалась, насколько же я была заиклена на этом человеке. Ведь у нас работало столько интереснейших людей, взять хоть моего научного руководителя! Прежде я старалась общаться с ним как можно меньше, а теперь попробовала наладить отношения и даже пару раз попросила совета. Советы я получила, и очень толковые, а еще Николай Ефимович предложил мне поработать на полставки в его министерском подразделении. А подразделение, к слову сказать, относилось к ведомству госбезопасности.

Собственно, я этого ожидала, глупо было думать, что на меня не обратят внимания. Вернее, внимание-то на меня обратили, должно быть, еще после той заварушки, что я устроила на четвертом курсе, а потом долго присматривались, решая, стою ли я хлопот. Видимо, моя дипломная работа убедила их в том, что да, стою, отсюда и приглашение на конференцию. Еще будучи во Франции, я успела послушаться, каких трудов стоило присутствующим раздобыть приглашения, а меня так просто выпихнули туда, невзирая ни на какие возражения! И в чем тут можно было сомневаться? Ну а теперь, надо думать, наши доблестные «органы» хотели

посмотреть, смогу ли я развиваться дальше или сгложусь только на то, чтобы дематериализовать танки вероятного противника, находящиеся в пределах прямой видимости. (Теперь я уже подумывала, а не были ли те смешные бандиты, пугавшие меня прошлой весной, присланы специально, чтобы посмотреть, как я поведу себя в критической ситуации. А что, ничего невозможного!) Применение мне в любом случае нашлось бы, но Николай Ефимович вполне конкретно дал мне понять, что если я хорошо себя зарекомендую, то работа меня ждет весьма интересная.

В любом случае, предложение работы было очень кстати, потому что, во-первых, отдел Николая Ефимовича занимался как раз той проблематикой, что рассматривала я в своей работе, а во-вторых, деньги лишними никогда не бывают.

Да и остальные преподаватели с нашей кафедры, что называется, принимали во мне самое живое участие. Как я могла раньше думать, что ко мне все относятся с подозрением и недолюбливают? Сообразила бы сперва головой своей глупой, как можно хорошо относиться к угрюмой девице, которая ото всех шарахается и вечно отирается по углам!

Н-да. То ли у меня в самом деле в голове что-то перемкнуло, то ли так подействовал тренинг парижских сестричек, но стоило мне чуточку изменить отношение к окружающим, как и они начали вести себя со мной совсем по-другому. Я ведь на самом деле не угрюмая бука, просто не слишком люблю пустой треп, оттого с однокурсниками, к примеру, никогда не сходилась близко. Но здесь-то пустого трепа не было, а было серьезное дело! Еще бы мне не оказывали поддержку: я теперь считалась чуть ли не визитной карточкой университета, и немудрено, магов с моим потенциалом раз, два и обчелся.

"Вот только не загордись, Чернова, — сказала я себе однажды, разглядывая себя в зеркале и пытаюсь сообразить, как отреагирует общественность, если я завтра на заседание кафедры надену юбку. Не очень короткую, вполне пристойной длины, но все же... Мужчины, надо думать, одобряют, а вот дамы — вряд ли. — А то ты ведь знаешь, чем это может кончиться!"

Что касается диссертации, то некоторое время я пребывала в ступоре. Если честно, мне страшно было даже браться за работу. Потом, правда, я все-таки взяла себя в руки и заставила сесть и кардинально переработать план.

До сего момента я даже не подозревала, насколько глубоко Давлетьяров успел пропитать меня своим подходом, если можно так выразиться. Я невольно норовила представить, а что бы сказал он по поводу той или иной формулировки, как бы заставил переделать какую-то фразу, как бы раскритиковал мой подход...

Мне пришлось выдирать из себя Давлетьярова с корнями, и не скажу, что это было легко.

Нет, больше я не буду слепо следовать его указаниям. Пускай я неопытна, но у меня своя голова на плечах есть, и она не вовсе пустая. В этом меня, кстати, довольно успешно убеждал Николай Ефимович, которому я после двухнедельных терзаний все-таки показала обновленный план. К моему несказанному удивлению, план ему понравился, а от одной моей идеи он и вовсе пришел в восторг. Может, он немножко кривил душой, неважно, главное, я все-таки поверила в свои силы и принялась за работу.

Не скажу, что дело продвигалось быстро, поначалу я периодически впадала в то в панику, то в состояние полного оцепенения. Все по тому же поводу: не так-то просто было писать самой, без оглядки на кого-то. Первые страницы давались мне мучительно трудно, ну а потом дело неожиданно пошло на лад. Теперь уж я сама безжалостно правила свой текст, не с точки

зрения кого-то там постороннего, а так, как сама считала нужным.

Надо сказать, быть самой себе рецензентом — очень полезное занятие, во всяком случае, себя я всегда критиковала жестче, чем кого бы то ни было. И вот теперь я уже могла вспоминать Давлетьярова не со злостью, а даже и с благодарностью: как ни крути, а первый толчок в нужном направлении дал мне все-таки он... Но, если честно, вспоминалось о нем все реже и реже, а встречая его в университете, я думала о нем, как о совершенно постороннем человеке. Хотелось бы верить, что и он обо мне так думает...

Было у меня, если честно, еще одно опасение. Я боялась, что могу не удержаться и начать доказывать все тому же Давлетьярову, что я в самом деле на что-то способна без его помощи, буду из кожи вон лезть, чтобы получить что-то совсем ненужное... Ну, как обычно, в общем, я много таких историй слышала. Пока вроде бы обошлось. В самом деле, зачем мне ему что-то доказывать? Он мне кто? Да никто.

Конечно, в глубине души желание утереть ему нос все-таки присутствовало, но какое-то расплывчатое и неоформленное.

"И не дури, Чернова, — велела я себе, поймав себя на этом. — Если хочешь кому-то что-то доказать, доказывай себе. На себе и тещь удовлетворенное честолюбие. Когда оно будет удовлетворенным, конечно. А поскольку до того момента тебе еще пахать и пахать, то этим и занимайся, а мечтать будешь, когда на пенсию выйдешь!" Разговоры с собой давно вошли у меня в привычку, потому что больше особенно поговорить было не с кем, тем более по душам, а когда изображаешь беседу, оно как-то лучше думается. Интересно, конечно, что сказали бы по этому поводу психиатры...

Словом, я пребывала в удивительно неплохом расположении духа. Зарабатывала я теперь вполне достаточно, чтобы снимать квартиру, а не ютиться в общежитии, но мне, если честно, было просто лень двигаться с насиженного места, тем более, до университета было рукой подать. Да и не представляю я, как это — жить в совсем чужой квартире, это не тронь, туда не лазь... Нет уж, накушалась, хватит. Вот когда смогу собственную приобрести, тогда другое дело, а пока нечего шиковать.

Поразмыслив, я купила, наконец, нормальный компьютер, ноутбук, чтобы можно было с собой в библиотеку таскать. К тому времени нашу общагу отремонтировали и подключили к Интернету, так что теперь я могла нормально общаться со своими парижскими знакомыми. С Мирей и Софи мы даже перезванивались временами, в Москву они приехать так пока и не собрались, но в планах это имели. С ирландцем Шоном мы вели бурную переписку на тему очередной его гениальной идеи. Насколько я понимала, о серьезной карьере он и не помышлял, так, находился в "свободном поиске". Общалась я и с Микки, тот упорно звал меня то в гости, а то и на постоянное местожительство в США. В гости я обещала приехать, как защищусь, а о переезде даже думать не думала. Что я там забыла? Надо думать, переписку нашу активно читали так называемые «кураторы» нашего университета, то есть все те же господа из «органов», и, полагаю, очень веселились. Видимо, я вела себя правильно, раз нашу переписку до сих пор не пресекли. Впрочем, я ничуть не кривила душой — уезжать в другую страну я не хотела категорически. Что я там забыла, в самом деле?

Так незаметно прошла зима.

Летом неожиданно объявилась моя давняя подруга, Катерина, и предложила поехать с ней отдыхать. Я, судя по всему, нужна была ей в качестве жилетки для излияния обиды на

очередного возлюбленного, оказавшегося гадом и сволочью. Если бы Катерина звала меня куда-нибудь за границу, я бы не поехала, но отдыхать предполагалось в Адлере, и я дрогнула. В конце концов, на море я не была со школьных времен. Имею я право расслабиться, в конце концов?

Расслабление прошло более чем успешно, Катерина быстро забыла о своей тоске-печали, и мы отлично провели время. Я с удивившей меня саму решительностью дала от ворот поворот двум местным любителям курортных приключений, а с третьим, питерским юристом, завела настоящий роман, продлившийся аккурат до нашего с Катериной отъезда. Юрист обещал писать и не забывать, но ясно было, что никакого продолжения у этого курортного романа не будет, на то он и курортный. Меня это ничуть не огорчило — время мы провели отлично, чего ж еще?

Остаток лета я посвятила работе над диссертацией, она продвигалась вперед вполне уверенными темпами, и, хотя в полтора года я точно не укладывалась, унывать не собиралась. В конце концов, надрываться необязательно, лучше уж я сделаю все в обычные сроки, но достойно...

Глава 6

Осенью меня ошастливили: я, как аспирант очной формы обучения, должна была вести занятия у студентов. Очень забавно, особенно если учесть, что мне всучили пятый курс! Хорошо еще, мне достались семинары по одному из направлений охранной магии, в котором я хорошо разбиралась, уж во всяком случае, спросить с этих оболтусов могла строго.

Группа мне досталась довольно большая, во всяком случае, по сравнению с той, в которой когда-то училась я, и ребята, как на подбор, оказались небесталанными. Я, честно говоря, первое время опасалась: как еще примут они «преподавательницу» всего на полтора года старше себя любимых, тем более, что на свой возраст я не выгляжу. Еще я задумывалась, чье бы поведение мне скопировать, я имею в виду, из известных мне преподавателей. В результате пришла к выводу, что копировать никого не буду, потому что это верный способ попасть в дурацкое положение. Судя по тому, что приняли меня не так уж плохо, я оказалась права в своем решении. В самом деле, глупо бы выглядело, если бы пигалица вроде меня принялась пыжиться, изображая царственную Ларису Романовку, или стучать линейкой по кафедре, как дряхлая, но крайне несдержанная на язык Лолита Станиславовна.

В целом у меня с этими студентами сложились вполне неплохие отношения, кое-кто из ребят даже пробовал за мной поухаживать: полтора года не та разница в возрасте, чтобы обращать на нее внимание. Это было очень забавно, но, конечно, я о таком и подумать не могла. Не из-за возраста, нет, просто мне в самом деле было не до того. Работа, диссертация, да еще эти семинарские занятия съедали все мое время, а ведь хотелось еще выкроить пару часов, чтобы пообщаться с приятелями!

Единственно — девчонки меня недолюбливали, даже не знаю, почему. Я не придиралась к ним больше, чем к ребятам, я вообще старалась никого не выделять, но факт оставался фактом. Особенно меня невзлюбила одна из отличниц (их там было аж трое, и все страстно соперничали между собой), Наташа Градова. Кстати, та самая, что около года назад выпрашивала зачет у Игоря. Тогда я, помнится, даже приревновала немного, а теперь только посмеивалась: вот забавно было бы, добейся она желаемого! А что, ничего невозможного: Наташа была очень красивой девушкой, ей даже наша Маргарита в подметки не годилась. Да не просто красивой, а еще и талантливой, а Давлетьяров, к слову сказать, монахом вовсе не был. Любопытно могло бы получиться, право слово...

Так или иначе, но с Градовой я старалась особенно не общаться. Мне не нравилось, как она разговаривает, всегда словно с какой-то глубоко запрятанной издевкой. Впрочем, придраться к ней по части учебы было невозможно, да я и не пыталась.

В один прекрасный день мне было отчаянно лень допрашивать студентов по очередной теме, я неожиданно припомнила конференцию и решила провести маленький эксперимент. Там, помнится, частенько устраивали групповые соревнования, это было интересно. Вот я и решила попробовать: студентов как раз хватило, чтобы поровну разбиться на три группы, каждая получила свое задание, и через пять минут гвалт в аудитории стоял такой, что я собственных мыслей не слышала. Оставалось только следить, чтобы в пылу обсуждения никто не перешел на личности.

И вот, когда шум достиг апогея, дверь аудитории внезапно распахнулась, и на пороге возник Давлетьяров собственной персоной. Наверно, решил, что я не справляюсь с аудиторией, и решил заглянуть, чтобы прилюдно размазать меня за профнепригодность.

— Что у вас происходит? — спросил он вполне будничным тоном.

— Обсуждаем один спорный вопрос, — пожала я плечами. — Вы что-то хотели?

Ответа я не дождалась, дверь закрылась с противоположной стороны.

— Господа, давайте все-таки немножечко потише, чтобы не мешать окружающим, — попросила я для проформы. — Вокруг тоже занятия идут.

Мои подопечные честно попробовали приглушить бурную дискуссию, но, конечно, ничего из этого не вышло...

Впрочем, семинары я вела недолго, всего несколько недель, потом на кафедре, очевидно, решили, что я выполнила свой гражданский долг, и освободили меня от этой нелегкой повинности. С одной стороны, я была рада этому, с другой стороны, общаться со студентами было достаточно интересно.

А любопытно, как воспринимали преподаватели нас? Сдается мне, мы не были такими шумными и любознательными, моя группа вообще состояла из редкостно нелюдимых персон. Только к концу пятого курса наладились кое-какие отношения, а там уже пришло время расставаться. Из нашей группы в университете остались только я и Маргарита Балашова, она тоже подалась в аспирантуру, только на заочное отделение. Я несколько раз встречала ее, когда она приезжала на консультации, мы обменивались вежливыми приветствиями, но этим наше общение и ограничивалось. Поэтому я очень удивилась, когда, в очередной раз столкнувшись со мной в коридоре, Маргарита не ограничилась дежурным «привет», а ни с того ни с сего спросила:

— Ты сейчас занята?

— Нет, — удивилась я и процитировала классический мультфильм про Вини-Пуха: — До пятницы я абсолютно свободна. А что?

— Я с тобой поговорить хотела, — повергла меня Маргарита в шоковое состояние.

— Ну... говори, — осторожно ответила я.

— Пойдем в кафе, что ли, не посреди же коридора, — поморщилась Маргарита. Я пожала плечами, и мы спустились на первый этаж, там у нас располагалось вполне приличное кафе.

Некоторое время мы молча пили кофе. Я первой начинать беседу не собиралась, есть у меня такая привычка. Если Маргарите что-то от меня надо, пусть сама и крутится, как хочет.

— Как у тебя дела? — спросила она, наконец.

— Потихоньку, — пожала я плечами. — Диссер пишу. А ты как?

— Тоже ничего, — ответила она. — Только мне сейчас не до диссера...

— Что это вдруг? — удивилась я. — Проблемы какие-то?

— Нет, я замуж выхожу, — улыбнулась Маргарита. — Через месяц.

— Поздравляю, — искренне сказала я. — За кого, если не секрет?

— Да ну, какой секрет, — рассмеялась Маргарита. — Васька бизнесмен, довольно удачливый. Говорит, всю жизнь мечтал на ведьме жениться, и чтобы непременно Маргаритой звали, так что я ему в самый раз прищлась. Ну и вообще он классный парень. Мы на медовый месяц в Майами полетим, — добавила она.

— Здорово, — усмехнулась я. До личной жизни Маргариты мне не было никакого дела, если честно, но надо же было как-то поддерживать разговор.

— А ты здорово изменилась, — заметила, наконец, Маргарита. — Стильная такая стала, уверенная.

— Ты меня сюда позвала, чтобы сказать об этом? — хмыкнула я.

— Да нет, это я так... — махнула она рукой. — Слушай... Я сегодня кое-что услышала, мне показалось, тебе интересно будет знать.

— Маргарит, ты не по адресу, — покачала я головой. — Я сплетни не коллекционирую.

— Да при чем тут это! — фыркнула Маргарита. — Если бы я тебя сегодня не встретила, то и не сказала бы, а раз уж встретила... Короче говоря, приехала я сегодня на консультацию к своему Назарову, а пока его ждала, обнаружила, что у меня колготки поехали. Ну, запасные у меня всегда с собой, пошла переодеться, а там как раз девчонки курили, курс, наверно, пятый. — Маргарита сделала паузу, чтобы я, наверно, могла представить себе эту картину. — Ну, я тебе скажу, и девочки!

— А что с ними не так? — поинтересовалась я. Что девочки на пятом курсе в самом деле те еще, я знала и без Маргариты.

— Да ничего особенного... Разговорчик мне один очень понравился, — усмехнулась Маргарита. — Стою я, понимаешь, колготки натягиваю, а одна красавица во всеуслышанье прорабатывает натуральный план захвата господина Давлетьярова, а остальные ей советы дают, как лучше взяться и с какой стороны зайти.

— Погоди, Маргарит. — Мне стало смешно. — А мне-то ты об этом зачем рассказываешь?

— А разве у тебя с ним ничего нет? — округлила глаза Маргарита.

— С чего ты взяла? — вполне естественно удивилась я. Ничего себе!

— Слушай, ну ладно тебе, — фыркнула она. — Думаешь, незаметно? Особенно когда ты на него смотришь?

Я призадумалась. Забавно...

— А ты когда последний раз нас видела? — весело поинтересовалась я.

— Ну... — Маргарита призадумалась. — Да прилично уже, Тебя я так иногда встречаю, а его давно уже не видела. Пожалуй, последний раз мы все пересекались, когда вступительные в аспирантуру сдавали...

Я окончательно развеселилась.

— Слушай, Маргарит, — сказала я. Пришлось повысить голос — в кафе ввалилась толпа студентов, стало шумно. — Анекдот знаешь?

— Какой именно? Я их много знаю.

— Папа к сыну пришел и говорит: "Сынок, ты уже большой, тебе восемнадцать, разрешаю тебе закурить". А сын в ответ: "Спасибо папа, я уже три года, как бросил".

— А-а... — Маргарита вдруг звонко рассмеялась. — Намек понят! Наин, что, серьезно?

— Смотря что ты имеешь в виду, — хмыкнула я.

— Ну, вообще...

— Если вообще, — вздохнула я, — то "я уже три года, как бросил". Так что спасибо, конечно, Маргарит, за то, что рассказала, только меня это давно не интересует.

— Так-таки и не интересует? — прищурилась Маргарита.

— Нет, — твердо ответила я. — Знаешь, как это... мы разошлись, как в море корабли. И слава Богу.

— Да уж могу представить, — передернула плечами Маргарита. — Если уж ты, с твоим-то терпением... Наин, а интересно даже, если у нее получится, а?

— Ага, — фыркнула я. — Не завидую девочке. Сильно-сильно.

— И надо ей это? — задумчиво сказала Маргарита. — Красивая ведь, честно. И одета будь здоров как, за ней парни должны табунами носиться. Я ж в этом разбираюсь, ты не думай. У нее одна прическа стоит ого-го сколько, видно, мастер работал. Может, обращала внимание, сейчас модно красить чуточку в разные тона, чтобы как будто солнечные блики на волосах лежали.

— Нет, я как-то в этом совершенно не разбираюсь, — покачала я головой. Эх, Маргарита, все-таки пытается сдать мне эту неизвестную... Да почему неизвестную, это все та же Градова. Тот я еще удивлялась, что у нее даже в пасмурный день волосы сияют, а это, оказывается, окраска такая модная.

— Ну, ладно, — вздохнула Маргарита. — Забавно получилось.

— Да уж, это точно, — улыбнулась я.

— Тогда пока. — Маргарита встала, сделала ручкой. — Приедем из Майами, фотки покажу.

— Договорились, — кивнула я, хотя вовсе не горела желанием разглядывать Маргаритины фотографии. — До встречи.

Она ушла, а я еще немного посидела в кафе, размышляя о том, что Маргарита, в сущности, не такая уж плохая девчонка. Немного стервозная, конечно, а кто без этого? И ведь мы никогда не дружили, даже вида не делали, а вот поди ж ты, пришла и рассказала... Хотела, как лучше. Получилось, разумеется, как всегда, но я не расстроилась. С какой стати? Я бы, если честно, с большим удовольствием понаблюдала за редкостным шоу под названием "охота на Давлетьярова", только, боюсь, оно не состоится, если, конечно, он разительно не переменится за последний год, а это вряд ли. Бедная Градова, она даже не подозревает, на что идет...

Подумав так, я выкинула эту историю из головы, и сделала это настолько успешно, что не вспоминала о ней еще ровным счетом полтора месяца.

Глава 7

В тот день я заявила в университет в самом благодушном расположении духа. Оно у меня в последнее время всегда было таким, и на то имелись причины. Все в том же министерстве, где я работала на полставки, я недавно познакомилась с одним человеком, по работе, если честно, но... Рабочие отношения как-то незаметно начали перерастать в личные, и я бы не сказала, что мне было это неприятно. Сашка был на три года старше меня, о магии, тем более, боевой, имел самое смутное представление, а разбирался в этом деле только в той мере, что требовалась ему для работы. А работал он в планово-экономическом отделе, так что особенно вникать ему в нюансы моей работы не требовалось. Впрочем, разговоров о делах нам хватало на работе, а в нерабочее время мы о них и не вспоминали.

Сашка оказался отличным парнем, веселым и каким-то удивительно добрым, у него имелась масса приятелей, и за месяц он успел перезнакомить меня с самыми неожиданными людьми, начиная от ди-джея в ночном клубе и заканчивая каким-то спецназовцем. Если честно, я даже не подозревала, что можно так весело и интересно проводить время. Раньше, когда меня куда-нибудь приглашали, я старалась отказаться под благовидным предлогом, потому что «куда-нибудь» обычно обозначало дискотеку, бар или ночной клуб, а я совершенно не переношу шума, грохота и толп нетрезвых людей. Сашка же знал уйму крохотных уютных заведений, куда было не так-то просто проникнуть, и где давали концерты малоизвестные (но отнюдь не плохие, насколько я могла судить) музыкальные группы, иногда устраивались тематические вечера... Словом, это было интересно и ничуть не утомительно. А что меня больше всего устраивало, так это то, что Сашка не гнал коней и не норовил уложить меня в постель на первом же полноценном свидании. Кто знает, может, я бы и не отказалась, но сам факт того, что меня хоть чуточку, а уважали, как личность, грел душу.

Накануне, в понедельник, мы как раз очень мило провели вечер, слушали молодую джазовую певицу в маленьком клубе на Мясницкой. Я в джазе ничего не понимаю, это Сашка ценитель, музыка мне просто нравится или не нравится. Так вот конкретно эта — понравилась, и Сашка обещал непременно сводить меня еще раз на концерт, когда певица еще раз приедет в Москву.

Ввиду этого настроение наутро у меня было самое что ни на есть лучезарное, я влетела на кафедру, рассчитывая поделиться с лаборантками, с которыми давно успела сдружиться, но натолкнулась на испуганное молчание.

— Случилось что? — обескураженно спросила я Жанну, старшую и самую толковую из всех лаборанток.

— Ага... — мелко-мелко закивала она. — Ой, Наина, ты же еще не знаешь... Такое дело!

— Да скажи ты толком! — рассердилась я. — Что за дело!

— Студентку нашу убили... — выдавила Жанна. Было ясно, что ей смертельно хочется посплетничать на эту тему, но что-то не дает. — С пятого курса... Представляешь!?

— Честно говоря, нет, — ответила я. — А где все, кстати?

— Ой, — спохватилась Жанна. — Мне же сказали, если кто придет еще... В общем, там милиция приехала, всех опрашивают, в малой переговорной, ты тоже иди.

— Народу там много? — спросила я. Может, Николай Ефимович там? Мне как раз надо было с ним пообщаться.

— Да какое много, ты что, не знаешь, наши, если занятий нет, раньше двенадцати не появляются, а еще только десять, — махнула рукой Жанна. — С других кафедр вроде был кто-то, и студентов опросили, а с нашей ты первая пока. Ну и нас уже допросили. Иди уже, потом расскажешь!

Очень любопытно. И что я, к примеру, могу рассказать про какую-то студентку? Я с ними дружбы не водила, так что толку от меня будет немного. Правда, средних лет худощавый милиционер, который мною занялся, определенно считал иначе. Представился он капитаном Селезевым, а я, по дурости своей, даже не представляла, большое это звание или так себе.

Для начала из меня были вытряхнуты все личные данные, затребован паспорт и так далее. Я терпеливо отвечала на дурацкие вопросы: ну что поделаешь, если так положено... А вот дальше события начали развиваться более чем интересно.

— Скажите, вы были знакомы с убитой? — спросил Селезев, глядя в свои записки.

— Вы извините, пожалуйста, — осторожно сказала я. — А кого убили-то?

— То есть вы хотите сказать, что не знаете? — удивленно уставился на меня Селезев.

— А откуда бы мне знать? — хмыкнула я. — Меня с пятницы в университете не было, сегодня с утра пришла, только на кафедру сунулась, а меня сразу к вам отправили.

— Угу... — пробормотал Селезев, что-то чиркая в блокноте. — Хорошо. То есть ничего хорошего. Убита Наталья Градова, известна вам такая девушка?

— Известна, конечно, — несколько обескураженно ответила я. — Студентка с пятого курса, я у них в начале осени семинары вела.

— Ага! — обрадовался Селезев. — И что вы можете рассказать об убитой? Характер, может быть, какие-то привычки?

— Да ничего, вообще-то, — пожала я плечами. — Студентка как студентка, очень способная, отличница. Я же с ними недели три общалась, не больше, и то не каждый день, откуда мне знать про ее привычки?

— А ее однокурсники утверждают, что Градова вас недолюбливала, — заявил Селезнев, вперив в меня взгляд светло-карих глаз. — У нее были на то причины?

— Понятия не имею, — честно ответила я. — Двоек я ей не ставила, потому что не за что было. А за что ей еще меня не любить? Ей-богу, не представляю.

— Ясно... — Селезнев поджал губы и положил руки на стол. — Вот что, Наина Юрьевна, давайте-ка внесем кое-какую ясность в наш разговор. Вы, значит, не были в курсе убийства Градовой?

Я молча кивнула. Селезнев мне не нравился, какой-то он был помятый и неопрятный. Хотя, одернула я себя, он, должно быть всю ночь пашет из-за этой убитой студентки, где ему быть отутюженным и побритым! Судя по тому, как Градова одевалась и вела себя, родители у нее наверняка были людьми непростыми, должно быть, живо всех на уши подняли.

— Значит, неизвестна вам и одна маленькая, но существенная деталь, — с удовлетворением отметил Селезнев. — Видите ли, Наина Юрьевна, убили Градову не какие-нибудь отморозки, чтобы ограбить, отнюдь... Убил ее маг, и, судя по заключению экспертизы, именно боевой маг. Понимаете, к чему я?

— Нет, — честно ответила я, пытаюсь устаканить в голове все услышанное. Господи, да какому магу могла понадобиться Градова?! — Погодите, если убийца маг, так его же выследить можно в два счета, разве нет?

— А вот ошибочка тут выходит, Наина Юрьевна, — развел руками Селезнев. — Потому что этот маг мало того, что Градову убил, так еще и следы замел. Как там у вас это называется? Про ветер что-то...

— "Суховей", — машинально ответила я. Нам рассказывали про этот довольно несложный прием, он выжигает энергетические следы в радиусе нескольких метров. В самом деле, годится, чтобы замести след!

— Во-от! — воздел палец Селезнев. — И что у нас получается? А получается у нас, Наина Юрьевна, что боевых магов такого уровня, чтобы смогли этот ваш «суховей» устроить, в городе всего ничего, и, что интересно, большинство работает в ГМУ, где и училась покойная. Понятно, куда я клоню?

— Нет, — помотала я головой. — То есть отчасти понятно. Вы, наверно, ищете подозреваемых в ГМУ, потому что они хоть как-то, но с Градовой связаны, да?

— Именно! — расцвел Селезнев. — А раз мы с вами до этого дошли, то давайте теперь попробуем зайти с другой стороны. — Он снова зашелестел своими бумажками, после чего спросил: — Наина Юрьевна, правда ли, что вы состоите в интимных отношениях с неким Давлетьяровым Игорем Георгиевичем?

Я подавленно молчала. Откуда бы ему знать? И почему в настоящем времени? Кто мог об этом рассказать? Кто-то из допрошенных раньше меня, вне всякого сомнения, но вот кто это был? Надо потом спросить у лаборанток, они точно знают, а пока надо отвечать. И врать, раз уж этому капитану все известно, смысла нет.

— Не совсем, — ответила я осторожно.

— Это как? — удивился Селезнев.

- Мы уже почти год как расстались, — сухо сообщила я.
- По чьей инициативе? — зачем-то спросил он.
- По моей, — злорадно ответила я.
- А каковы были причины расставания? — не отставал Селезнев.
- Вы, простите, убийство Градовой расследуете или подробности моей личной жизни выясняете? — не сдержалась я.
- Потрудитесь отвечать на вопрос, — посуловел Селезнев. — Почему вы расстались с Давлетьяровым?
- Ну почему люди расстаются? — вздохнула я, поняв, что проще ответить, чем отбиваться. — Мы прожили вместе несколько месяцев, потом я поняла, что совершила большую ошибку и ушла от него. Вот и все.
- А в чем заключалась ошибка? — Да что ж он вцепился-то в меня?! — Давлетьяров вам изменял?
- Понятия не имею, — честно ответила я. — Я за ним не следила.
- Тогда почему?
- Потому что долго с ним жить невозможно, — мрачно ответила я. — Вы когда с ним побеседуете, поймете. Только с вами, он, может быть, сдерживаться будет, а с остальными особенно не церемонится.
- То есть, как я понимаю, вы подвергались оскорблениям с его стороны, возможно, даже доходило до рукоприкладства?
- Вот этого я не говорила! — резко оборвала я разошедшегося милиционера. — Не надо передергивать.
- Ну хорошо... — Селезнев отложил ручку и уставился на меня. — То есть вы расстались, и?..
- И? — не поняла я.
- Он спокойно вас отпустил, и вы продолжили работать вместе, как ни в чем ни бывало?
- А что в этом такого? — внутренне закипая, спросила я. — Мы взрослые разумные люди, и сицилийский страстей не устраивали, это так. Что до работы, мы с ним почти не пересекаемся. Может, хватит уже об этом?
- Хватит, когда я скажу, — сухо ответил Селезнев. — Значит, вы не пересекались. А вы были в курсе его новых привязанностей?
- Нет, — ответила я.
- И не интересовались?
- Нет. Зачем?

— Женщины обычно интересуются, кто пришел им на смену, — хмыкнул Селезнев.

— Я не интересовалась, — сказала я. — У меня времени нет слухи по университету собирать. И желания, кстати, тоже.

— А у вас самой как дела обстоят с личной жизнью? — спросил Селезнев.

— Нормально обстоят, — ответила я, решив, что сердиться нет смысла. — Я бы даже сказала, хорошо.

— То есть вы хотите сказать, что Давлетьярова к его новой пассии вы не ревновали?

— Да что вы привязались к какой-то его пассии? — рассердилась я, хотя только что решила этого не делать. — При чем тут это вообще?

— А притом, Наина Юрьевна, что вы у нас основная подозреваемая, — тихо и даже как-то ласково произнес Селезнев, чем вверг меня в полное ошеломление. — Не понимаете? Правда, не понимаете?

Я молча помотала головой. Он что, рехнулся?

— Ну, я вам объясню. — Селезнев встал и прошелся по комнате. — Видите ли, однокурсники убитой в один голос заверяют, что в последнее время у нее завязался бурный роман с уже не раз помянутым господином Давлетьяровым. Вы хотите сказать, что не знали? Ну ладно... И тут, Наина Юрьевна, мы с удивлением узнаем, что у вас тоже имелась связь с этим любвеобильным господином. Какой тут можно сделать вывод?

Я молчала. Да он точно рехнулся...

— А вывод можно сделать самый простой: что Давлетьяров предпочел вам Градову, а вы, приревновав, ее убили. Тем более, что вы как раз боевой маг. Чем не версия?

— Бред, — сказала я. — Как он мог предпочесть мне Градову, если я от него год назад ушла?

— Это вы так говорите, — заметил Селезнев, — а по нашей информации, вы с Давлетьяровым встречаетесь и по сей день.

— И кто же вам такую информацию дал? — поинтересовалась я холодно.

— А этого, простите, я вам сказать не могу, — ответил Селезнев. — Впрочем, даже если вы и расстались, это ни о чем не говорит. Расставание ревности не помеха. Вы, может быть, рассчитывали, что он вас обратно позовет, а нет...

Я поняла, что сейчас окончательно рассвирепею, а это может плохо кончиться.

— Так что, Наина Юрьевна, — неожиданно сдал назад Селезнев, — ознакомьтесь, это подписка о невыезде. Будьте любезны не покидать пределов города, вас еще не раз вызовут. Пока можете быть свободны, пригласите следующего, если кто пришел...

Я вылетела в коридор, искренне желая только одного: узнать, кто навешал Селезневу лапши на уши, и размазать мерзавца по стенке. А кто это мог быть, в самом деле? Я считала, что о нашей с Давлетьяровым связи никто не знает, а выходит, это совсем не так. Он проговориться не мог, за это я ручаюсь. Я тем более. Так кто? Лариса Романовна могла догадываться, но она уже полгода с больничного не вылезает, в университете ее давно не было. А еще? Тут меня осенило

— Маргарита! Она ведь тоже догадалась, и была уверена, что я и по сей день встречаюсь с Игорем. Но Маргарита, если верить ее словам, сейчас должна блаженствовать в Майами со своим Васей, в университете ее быть не должно. С другой стороны, раз догадалась она, мог догадаться и еще кто-нибудь, и из самых лучших побуждений вывалить информацию Селезневу. Вот еще этого мне не хватало!

Утешало меня разве только то, что Селезнев до сих пор еще не имел удовольствия пообщаться с Давлетьяровым. Ей-богу, я дорого бы дала, чтобы присутствовать при их беседе!

Весь день в университете все ходили, как пришибленные, косились друг на друга и перешептывались. Особенно сильно косились на людей с кафедры боевой и охранной магии, и немудрено. Как я успела узнать от лаборанток, со всех сотрудников кафедры, невзирая на звания, взяли подписку о невыезде. А еще говорили, что Селезнев чуть не каждого успел обвинить в убийстве Градовой по самым разным мотивам. Так что он не к одной ко мне прицепился, у него, наверно, манера ведения допроса такая. Вполне логично: он рассчитывает, что виновник занервничает и наделает глупостей. Ну и пусть надеется...

Глава 8

В течение следующих двух дней в университете продолжали работать милиционеры (я, честное слово, не разбираюсь, кто из них угрозыск, кто эксперты, а кто из других подразделений), всех еще по несколько раз допросили, правда, теперь уже не Селезнев, а несколько других человек. Особенно не цеплялись и обвинений с ходу не вешали, но все равно было неприятно. Хорошо еще, никуда не таскали, может, просто боялись вызывать боевых магов в город — там, если что, попробуй, справишься с таким...

После очередного такого допроса я шла по коридору, возвращаясь на кафедру, мрачная и страшно злая на весь мир. Навстречу попался Давлетьяров.

— Добрый день, Игорь Георгиевич, — сказала я привычно, даже не глядя на него.

— Добрый день, Чернова, — последовал ответ, и Игорь прошел мимо, едва заметно задев меня плечом.

Я внезапно почувствовала в ладони знакомую дрожь материализовавшегося предмета, и мне потребовалось значительное усилие воли, чтобы не обернуться и не посмотреть вслед Игорю, и уж тем более, чтобы не развернуть записку — а это была именно записка, — прямо к коридору. И что это еще за шпионские игрища?

Записку я прочитала только в своей комнате в общежитии. "Нужно поговорить, — значилось в ней. — Сегодня, после 19.00, в моем кабинете." Стоило мне дочитать до конца, как записка рассыпалась в прах. Тьфу ты, докатились...

Еще более интересно. Что Игорю от меня понадобилось и к чему такие тайны? Но, в любом случае, мне тоже хотелось бы задать ему пару вопросов, так что зайти в самое дело нужно. Тем более, я сегодня собиралась позаниматься в библиотеке, и мое присутствие вечером в университете не вызовет ни у кого вопросов.

До шестого этажа я дошла примерно в половине восьмого вечера. Кажется, еще шли занятия у вечерников на других этажах, на нашем же было темно и пусто, как обычно. У нас вечерней смены нет, студентов и так мало.

Стучать в дверь я не стала, уж если играть в шпионов, то по полной.

— Здравствуй еще раз, — кивнул Игорь, увидев меня. В нем что-то неуловимо изменилось, но что именно, я понять не могла.

— Угу, — кивнула я, привычно устраиваясь в кресле для посетителей. — Что ты хотел мне сказать?

— Не сказать, а спросить. — Игорь поднялся из-за стола, отошел к окну. Мне почему-то казалось, что ему хочется оказаться как можно дальше от меня. Меня, если честно, тоже снадало такое желание. — Мне бы очень хотелось знать, Чернова, кто разболтал господину... хм... Селезневу некоторые подробности наших взаимоотношений.

— Знаешь, я могу задать тот же вопрос тебе, — хмыкнула я.

— Это следует понимать в том смысле, что информацию он получил не от тебя? — вскинул брови Игорь.

— Ты меня совсем за дуру держишь? — устало спросила я. — Я ему ничего не рассказывала. Ты, как я подозреваю, тоже.

— В этом можешь быть уверена. — Игорь все-таки вернулся за стол, посмотрел на меня в упор, потом все-таки отвел взгляд. — Не ты и не я. Значит, кто-то третий.

— Я уже думала об этом, — нехотя сказала я. — У меня первая мысль была о Ларисе Романовне, но ее уж полгода как в университете нет... В любом случае, это кто-то из тех, кого первым допрашивали, а это либо студенты, либо кто-то с других кафедр.

— Весьма интересно. — Давлетьяров едва слышно фыркнул. — Тогда, Чернова, это в самом деле студенты, потому что с теми тремя господами преподавателями, которых допрашивали до тебя, я уже имел беседу. Они, должен тебе сказать, считают эту историю гнусной выдумкой ограниченных милиционеров и поклепом на наши с тобой светлые имена.

— А не врут? — кротко осведомилась я, хотя знала, что в разговоре с Игорем врать вряд ли кто осмелится.

— Не думаю, — сухо ответил Игорь, прикуривая сигарету. Надо же, другой какой-то сорт курить стал, вроде бы не такой ядреный, как прежний. С чего бы это вдруг?

А вообще забавно, сидим, разговариваем, как ни в чем не бывало, Игорь ведет себя более чем сдержанно... Мечта просто.

— Слушай... — сказала я. — Я тут недавно имела интересную беседу с Балашовой, помнишь ее?

— Помню, конечно, — фыркнул Игорь. — Из твоей группы девица.

— Ну так она меня в коридоре повстречала...

И я подробно пересказала Игорю свою беседу с Маргаритой, не забыв упомянуть, что она должна сейчас греть косточки на пляжах Майами.

— Проверить, в Москве она или нет, очень просто, — сказал он. — Тогда будет ясно, ее это рук дело или нет. Впрочем, не исключаю, что она могла поделиться еще с кем-нибудь.

На некоторое время воцарилось молчание.

— Игорь, а ты зачем меня вообще сюда позвал? — спросила я. Этот вопрос меня давно уже интересовал. — Если сказать, чтобы я язык за зубами держала, то уже поздно, этот Селезнев всем растрепал.

— Чернова, ты все-таки идиотка или просто удачно прикидываешься? — Ну вот, наконец-то я вижу знакомого Давлетьярова. Губы сжаты в нитку, ноздри раздуваются... Господи, как же я когда-то пугалась! — Ты не понимаешь?

— Нет, — по-прежнему кротко ответила я. — Что я должна понимать?

Игорь шумно выдохнул и сломал сигарету. Это что-то новенькое, раньше за ним такого не водилось.

— Господин Селезнев вовсе не шутил, Чернова. — сказал он более-менее спокойно. — Ты в самом деле основная подозреваемая по этому делу. Кстати, алиби твое уже проверяли?

— Еще бы, — кивнула я. — Раз сто спросили, не меньше. Это же в выходной случилось, а по выходным я у родителей, ты же знаешь.

— Замечательно! — иронически воскликнул Давлетьяров. — А ты в курсе, Чернова, что алиби, подтвержденное близкими родственниками, вполне может быть подвергнуто сомнению?

— А ты откуда знаешь? — ехидно спросила я. — Личный опыт?

— Чернова, лучше не зли меня, — предостерег Игорь сухим тоном. Я и сама поняла, что забралась не туда, куда надо.

— Извини, — сказала я. — Просто достали они меня все...

— Прекрасно понимаю. — Когда Игорь начинал говорить короткими фразами, это означало, что он относительно успокоился. — Чернова...

— А?

— Ты даже не поинтересуешься, правда ли то, что тебе поведал Селезнев относительно меня и Градовой?

Сказать, что я была удивлена вопросом, значит ничего не сказать. С каких это пор Давлетьярова волнует мое мнение?

— Нет, — честно ответила я. — По-моему, это не мое дело.

— Не ожидал от тебя такой деликатности, Чернова, — ядовито заметил Игорь. — Раньше ты совала свой нос, куда надо и куда не надо.

— Переросла детские увлечения, — хмыкнула я. — Но если тебе очень хочется, то я поинтересуюсь.

— Мне не хочется, Чернова. — Игорь прикурил следующую сигарету. — Мне просто не нравится версия господина Селезнева, и я не понимаю, откуда взялся этот нелепый слух. А я не люблю чего-то не понимать.

— Да уж я знаю... — пробормотала я. — Кстати, почему слух нелепый? Градова определенно неровно к тебе дышала, даже вон с подружками делилась своими планами. Слово за слово,

тебе такую сплетню соорудят, что в жизни не расхлебашь...

— Одно дело, когда идиотка-студентка строит мне умильные рожицы, — отрезал Давлетьяров, — и совсем другое, когда ее отчего-то упорно считают моей... хм... пассией.

— Слушай, что ты заводишься? — пожала я плечами. — Хочешь версию? Ты ей правда нравился, но у нее ничего не вышло. Не вышло ведь? Ну вот. Обидно же. Вот она слух и распустила. А все и поверили, потому что Градова в самом деле красивая была. Сойдет?

— Ты, Чернова, для подозреваемой в умышленном убийстве как-то подозрительно спокойна, — холодно заметил Давлетьяров.

— Это так кажется, — заверила я. На самом деле, я до сих пор не могла всерьез воспринять тот факт, что меня, похоже, и вправду подозревают. — Кстати, интересно, а почему сразу заподозрили меня, а не тебя, например?

— Мне-то какой резон ее убивать? — слегка опешил Игорь.

— Хм... — Я подумала пару секунд. — Да вот, пожалуйста... Например, так: я тебя бросила, ты, конечно, оскорбился, но виду не подал, хотя затаил на меня некоторое хамство. Выждал какое-то время, а тут удачно подвернулась Градова и начала на тебя вешаться. А ты ее взял и убил, чтобы меня подставить, ты ведь с боевой магией дружишь. Как тебе версия?

— Изумительно, Чернова, — сдержанно ответил Игорь. — Не забудь завтра предложить ее оперативникам.

Мда... Пожалуй, я все же переборщила. Дразнить Давлетьярова — это уже ни в какие ворота не лезет. Раньше я на это бы ни за что не осмелилась, а сейчас так и подмывало. Может, это не с ним, а со мной что-то не так?

— Хорошо, — сказал он, наконец. — Если ни ты, ни я не убивали Градову, то возникает закономерный вопрос: кто и зачем это сделал?

— Игорь, это же я люблю в сыщицу играть, а не ты, — напомнила я, не сдержавшись.

— Чернова, да прекрати же идиотничать! — взорвался Давлетьяров. — Я не шулки с тобой шучу! Ты вообще соображаешь, что происходит?

— Что? — терпеливо спросила я.

— А то, что тебя кто-то пытается подставить, ты не заметила? — вкрадчиво осведомился он.

— Меня?! — Я невольно хихикнула. — Ты смеешься?

— Я серьезен, как никогда в жизни. — На лице Игоря в самом деле не было и тени улыбки. — Чернова, пошевели мозгами, говорят, теперь это у тебя довольно неплохо получается. Давай, напрягись!

Ого! Да я, похоже, комплимента дождалась, хоть и завуалированного! Ну хорошо, Игорь Георгиевич, если вы так настаиваете... В самом деле, что у нас получается? Допустим, Градову убил какой-то совершенно посторонний боевой маг, мало ли, что бывает. Но милиция вцепилась почему-то именно в ГМУ, а конкретно — в меня. Уж больно версия складная, убийство из ревности, никакой там политики, и возиться не надо. Тем более, что с боевыми

магами возиться сложно и опасно. Может, они сами это придумали? Да вряд ли, для этого надо знать, что в университете творится, а откуда бы им? Значит, кто-то, узнав об убийстве, быстренько подсуетился и намекнул, кому надо, какие пикантные слухи ходят по университету. Или даже сам этот слух придумал. А если на минуточку предположить, что Градову убил тот же, кто распустил слух, то...

Мне сделалось как-то не по себе. Да кому и зачем может потребоваться меня так подставлять?

— Вот это как раз самое интересное, — заметил Игорь, и я поняла, что последний вопрос задала вслух.

— Игорь, ты, конечно, извини... — Я не удержалась. — Но самая подходящая кандидатура на это — ты, у тебя и мотив был, и возможность.

— Хорошенького же ты обо мне мнения... — Давлетьяров подавил коротенький смешок. — Если так, зачем бы мне тебя вызывать и вести с тобой задушевные разговоры?

— Для усыпления бдительности и отведения подозрений, — хмыкнула я. — Ладно... это была неудачная шутка.

— Более чем неудачная, — подтвердил Давлетьяров. — К тому же это несколько не в моем характере.

— Да? — Я слегка опешила от такого поворота событий. — А что в твоём?

— Чернова, если я до сих пор не убил тебя на месте, то, поверь, устраивать такие спектакли тем более не стану, — устало произнес Игорь, чиркая зажигалкой. Так, это уже третья сигарета, и в кабинете, кстати сказать, дышать нечем.

— Ну все, мы уже договорились, что друг друга подозревать не будем, — вздохнула я. — Только больше некого. Лично мне в голову ничего не приходит...

— Ладно. — Игорь встал и открыл окно. С улицы ворвался холодный осенний ветер. Похоже, дождь пошел... — Посмотрим, как будут развиваться события. У меня к тебе только одна просьба, Чернова.

— Ну?

— Придешь к себе — обыщи свою комнату. — Игорь смотрел серьезно, он даже не думал шутить. — Если это не глупая шутка, то за тебя могут взяться всерьез. Так вот, если найдешь какую-нибудь незнакомую вещь, хотя бы шпильку, клочок бумаги — уничтожь немедленно. Я понятно выражаюсь?

— Понятнее некуда, — проворчала я. — Ты думаешь, враги чего-нибудь подбросить могут? Записную книжку Градовой или ее чулки?

— Я бы не удивился, — хмыкнул Давлетьяров. — Не забудь, Чернова, это не моя блажь.

— Я бы не удивилась, — довольно похоже скопировала я его интонацию.

— Ладно, хватит об этом. — Игорь выкинул окурок в форточку, снова повернулся ко мне. — Как у тебя дела с диссертацией?

Я до того опешила от резкой смены темы, что не сразу смогла ответить. Ему-то что за дело?

— Пишется... — ответила я наконец. — Потихоньку. Не так быстро, как я рассчитывала, но так, знаешь... ровненько.

— И как оно тебе, Чернова? — Холодные зеленые глаза смотрели на меня с насмешливым интересом. — Барахтаться в одиночку?

— А ничего так, увлекательно, — вполне серьезно ответила я. — Мне, во всяком случае, нравится. Николаю Ефимовичу вроде бы тоже. — Я примолкла, Давлетьяров на мгновение сжал губы, чем-то ему не понравилось упоминание о моем научном руководителе. Я добавила: — Хотя ты, конечно, на защите меня размажешь по стенке.

— Ты хочешь сказать, что не побоишься меня пригласить на защиту? — иронически спросил Давлетьяров. — Может, еще рецензию попросишь написать?

— Вот это вряд ли, — фыркнула я. — Настолько я еще не свихнулась. А у тебя как дела с монографией?

Меня в очередной раз охватило ощущение полной нереальности происходящего. Как будто это не мы с Давлетьяровым сидим сейчас в полутемном кабинете и очень мирно обсуждаем текущие дела, а какие-то совсем посторонние люди. Почему-то очень хотелось завизжать или хотя бы грохнуть об пол тяжелую керамическую пепельницу, что стояла у Игоря на столе.

— Заканчиваю, — коротко ответил Игорь, и снова повисло молчание.

Пора было уходить, скоро должен звонить Сашка, а я оставила мобильник дома, я его в библиотеку никогда не беру. Но все как-то не получалось, не могла же я встать и молча выйти?

— Игорь, слушай, а это вообще ты? — спросила вдруг я неожиданно для себя самой.

— А что, не похож? — деланно изумился он.

— Не похож, — ответила я чистую правду. — Тебя точно не подменили?

— Что конкретно тебя смущает? — вопросом на вопрос ответил он.

— За последние полчаса ты на меня ни разу не наорал, хотя поводов я тебе дала предостаточно, — честно ответила я. — И даже вспылил всего раза два. Я тебя не узнаю.

— Может быть, я аутотренингом занимаюсь, Чернова. — Он улыбался, но в глазах царил арктический холод. Нет, что-то все-таки не так.

— Да конечно, — фыркнула я. Пойду-ка я поздорову. — Ладно, пойду я, поздно уже.

— Сядь, Чернова. — А вот сейчас это был тот Давлетьяров, которого я помнила. — Мы не договорили.

— Вроде бы мы уже все обсудили, — заметила я. — Что ты еще от меня хочешь?

— От тебя — ничего. — Игорь смотрел на меня в упор, и мне померещилось в его взгляде что-то настолько непривычное, что мне стало не по себе. — Выслушай меня, не перебивая, будь добра.

— Хорошо, — пожала я плечами. Его даже и захочешь перебить — не станешь, себе дороже.

— Я хочу, чтобы ты знала одно, — медленно произнес Игорь.

— Раньше ты хотел, чтобы я знала много, — не удержалась я.

— Я, кажется, просил не перебивать? — Игорь смерил меня долгим взглядом, убедился, что я все осознала, потом продолжил, и мне почему-то показалось, что эти слова даются ему нелегко. — Так вот, Чернова, я хочу, чтобы ты знала — я тебе не враг.

Мне показалось, что я ослышалась.

— Я тебе не враг, — повторил Давлетьяров уже без усилия. — Хотя, без сомнения, ты уверена в обратном.

— С чего ты... — начала было я, но договорить он мне не дал.

— Чернова, я достаточно хорошо тебя знаю, — произнес Игорь. — Так что не отрицай очевидного. Ты бы видела себя в зеркале в тот момент, когда смотришь на меня!

"Да, Чернова, видимо, тебя и впрямь основательно перекашивало, особенно поначалу, — сказала я себе. — Если уж даже Игорь заметил, а он на выражение твоей физиономии никогда особого внимания не обращал!"

— Я хорошо помню, чем я тебе обязан. — Игорь остановился напротив меня. — И никакие... хм... прискорбные эпизоды нашей с тобой биографии этого не изменят. Я понятно выражаюсь?

Я понимала. Речь сейчас шла не о монографии, не о чем-то таком, чтобы можно было начать бить себя в грудь и кричать, что, мол, я тоже тебе обязана дипломом, да вообще наукой. Нет, Игорь говорил о своих восстановленных способностях, и в таком тоне, что...

— А я не хочу, чтобы ты был мне чем-то обязан! — с тихой яростью произнесла я. Да я вообще не хотела, чтобы нас что-то связывало!

— Позволь это решать мне самому, — оборвал Игорь.

Я промолчала. Какого черта? Я ведь надеялась, что мне больше никогда не придется иметь с ним дела, если только по работе, но тут уж никуда не деться... К чему эти разговоры? Что ему вообще от меня надо?

А с другой стороны... Это не так уж мало — знать, что этот человек тебе не враг. Потому что если у тебя такой враг, то лучше сразу выкопать себе могилку и принять цианистый калий, чтобы не мучиться, поскольку безболезненно он тебя не прикончит, а сперва как следует помучит. Не буду отрицать, мне все время не давал покоя этот вопрос: что думает обо мне Игорь, сильно ли зол на меня, и если да, то во что это может вылиться?

Нет, не может быть, чтобы он ничуть не меня не злился... С другой стороны, уже почти год прошел, он должен был слегка остыть. Сейчас Игорь вроде бы не лгал, да он и вообще на моей памяти редко опускался до такого. Но с какой стати ему именно сейчас идти на мировую? Ему, первому! Даже если ему что-то от меня нужно, что очень сомнительно... Да я поклясться могла, что это невозможно, скорее небо на землю рухнет!

"Ну, скажи уже что-нибудь, Чернова, — подбодрила я себя. — А еще лучше заплачь и убеги, это

будет неожиданно, совершенно не в твоём духе и обескуражит противника."

А если серьезно... Да какая разница, с чего Игоря так переключило, может, головой ударился, это у него слабое место, я давно знала! До мелкой подлости он не опустится, это я могу сказать наверняка, и устраивать хитроумных ловушек тоже не будет, не в его стиле. Так что думать о том, что он ждет, пока я расслаблюсь, чтобы ударить побольнее, просто глупо. Другое дело, что он никогда ничего не делает просто так, значит, и сейчас у него есть какая-то недоступная мне мысль, и не факт, что альтруистическая.

Но и портить с ним отношения снова, особенно сейчас, когда меня, того и гляди, обвинят в убийстве, которого я не совершала... Так, стоп, я что, снова собираюсь за него спрятаться? "Нет, — подумав, сказала я себе. — Прятки за широкую мужскую спину — это у нас пройденный этап. Теперь это у нас называется "крепкие тылы". Ну что, Чернова, поверим ему на слово или как?"

— Так что, Чернова, — произнес Игорь, явно устав ждать, пока я решусь что-нибудь сказать, — Мир?

— Да мы вроде и не ссорились... — улыбнулась я, решительно пожав протянутую руку.

Небо рушиться не спешило.

Глава 9

Если бы не постоянные вызовы на допросы, можно было бы подумать, что ровным счетом ничего не произошло. На кафедре старались лишней раз не заговаривать ни о Градовой, ни о следствии, и, что больше всего меня радовало, о том, что могло убитую связывать со мной или Давлетьяровым.

Теперь нас поочередно вызывали к следователю. Если честно, мне опостылело отвечать на одни и те же вопросы, хорошо еще, следователь, в отличие от Селезнева, был весьма вежлив, на меня не давил и не считал априори виновной. Кажется, этот прием называется "добрый и злой полицейский", ну так вот Селезнев был злым, а следователь Шамонин — добрым.

В этот день я явилась, как было велено, в половине второго дня, в коридоре перед кабинетом Шамонина никого не было, зато изнутри доносились голоса. Слов я разобрать не могла, несмотря на то, что дверь была чуточку приоткрыта, зато тон беседы не оставлял сомнений: нашла коса на камень. Шамонин, я уже поняла, в отличие от Селезнева не брал нахрапом, рассчитывая на растерянность допрашиваемого, он просто вцеплялся в собеседника и методично, по каплям выдавливал из него необходимые сведения. Меня, правда, любым способом выбить из колеи было сложновато, продолжительное общение с Давлетьяровым кого угодно либо быстро доведет до психушки, либо научит долготерпению. Так вот, судя по всему, сейчас у Шамонина находился некто, не только не поддающийся его приемам, но и осмеливающийся возражать. Спрашивается, кто из наших сотрудников на такое способен, если, конечно, это действительно кто-то из ГМУ, а не свидетель по другому делу? Тут и гадать не надо, жалко только, что мне ровным счетом ничего не слышно...

Ждать пришлось довольно долго, но в конце концов дверь открылась, и я поздравила себя с тем, что угадала: по коридору мимо меня прошагал Давлетьяров. Судя по тому, что меня он даже не заметил, Шамонин-таки довел его до белого каления. Интересно, чем?

Со мной на этот раз разговор был короткий.

— Наина Юрьевна, — сказал мне Шамонин, — могу вас обрадовать, ваше алиби на момент убийства полностью подтвердилось. Кроме ваших родителей, вас видело несколько соседей, а также продавцы в магазине рядом с домом.

— Ну слава Богу, — фыркнула я. Да уж... Родители который день пребывали в истерике по тому поводу, что мною снова заинтересовалась милиция, да мало того, что заинтересовалась, так еще всех соседей в известность поставила. — А то я уже сухари сушить начала.

— Ничего смешного в этом нет, Наина Юрьевна, — пожурил меня Шамонин. Ему было лет сорок на вид, а там — кто знает. Он обладал на редкость неприметной внешностью, а в целом, если честно, здорово напоминал исхудавшего хомяка со взглядом бывалого бультерьера. — И, несмотря на подтверждение вашего алиби, подписка о невыезде остается в силе...

"И кто теперь у вас главный подозреваемый, хотела бы я знать," — подумала я, но вслух, конечно, не спросила, все равно ведь не скажет. Единственной ценной информацией, которую мне случайно удалось узнать от Шамонина, был тот факт, что Маргарита в самом деле отсутствовала в Москве и вообще в России, она улетела в США две с лишним недели назад, то есть никак не могла рассказать никому сплетню о нас с Давлетьяровым. Но если не она, то кто?

Этот вопрос долго не давал мне покоя, а еще больше мне не давало покоя то, что я не могла рассказать о происходящем Сашке. Ну какой смысл грузить человека своими проблемами? Мысль о том, что Сашка мог бы мне чем-то помочь, мне даже в голову не приходила. Впрочем, вру, однажды я подумала, что среди его многочисленных знакомых может оказаться кто-нибудь милицейский, а если не окажется, то выходы к такому человеку наверняка найдутся, но на этом мысль и заглохла. Во-первых, я смертельно не люблю одалживаться, тем более, что в данном случае одалживаться придется не мне самой, а Сашке, а во-вторых, даже найдись такой человек, чем он может пригодиться? Даже я, абсолютный профан в этих милицейских делах, понимала, что информацию по делу об убийстве абы кому не выложат, да, если подумать, зачем она мне? В данной конкретной ситуации играть в частного сыщика меня совершенно не тянуло.

Тем не менее, Сашка не мог не обратить внимания на то, что я сделалась нервной, дерганой и злой, и все чаще отказывалась проводить с ним вечера. В конце концов, это ему, как и следовало ожидать, надоело, и Сашка устроил мне допрос с пристрастием. Допрашивать меня сложно, но на этот раз я особенно не запиралась, и в результате поведала Сашке печальную повесть об убитой Градовой и о том, что меня некоторое время считали причастной к ее убийству. Если честно, больше всего меня смущало даже не подозрение в убийстве, а факт моей связи с Давлетьяровым. Хотя это было достаточно давно, но все же...

Сашка, к его чести, отнесся к происходящему вполне разумно, заявил, что давно надо было ему рассказать, а не корчить из себя пленную партизанку, а стесняться тут совершенно нечего. Я, конечно, была растрогана его благородством, даже немного прослезилась, Сашка взялся меня утешать, а закончилось, это, как несложно догадаться, у него дома. И вот этот факт тоже не давал мне покоя.

Я прекрасно понимала, что ничего особенного в этом нет, и если я собиралась продолжать развивать отношения с Сашкой, никуда не денешься, рано или поздно это должно было произойти, но... Если честно, я была изрядно раздосадована. Не из-за Сашки, нет, он проявил себя с самой лучшей стороны, а скорее, из-за себя. Оказалось, что мне нравится проводить с ним время, да просто общаться, но вот в том, что касается интимной стороны отношений, он меня не устраивал совершенно. Либо дело было во мне самой, либо мы просто друг другу не

подходили, но ничего, кроме легкого разочарования, я не ощутила. "Ладно, Чернова, — цинично сказала я себе, — потом найдешь себе парня, с которым тебе будет в кайф. А такими, как Сашка, разбрасываться грех. К тому же тебе и сравнивать-то особенно не с кем, может быть, другие еще хуже."

— Наин, может, переберешься ко мне? — предложил Сашка утром. Я посмотрела на него повнимательнее. Сашка был симпатичный, удивительно уютный даже на вид. Да, славный парень, очень славный... Но вот жить вместе нам пока рановато.

— Нет, Сань, очень далеко до универа добираться, — придумала я хорошую отговорку. — Ты-то на машине, а я пешкодралом.

— Ну так я тебя отвезу, — тут же предложил Сашка.

— Не можешь же ты моим личным шофером сделаться, — хмыкнула я. — Я ведь в универ, бывает, по три раза на дню мотаюсь.

Сашка, поворчав, согласился, но мне показалось, что он все-таки обиделся. Ну что поделать, у меня с недавних пор стойкая неприязнь к чужим квартирам, мне только переезда не хватало для полного счастья. Но не объяснять же это Сашке? Того и гляди, обидится еще больше...

Впрочем, Сашкины обиды занимали меня не так уж долго, из чего я, кстати, сделала вывод, что большой сердечной привязанности к нему не питаю. Надо полагать, мне всю жизнь предстоит с этим мучиться. Ну что я могу поделать, если у меня проблемы с эмоциональной сферой, и на более сильные чувства, чем простая привязанность, я попросту неспособна? А если на то пошло, то уютнее всего мне наедине с собой, только почему-то считается ужасно неприличным не иметь пары. Надо же, оказывается, я все-таки иду на поводу у общественного мнения, не ожидала от себя...

В четверг вечером у меня состоялся сеанс связи с заграничными приятелями. Я как раз недавно купила себе веб-камеру, у всех моих респондентов такие давно имелись, так что теперь мы могли общаться, видя физиономии друг друга. Естественно, я не удержалась и поделилась с ними последними новостями, включая убийство Градовой. Реакция последовала вполне ожидаемая: Мирей и Софи охали и ахали, а в результате велели не нервничать и довериться полиции, им вторил Микки, утверждавший, что "полицейские знают, что делают", а стало быть, волноваться не о чем, настоящего преступника рано или поздно найдут. Я несколько более пессимистически смотрела на ситуацию, о чем немедленно и сообщила. Последовала еще порция охов и ахов, после чего Микки неожиданно посуровел и спросил, не может ли он мне чем-нибудь помочь.

— Ну чем ты можешь помочь, ты же за океаном! — рассмеялась я.

— Но ты же говоришь, что твоя знакомая, Маргарет, — переименовал Микки имя Балашовой на свой лад, — поехала в свадебное путешествие в США. Можно было бы попробовать ее найти...

— Зачем? — не поняла я. — Ее же не было в Москве на момент совершения преступления, и слух обо мне она нашей полиции тоже рассказать не могла!

— Нэн, ты такая умная, — удрученно сказал Микки (он звал меня «Нэн», «Наина» для него была неприемлемой), — но иногда, прости, такая дура... Ты забываешь, что сейчас у всех есть мобильные телефоны. Ваши полицейские не застали Маргарет дома, позвонили ей на мобильный — хоп! — и она ответила, даже будучи в Майами. Только не говори, что у нее дешевый тариф без международного роуминга!

Я вынуждена была признать, что Микки в чем-то прав. И почему такая простая мысль не пришла мне в голову раньше?

— Да, об этом я как-то не подумала, — вздохнула я. — Микки, но даже если ее их найдешь, то что ты скажешь? Прикинешься частным детективом, что ли?

— А почему бы и нет, — пожал могучими плечами Микки. — Сделаю вид, будто работаю в Интерполе, и на этом основании задам твоей Маргарет пару вопросов.

— Микки! — ужаснулась я. — Ты же законопослушный американец, как ты можешь вообще о таком говорить!

— У тебя какие-то странные представления об американцах, Нэн, — заявил Микки. — Я же не домохозяйка какая-нибудь, я работаю в серьезной организации, извини, название тебе ни о чем не скажет, но поверь, это круче полиции.

Я впечатленно молчала. Я-то была уверена, что Микки — тишайший и скромнейший парень, а поди ж ты!

— Ну, хорошо, — сказала я, наконец. — И что ты у нее спросишь? Звонили ли ей полицейские из России, и рассказала ли она им сплетню про меня и того преподавателя? Так она совет — недорого возьмет!

— Нэн, не волнуйся, не совет, — махнул рукой Микки. — Поверь мне на слово! Кстати, если окажется, что ей не звонили из России, я заодно поинтересуюсь, не рассказывала ли она кому-нибудь эту историю, а если рассказывала, то кому.

— Как ты их искать-то собираешься? — уныло спросила я. — В Майами, поди, русских не так уж мало! А я даже фамилии ее мужа не знаю.

— Не проблема, — опять отмахнулся Микки. — Маргарет, в девичестве Ба-ла-шо-ва, — старательно выговорил он сложную фамилию, — и Бэзил, русские туристы, молодожены. Фотография Маргарет у тебя есть?

Фотография нашлась, правда, еще выпускная, но Маргарита, в отличие от меня, не сильно изменилась за прошедшие два года.

— Отлично, — сказал Микки. — Этого вполне достаточно. Позвоню, как только что-нибудь узнаю.

— Микки, зачем ты вообще это делаешь? — уныло спросила я. — Оно тебе надо?

— Ты мне нравишься, — сказал Микки. — И у тебя неприятности. По-моему, этого достаточно.

Я не нашлась, что ответить, Микки тем временем разорвал соединение, Мирей и Софи, ставшие свидетельницами разговора, впечатленно молчали, и тут подключился до сих пор молчавший Шон.

— Нэн, — сказал он (Шон тоже не напрягался, выговаривая мое полное имя), — у меня вопрос.

— Давай, — вздохнула я, надеясь отвлечься. Скорее всего, у Шона очередная идея, которой он хочет поделиться. Однако вопрос меня ошеломил, и это мягко сказано.

— А почему ваша полиция решила, что убийца — непременно боевой маг? — спросил Шон. Его

некрасивая веснушчатая физиономия казалась совершенно серьезной, а голубые глаза напоминали льдинки.

— Но... — начала я. — А как же иначе? Прием, которым была убита девушка...

— Нэн, это еще ни о чем не говорит, — оборвал Шон. — Возьми нас с тобой, мы считаемся боевыми магами, мы не профессиональные иллюзионисты, но при желании вполне можем состряпать приличную иллюзию, разве нет? Ты ведь сама рассказывала, как вас учили.

— Наин, Шон прав, — подала голос Мирей. — Достаточно сильный маг, даже если он не специализируется на боевой магии, вполне способен выдать сильный импульс, да и освоить «сухостей» не так уж сложно, как кажется...

Я потрясенно молчала. В их словах был резон: нас ведь и в самом деле учили очень и очень многому, моя недостаточно богатая фантазия еще не значит, что я не умею создавать иллюзии! И наоборот, чей-то не особенно высокий потенциал еще не говорит о том, что этот кто-то не в состоянии овладеть приемами боевой магии!

— Шон, только не говори, что ты тоже работаешь в конторе "круче, чем полиция", — невесело улыбнулась я.

— Нет, я пашу на частную лавочку, — ухмыльнулся Шон. — Но там тоже не лохи сидят. Так как тебе идея?

— С ума сойти, — призналась я. — Мне бы даже в голову такое не пришло, а уж нашей полиции и подавно. Только теперь получается, что подозреваемых у нас, считай, половина университета, а если считать еще посторонних, то...

— Тогда ищи, кому выгодно, — посоветовал Шон.

— Выгодно что?

— Да что угодно! — ответил он. — Выгодно убить эту девушку, выгодно подставить тебя... Кстати, если с тебя подозрение, считай, сняли, то кого записали в убийцы теперь? Может, подставить хотели как раз его?

— Да я теперь во что угодно могу поверить! — фыркнула я. — Наш университет — это такой гадюшник, если честно...

— Наин, так везде! — рассмеялась до сих пор молчавшая Софи. — Не думай, что только у вас! И знаешь... если станет совсем плохо, приезжай к нам, мы тебе всегда рады.

— Присоединяюсь, — поддержал Шон. — Такие, как ты, нужны везде, так что если поймешь, что в твоём университете больше ловить нечего, приезжай. Дадим политическое убежище.

— Спасибо, ребята, — рассмеялась я. — Что бы я без вас делала!

Мы закончили сеанс связи, но сказанное Шоном еще долго не шло у меня из головы. Допустим, убийца не боевой маг, а обыкновенный. Мощные иллюзионисты или медики, кстати сказать, тоже на многое способны, просто не учатся этому специально. Но круг подозреваемых ограничивается тем, что убийца должен был достаточно хорошо знать о творящемся на нашем шестом этаже... А если все-таки убийство само по себе, ведь есть же в городе маги, работающие на "частные лавочки", как выразился Шон, а попытка подставить меня (или не

меня?) — сама по себе.

Я поняла, что окончательно запуталась, и решила, что утро вечера мудренее. Эту идею надлежало как следует обдумать, а еще лучше — сделать это не в одиночку. А может, дожждаться, пока отзвонится Микки? Но этого долго можно ждать, пока он доберется до Майами, пока найдет Маргариту, если вообще найдет... Я, если честно, достаточно слабо представляла себе механизмы розыска людей, поэтому даже не могла предположить, сколько времени потребуется Микки на это дело. Нет уж, он пускай ищет Маргариту, а я пока попробую разобраться в происходящем здесь. На милицию, в самом деле, надежды мало, они как уперлись в одну версию, так и копают в этом направлении. А попробуй я им заикнуться, что убийца вовсе не обязательно боевой маг, меня, того и гляди, на смех поднимут.

Глава 10

На следующий день у нас имело место быть заседание кафедры. Я бы не сказала, что это такое уж скучное мероприятие, но в этот раз мне было определено не до повестки дня. Николая Ефимовича не было, впрочем, по поводу диссертации я успела проконсультироваться с ним еще на работе, так что от его отсутствия особенно не страдала. Давлетьяров сидел как раз напротив меня и казался мрачным и погруженным в себя, даже не принимал участия в обсуждении какого-то животрепещущего вопроса, да и вообще на окружающих реагировал слабо, что было вовсе на него не похоже. Я, наконец, сообразила, что же за перемена произошла с его внешностью: оказывается, Игорь сменил стрижку. Эта, новая, нарочито небрежная, здорово его молодила, и если не знать наверняка, что у него виски седые, и не приглядываться специально, то и не заметишь. С чего бы это он вдруг?..

Впрочем, это все чепуха. Мне требовалось с ним переговорить, и как можно скорее, но не вваливаться же к нему в кабинет без приглашения? Мало ли, чем он может быть занят... Материализацию записки непременно кто-нибудь бы засек, все-таки на заседание маги собрались, а не абы кто, поэтому я не стала изобретать сложных ходов, а попросту осторожно пнула Игоря ногой под столом. Он удивленно поднял глаза от своего блокнота, в котором что-то чертил, понял, что кроме меня никто из присутствующих его пинать бы не стал, и вопросительно поднял брови. "У тебя, — сказала я одними губами. — После заседания." Игорь кивнул в знак того, что понял, и тут же с ходу включился в обсуждение вопроса, к которому, казалось, давно потерял всякий интерес. Конспиратор великий, тоже мне...

До кабинета Давлетьярова мне удалось добраться незамеченной: прозаседали как раз до обеда, а обедают наши профессора и доценты вдумчиво и основательно, не отвлекаясь на посторонние события. Игорь, насколько я помнила, об обеде чаще всего забывал, так что ничего от моего визита не терял, если, конечно, не поменял привычки за прошедший год.

— Что случилось? — спросил он, стоило мне появиться на пороге. — Ты могла бы, кстати, поаккуратнее обращаться с моим новым костюмом.

— Извини, — покаянно сказала я. — Не рассчитала.

— Так все-таки, в чем дело?

— Интересная версия наклюнулась, — сказала я. — Хотела узнать, что ты по этому поводу думаешь.

— Ну, излагай, Чернова. — Игорь возрился на меня с вежливым любопытством.

Правда, по мере того, как я излагала, вежливое любопытство на его лице сменялось

любопытством вполне искренним.

— Ты, видимо, решила вспомнить, как ты изволила выразиться, "детские увлечения"? — спросил он, когда я закончила. — Сама додумалась?

— Нет, приятель подсказал, — созналась я. — Я сама в шоке была.

— Что за приятель? — нахмурился Давлетьяров.

— На конференции еще познакомились, — отмахнулась я. — Какая разница-то?

— Ты права, никакой разницы... — проворчал Давлетьяров. — Идея хорошая. Ты намерена поделиться ею со следователем?

— А ты думаешь, он меня на смех не поднимет? — спросила я мрачно. — По-моему, ему это не понравится. Так у него в подозреваемых максимум человек двадцать, а этак... Магов широкого профиля на порядок больше, чем боевых, сам же знаешь прекрасно, всех проверять — это же ужас, что такое!

— Что не понравится, это точно, — хмыкнул Игорь. — Тем более, что у него уже есть отличная кандидатура.

— Кто на этот раз? — поинтересовалась я. — От меня-то вроде отстали...

— А ты догадайся, Чернова. — предложил Игорь. — Та версия, которую ты придумала в прошлый раз, не тебе одной пришла в голову.

— Погоди... — До меня вдруг дошло. — Ты хочешь сказать, что... Они тебя подозревают?!

— А откуда такое удивление? — вполне мирно поинтересовался Игорь. — Ты ведь сама сказала: у меня была и возможность, и мотив. И алиби, кстати сказать, у меня нет.

— То есть как — нет?.. — опешила я.

— Просто — нет, — пожал плечами Игорь. — Знай я заранее, что оно понадобится, провел бы выходные в людном месте.

— А ты, конечно, торчал дома и работал, — вздохнула я.

Вытащить Игоря куда-то было задачей практически невыполнимой, он был натурой самодостаточной и в обществе себе подобных почти не нуждался, он их в лучшем случае терпел. Только сейчас, кстати, мне пришло в голову, что не одна я испытывала серьезные неудобства, поселившись у Игоря. Он-то, привыкший жить в полном одиночестве, надо думать, тоже с большим трудом переносил постоянное мое присутствие. Да уж... Нам определенно противопоказано было сходиться. Общаться на нейтральной территории — еще куда ни шло, но жить вместе...

— Игорь, а кому это может быть выгодно? — спросила я, наконец, вспомнив еще одну реплику Шоноа.

— Что ты имеешь в виду? — поднял брови Игорь. — Мне казалось, ты уже научилась более-менее связно выражать свои мысли, но, я вижу, это не так.

— Прибереги свои ехидства для студентов, ладно? — попросила я. — Я хотела сказать: кому

может быть выгодно убийство Градовой, в котором обвинят меня или тебя, или еще кого-нибудь с нашей кафедры? Я сейчас не говорю об убийстве вообще, может, ее по ошибке убили, или из-за денег, или я не знаю, из-за чего еще...

— Я уже думал над этим, — признался Давлетьяров. — Пока не вижу кандидатур, за исключением одной известной тебе персоны.

— Ларисы Романовны, что ли? — уточнила я. — Она же болеет.

— А ты так в этом уверена? — хмыкнул Игорь. — Кто может поручиться, что ее больничный — не прикрытие? Насколько мне помнится, Лариса всегда обладала на редкость хорошим здоровьем.

— Ну, знаешь, это уже паранойя, — вздохнула я. — Она тебя, конечно, не любит, но не до такой же степени! Хотя... проверить можно.

— И каким образом ты собираешься это сделать? — поинтересовался Игорь.

— Да очень просто, — ответила я. — Выясню, кто ее лечащий врач, и зайду как-нибудь. Ну там придумаю что-нибудь... Вроде как Лариса Романовна сама ни за что ни у кого помощи не попросит, а, может быть, ей что-то нужно, так мы, благодарные ученики...

— Чернова... — Игорь коротко рассмеялся. — Узнаю тебя!

— А раньше не узнавал, что ли? — фыркнула я.

— Нет, — ответил Игорь, чем немало меня удивил. — Ты в прошлый раз сказала мне, что я на себя не похож. Ну так ты тоже на себя не слишкомходишь. Ты сильно изменилась.

— В лучшую сторону или в худшую? — спросила я не без интереса.

— Не могу сказать. — Игорь посмотрел на меня иронически. — С одной стороны, тот факт, что ты научилась разговаривать, не запинаясь на каждом слове и достаточно четко формулируя свои мысли, не может не радовать. С другой стороны, сама по себе эта твоя разговорчивость еще ничего не доказывает.

— Умеешь ты ободрить, — сказала я со вздохом.

— Кстати, — резко сменил тему Давлетьяров. — Ты сделала то, о чем я тебя просил?

— Ты про комнату? — уточнила я. — Да, сделала.

Я учинила тщательную ревизию своим вещам тем же вечером, после нашего разговора. Ничего постороннего, как и следовало ожидать, не нашла, только несколько каких-то бумажек, скорее всего, выпавших из библиотечных книг и принадлежавших предыдущим пользователям. Их я, как Игорь и велел, уничтожила, а больше меня ничто не насторожило.

— И?..

— Ничего не нашла, — ответила я. — Да и, к тому же, меня больше не подозревают.

— Все равно, ставь защиту на дверь, а лучше и на окно тоже, — сказал Игорь с непонятной интонацией.

— Игорь, ты, такое впечатление, что-то знаешь, но недоговариваешь, — нахмурилась я. — Зачем ставить защиту? Чего ты опасаться?

— Если бы я знал что-то наверняка, я бы не стал держать это при себе, уж поверь, — устало ответил он. — Это даже не подозрения. Можешь считать эти меры предосторожности моей паранойей, если тебе так больше нравится.

Я промолчала, хотя могла бы сказать, что мне это вовсе не нравится. Уж кем-кем, а параноиком Игорь не был, гнусность характера еще не означает психического заболевания, об этом и его лечащий врач говорил. Да... если бы не характер, цены бы Давлетьярову не было!

На этой оптимистической ноте мы и закончили беседу.

Мне было, о чем поразмыслить. Тот факт, что Игорь оказался в подозреваемых вместо меня, был объяснимым и вполне логичным. Молва связывала его с Градовой, а еще все были осведомлены о его взрывном характере и скверном нраве, о чем наверняка оповестили следователя. Ну что он мог предположить? Да тут и гадать нечего: или Давлетьяров с Градовой поссорились, и он ее прикончил сгоряча, или сделал это вполне обдуманно, а причин можно придумать с десяток.

А вот здесь мне следовало решить для себя очень важный вопрос: сама-то я верю в то, что Давлетьяров к убийству Градовой никаким боком не причастен, или нет? Сомнения меня брали по одному простому поводу: я вдруг обнаружила, что совершенно не знаю человека, с которым прожила бок о бок несколько месяцев, да и до того достаточно долго и тесно общалась. Не знаю, и все тут! Не то чтобы Игорь был чересчур скрытным, но в душу себе лезть не позволял, и добиться от него откровенности было совершенно невозможно. Те особенности его характера, о которых я знала наверняка, я вычислила опытным путем, что-то додумала и, как оказалось, попала в точку. Но дальше... Дальше он меня никогда не пускал (а я, если честно, не очень-то стремилась узнать больше, считая, что человек имеет право держать при себе то, что считает нужным). Что могло им двигать, какие у него были мотивы, — я даже предположить не могла.

Все, что я знала: Игорь очень честолюбив, предан своему делу и не терпит халтуры в любом ее проявлении. А еще он горд до крайности и в жизни не станет прятаться ни за чью спину. Вот и все. Согласитесь, очень много! Будь он просто моим преподавателем, этого и в самом деле было бы достаточно, но если учесть, что мы какое-то время пытались изображать из себя пару, этого было катастрофически мало. Да и я, если уж на то пошло, не слишком-то баловала Игоря откровениями. С другой стороны, ему до меня особого дела никогда не было, я уж говорила, так что разобраться в моих побуждениях и жизненных принципах он себе труда не давал.

Так вот, к чему я это все веду... Я не могла наверняка утверждать, способен Игорь на убийство или нет. Впрочем, этого, наверно, не сможет утверждать никто, даже в отношении самых близких людей... И что, спрашивается, мне делать? Поверить ему на слово? Или подозревать и его тоже? Эта дилемма не давала мне покоя.

И зачем бы ему тревожиться о том, что в моей комнате могут найти какую-то вещь, принадлежавшую Градовой? Может, у него тоже имелось подозрение относительно какого-то человека? Ну ладно, подозрения подозрениями, а ему-то что за печаль, даже если меня в самом деле кто-то хочет подставить? Не понимаю...

Кроме того, меня немного смущало поведение Давлетьярова. Я же говорила, в общении он чаще всего был невыносим, и при этом для него не имело никакого значения, кто является его

собеседником. Пребывая в хорошем расположении духа, Игорь разговаривал вполне спокойно, язвил конечно, но в пределах нормы, во всяком случае, почти не обидно. Выведенный же из себя, он бывал изысканно, на грани хамства, вежлив. Ну а если Игорь Георгиевич изволили гневаться, а это бывало не так уж редко, то... Впрочем, я повторяюсь. Разговаривать откровенно он, по-моему, давно разучился, во всяком случае, именно такое впечатление сложилось у меня за то время, что я с ним общалась. А может, просто не хотел, чтобы кто-то разглядел, каков он на самом деле под этой маской...

Так вот, за время последних двух бесед мне показалось, будто Игорь если не смягчился, то... все равно как-то изменился. И причины этого изменения мне были совершенно непонятны. Единственное, что я могла предположить: в его жизни произошло какое-то событие, которое основательно Игоря перепахало. Что это могло быть, я, честно говоря, представить могла с большим трудом, жизненные катаклизмы Игорь переносил с большой стойкостью и ничуть при этом не менялся, разве что в худшую сторону.

Конечно, будучи девушкой достаточно романтической, я не могла не подумать о большой и светлой любви. Правда, в том, что Игорь вообще на такие чувства способен, я сильно сомневалась, но вдруг? Чего только не бывает, даже самые закоренелые циники и мизантропы, бывает, влюбляются... И не была ли этой самой большой и светлой любовью та самая Градова? А почему бы и нет? Я, правда, не представляла, что могло быть в этой девушке такого особенного, чтобы зацепить Игоря, но я же с ней и не общалась толком. Может, Градова была само совершенство, так что даже Давлетьяров не устоял! Тогда произошедшие в нем перемены еще как-то можно объяснить, хотя объяснение это и притянуто за уши. А если мне не примерещилось, и Игорь в самом деле изменился, то чего ожидать от него теперь, я даже представить не могла.

И... что? Да ничего. Если даже что-то у Давлетьярова с Градовой и было, это что-то из Игоря не вытянешь даже под пытками. А если нет, тогда я и вовсе теряюсь в догадках. И ответа на главный вопрос — верить ему или нет, — я получить не могла. В таких ситуациях обычно говорят — прислушайся к своему сердцу. Так вот как раз сердце ничего подсказать не могло, в плане чувств и эмоций это у меня нерабочий орган, так что оставалось полагаться только на разум.

От этих мрачных мыслей меня отвлек звонок. Звонил, что удивительно, Микки, и, судя по его радостному тону, с хорошими новостями.

— Привет, Нэн! — гаркнул он, видимо, стараясь докричаться до меня через океан.

— Привет, — ответила я. — Как дела?

— Отлично, Нэн! — последовал ответ. — Ты сейчас можешь говорить? Тебя никто не слушает?

— Ну разве только спецслужбы, — пошутила я. Что разговоры по мобильным телефонам можно прослушать, знали, по-моему, все.

— Это ты брось, — строго сказал Микки. — Этого еще не хватало! Хотя... меня, наверно, тоже слушают. Неважно, государственных тайн я все равно не знаю, а если бы и знал, то не выдал, слышите, вы?

Я невольно рассмеялась.

— Ладно, к делу, — посерьезнел Микки. — Нашел я твою Маргарет!

— Так быстро? — поразилась я. — Как ты умудрился?

— А вот это как раз секрет! — засмеялся Микки. — Поверь, ничего сложного, если у тебя есть хорошие связи в полиции. Словом, эта Маргарет теперь не Ба-ла-шо-ва, а... — Он зашуршал чем-то, наверно, собирался прочесть сложную фамилию по бумажке. — Ли-сян-ска-я. Боже, какие у вас сложные фамилии, язык сломать можно...

— Ты с ней поговорил? — прервала я его сетования по поводу сложности русского языка.

— Конечно, — отвечал Микки. — Маргарет клянется, что русские полицейские ей не звонили. Я проверил данные сотового оператора, проверил звонки на номер отеля — она не врет, ей действительно не звонили из России.

— Ага... — сказала я. Вот черт, такая версия пропала!

— Еще она утверждает, что никому, кроме тебя, не рассказывала о своей догадке касательно тебя и того мужчины, — добавил Микки. — На детекторе лжи я ее, конечно, не проверял, но, по-моему, она и тут говорила правду. К слову, она выглядит очень счастливой, они с мужем прекрасная пара, а я так понял, он еще и очень богат. Эта Маргарет отлично устроилась. Так что пакостить ей тебе как-то не с руки!

— Микки, — вздохнула я. — Разве пакостить можно только из-за денег или положения?

— А как еще? — удивился он.

— По велению души, — усмехнулась я. — Спасибо, Микки, ты очень помог!

— Не за что, — был ответ. — Держи меня в курсе, о'кей?

На этом мы и распрощались.

Так... Окончательно сбрасывать Маргариту со счетов не стоит, она могла протрещаться и до отъезда за границу, а теперь и не вспомнит об этом при всем желании.

Да уж, ситуация... В какую сторону броситься, мне было решительно непонятно! Решив не загадывать сильно наперед, я решила сперва сделать то, что давно собиралась, и провести Ларису Романовну. Вернее, не ее саму, а ее врача.

Глава 11

Разыскать Ларису Романовну оказалось совсем несложно, обслуживалась она, конечно, не в районной поликлинике, а в ведомственной, забрести куда мне ничего не стоило. Моя легенда о благодарных учениках, озаботившихся долгим отсутствием наставницы, прошла на ура, и вскоре я уже беседовала с моложавой, сурового вида докторицей. Раньше я таких очень боялась, женщины подобного типа напоминали мне мою классную руководительницу, даму жестокую и стервозную, но с тех пор я успела основательно закалиться в моральном плане.

— Не ожидала подобного визита, — призналась Елена Владиславовна, так звали докторицу. — Почему бы вам не поинтересоваться у самой Ларисы Романовны состоянием ее здоровья?

— Вы знаете... — сделала я смущенное лицо. — Мы ведь пытались, сколько раз звонили, но она всегда говорит, что все в порядке, все замечательно, ей ничего не нужно, и все. А просто так заявиться к ней без приглашения как-то неудобно... Вот мы и решили сперва выяснить, что к

чему.

— Понятно. — Елена Владиславовна поджала тонкие губы. Видно было, что, с одной стороны, она осуждает меня за столь поздний визит, ведь полгода уже прошло с того момента, как Лариса Романовна заболела, а с другой стороны, рада, что не все пожилую преподавательницу позабыли. — Ну что я могу вам сказать... На самом деле все далеко не так хорошо, как может показаться. Я могу понять свою пациентку, распространяться о своих болезнях в самом деле не всем приятно.

— Ой... — Я вытаращила глаза и даже прикрыла рот рукой. — Что-то серьезное, да?

— Скажем так, то, чем больна ваша преподавательница, к сожалению, не лечится, даже и магическими методами, — туманно выразилась Елена Владиславовна. — Впрочем, с таким диагнозом люди живут годами, и прекрасно живут, но вот она...

— Что? — удивилась я. Что ж за напасть такая привязалась к Ларисе Романовне? А что у нас магическим путем не лечится? Рак? Так он и обычными методами уже давно излечим... А во вновь открытых болячках я, честно говоря, не разбираюсь.

— Госпожа Смирнова сейчас в глубочайшей депрессии, — сухо сообщила Елена Владиславовна, — поэтому состояние ее оставляет желать лучшего. К сожалению, помощь психолога она упорно отвергает, поэтому не вполне ясно, откуда такие настроения. Кажется, она считает свою болезнь наказанием за что-то... Впрочем, вам этого знать необязательно. — Докторица вздохнула. — Скажу лишь, что с таким настроением в самый раз не лечиться, а готовиться к похоронам. И если мою пациентку никак не взбодрить и не убедить заняться собой, боюсь, последствия могут оказаться самыми печальными.

— Ну надо же... — протянула я. Так, источник депрессивного состояния Ларисы Романовны мне, кажется, понятен, но я не это хотела выяснить. — То есть она плохо себя чувствует?

— Да уж не хорошо, — снова поджала губы Елена Владиславовна. — Последний месяц она провела в клинике. У нее ведь из близких родственников никого нет, дома за ней ухаживать некому.

Так. Если Лариса Романовна уже месяц лежит в клинике, значит, убить Градову она никак не могла. Нехорошо радоваться такому положению вещей, но хотя бы одним подозреваемым меньше...

— А навестить ее можно? — спросила я.

— Оставьте номер вашего телефон, — велела Елена Владиславовна. — Я перезвоню вам, если она согласится вас принять.

— Хорошо, — кивнула я. — Спасибо большое. До свидания...

Спрашивается, и что? Пойду я к Ларисе Романовне, если она вдруг ни с того ни с сего захочет меня увидеть? То есть не меня — Наину Чернову, а Машу Куцкую, решившую вдруг проведать преподавательницу. Да, я назвалась именем старосты того курса, где в прошлом году преподавала Лариса Романовна. Документов у меня не спросили, а спросили бы — я бы выкрутилась как-нибудь. Я предполагала, что меня саму Лариса Романовна вряд ли будет рада видеть, а эта Маша Куцкая, я слышала была активисткой, почему бы ей и теперь не проявить инициативу и не навестить. Наверно, надо сходить. Хуже не будет, а может, я даже узнаю что-

нибудь важное...

Как ни удивительно, долго ждать не пришлось, Елена Владиславовна перезвонила мне уже через два дня, сказала, что на мое имя заказан пропуск, и я могу прийти, разумеется, строго в часы, отведенные для посещения.

Я не люблю больницы, но эта клиника больше походила на какой-нибудь солидный исследовательский центр, обычных больничных запахов не ощущалось вообще, все сияло чистотой, а в холлах пышно произрастали всевозможные пальмы и прочая тропическая флора. Вот интересно, почему во всяких учреждениях так хорошо растут комнатные цветы? Такое впечатление, что они отрицательной энергией питаются... Хм... А чем не теория?

Подумав так, я собралась с духом, нашла нужную палату и осторожно постучала в дверь.

— Входите, — негромко послышалось изнутри.

Я вошла и остановилась на пороге, прикрываясь букетом. Впрочем, этот фокус не прошел, Лариса Романовна опознала меня мгновенно.

— Наина? — произнесла она с искренним удивлением в голосе, должно быть, Елена Владиславовна так и не сказала ей, кто именно решил нанести визит. — Ты?

— Добрый день, — сказала я и прикрыла за собой дверь.

Лариса Романовна, признаться, производила удручающее зрелище. Я помнила ее ухоженной статной дамой, назвать которую «пожилой» язык не поворачивался. Сейчас от прежней царственности ничего не осталось, Лариса Романовна похудела, осунулась, когда-то тщательно подкрашенные и уложенные волосы отросли, и видно было, что она почти совсем седая.

— Надо же... — сказала она. — Я ломала голову, с чего бы это Маше взбрело в голову меня навестить, а это, оказывается, твои проделки... Проходи, не стой в дверях.

Я пристроила букет на подоконнике, присела на краешек стула. С чего начать разговор, я не очень-то представляла.

— А разве к вам больше никто не приходит? — спросила я, наконец.

— Я не распространялась о своем положении, — сухо ответила Лариса Романовна. — Но ты, надо полагать, как обычно, решила докопаться до истины?

— На самом деле, я случайно узнала, — сказала я. — Вот... решила зайти, узнать, как вы...

— Как видишь, не слишком хорошо. — Лариса Романовна не без труда приподнялась и села на кровати. — Впрочем, неважно. Расскажи лучше, что нового в университете, раз уж пришла...

"Видимо, у меня планида такая: навещать своих преподавателей в больнице и пересказывать им новости, — подумала я иронически. — То один, то другая..."

Я добросовестно рассказала обо всем, что, как мне казалось, могло представлять интерес для Ларисы Романовны, о кое-каких новых проектах и тому подобном. Она, кажется, хотела услышать от меня что-то совсем другое, я даже подозревала, что именно, но распространяться на эту тему не желала совершенно.

— Лариса Романовна, а к вам из милиции не приходили? — спросила я под конец, устав ходить

вокруг да около.

— Из милиции? — нахмурилась она. — Нет. А что случилось?

— Убили одну нашу студентку, — ответила я. Надо будет на всякий случай уточнить у Елены Владиславовны, под тем предлогом, что к ее пациентке могут заявиться грубые милиционеры с вопросами, напугать и взволновать, а ей это противопоказано. Если они тут уже были, докторица об этом скажет. — По всему выходит, что это сделал боевой маг, так что мы все под подозрением. Я имею в виду, с моей кафедры. Сперва меня хотели подвести под монастырь, теперь вот Игоря.

Я поняла, что прокололась, и прикусила язык, но было уже поздно.

— Игоря? — приподняла брови Лариса Романовна. — Значит, я все-таки не ошиблась относительно вас двоих...

— Как ни печально, не ошиблись, — вздохнула я. — Но, в общем... Это уже пройденный этап.

— Даже так? — удивилась Лариса Романовна. — Тогда могу тебя поздравить: тебе сказочно повезло, Наина, что ты сумела сорваться с крючка. Если ты не врешь, конечно.

— Да зачем бы мне врать? — усмехнулась я. — Потом выходит себе дороже.

— Осторожнее, Наина, — предостерегла Лариса Романовна. — Знаешь, как говорится, от любви до ненависти один шаг... А потом... получится, как со мной...

Она отвернулась к окну. Я, кажется, поняла, что она хотела этим сказать. Когда-то, очень давно, она, должно быть, по-своему любила Игоря, а после смерти дочери возненавидела его, и все силы положила на то, чтобы сделать его жизнь невыносимой. Только радости ей это никакой не принесло, одни беды, и, не сомневаюсь, Лариса Романовна жалела о столь бездарно потраченном времени, вот только простить бывшего зятя так и не смогла... Но мне-то Игоря ненавидеть вроде бы не за что?

Мы поговорили еще немного о какой-то ерунде, потом Лариса Романовна сказала, что устала и хочет отдохнуть, и я ушла, пообещав навеститься еще разок. Не уверена, что Лариса Романовна этому моему обещанию обрадовалась, но приходит не запретила. Должно быть, одиночество ее совсем dokonало...

Домой я вернулась в глубокой задумчивости. Значит, слух все-таки исходил не от Ларисы Романовны: я уточнила у Елены Владиславовны, не приходил ли кто из милиции, и та заверила, что никого не было, а если бы и пришли, она бы не позволила им докучать пациентке. Не верить суровой докторице резона не было.

Выходило, что я осталась на том же месте, с которого начала. Может, и правда, как советовали мои заграничные друзья, "довериться полиции" и подождать, пока они найдут убийцу? А если не найдут? Так и будем всю жизнь коситься друг на друга и думать: а не может ли милейший Николай Ефимович или, скажем, Лолита Станиславовна оказаться убийцей? Ну и что, что бабе Лоле почти сто лет, она любому молодому да раннему фору даст! А если Градову убил кто-то из ее однокурсников? Там хватало сильных магов...

А вдруг в этом все-таки замешана Маргарита? Правда, ее не было в Москве, но у нее никогда не имелось проблем с финансами, она могла кого-нибудь нанять. Зачем? Да мало ли... Может,

решила насолить мне! А почему нет? Скажем, позавидовала тому, что я таки выбилась в люди, а ей научная карьера не светит. Кто ее знает, что у нее на уме! Правда, так можно любого заподозрить, а проверять всех — жизни не хватит.

Версией относительно того, что убийцей вовсе не обязательно должен быть боевой маг, я поделилась с Шамониным, и тот, как и следовало ожидать, большого энтузиазма не проявил. На лице его было написано, как именно он относится к дилетантам вроде меня, лезущим, куда не просят. Но, должно быть, он все-таки внял моим словам, потому что вскоре начали трясти не только кафедру боевой и охранной магии, но и все остальные, включая даже и ни сном, ни духом не знавших о Градовой «медиков», «иллюзионистов» и прочих. Работы теперь у милиции был непочатый край, а ведь они занимались не только нашим университетом, хватало в Москве и "частных лавочек", и якобы не практикующих магов, и приезжих... Словом, шансов найти убийцу было не так уж много.

Да что там, даже вычислить распространителя слуха было невозможно. Я, грешным делом, подумала даже на нашего библиотекаря, Эмму Германовну, "ходячую сплетню", по выражению Давлетьярова, но нет, она тоже услышала обо всем от Селезнева. Если бы вредный капитан хотя бы намекнул, кто дал ему такую информацию, может, что-нибудь и прояснилось бы, но он, конечно, делиться сведениями не собирался.

Оставалось только делать вид, будто ничего особенно не происходит, и продолжать относительно спокойно учиться и работать, чем я и занялась.

Глава 12

В один прекрасный день, дожидаясь на кафедре Николая Ефимовича, я сидела за столом, который обычно занимала лаборантка Жанна, и бездумно разглядывала списки студентов-должников. Их было неожиданно много, то ли курс попался такой безалаберный, то ли спрашивать с них стали строже, чем раньше. Хотя куда уж строже, я помню, как с нас по три шкуры драли! Значит, это нынешний пятый курс просто такой расхлябанный. Того и глади, половину высветят... Тем более, — тут я ухмыльнулась про себя, — задолженности в основном имелись по тем дисциплинам, которые вел Давлетьяров. Судя по всему, в последнее время он пребывал в самом скверном расположении духа, а потому на занятиях свирепствовал, как никогда раньше.

Взгляд зацепился за одну фамилию. "Вот бедолага," — невольно подумала я. У девчонки до сих пор не было зачета по одному из серьезных разделов курса охранной магии, даже удивительно, почему ее до сих пор не выставили. Может, талантливая? Фамилия ее почему-то показалась мне знакомой. Евгения Астахова... Где же я раньше могла слышать эту фамилию? Понятно, на занятиях, когда вела у этих ребят семинары, я даже эту Женю помню, симпатичная такая кудрявая брюнеточка, очень сообразительная, только малость безалаберная. Но отчего-то мне казалось, что с этой фамилией связано еще какое-то событие, и очень важное событие, но какое именно?

"Астахова, Астахова... — мучилась я весь вечер. — Да кто же это такая, почему ко мне прицепилась эта фамилия?!"

Я уже начала засыпать, когда вдруг в памяти всплыла фраза, произнесенная почему-то старческим скрипучим голосом: "Только она уж год, как Астахова." Я замерла, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть воспоминание. "Она уж год, как Астахова". Кто — она? Не Женя, это точно, про нее мне никто ничего подобного не говорил, за это я могла ручаться. Так кто же эта другая Астахова? Кто? Почему эта фраза кажется мне такой важной?

Внезапно меня подбросило на кровати. Господи, ну и дура же я беспамятная! Астахова, ну конечно! Только не Женя, а Марина, Марина Астахова, в девичестве Рогачева. Но тогда получается...

Я боялась размышлять дальше. Очень боялась, потому что пришедшая мне в голову догадка была слишком уж бредовой, но... Жизнь уже убедила меня, что иногда даже самые бредовые гипотезы оказываются совершенно верными.

Марина Рогачева, она же Астахова... Я уставилась в темный потолок, припоминая. Еще бы я не забыла, это было, кажется, так давно, и с тех пор произошло столько всего, что я и думать забыла об этом крохотном эпизоде. Я была тогда на четвертом курсе, и я разыскивала хоть кого-то, кто мог бы рассказать мне о якобы покойном Давлетьярове. И я ведь ее нашла, эту девушку, которую он когда-то выставил из университета, и которая говорила об Игоре с удивившей меня ненавистью. Судя по всему, она его так и не простила. Но...

"От любви до ненависти один шаг," — вспомнила я слова Ларисы Романовны. Помнится, я еще подумала, что я сама Давлетьярова не возненавидела, потому что не любила, но разве для того, чтобы ненавидеть, обязательно сначала любить? А кто его знает!

Я поняла, что если не проверю свою догадку, спать спокойно не смогу уже никогда. А как я могла ее проверить? Только пообщавшись с очевидцами событий, а я знала только троих таких: саму Марину, Давлетьярова и Ларису Романовну. К Марине я однажды сунулась, помнится, больше не тянуло, к Игорю с подобным вопросом подходить было просто страшно, оставалась только Лариса Романовна. Тем более, что я ведь все равно обещала навестить ее еще раз...

Кажется, Лариса Романовна была удивлена, увидев меня снова. Но еще больше она удивилась, когда я попросила:

— Лариса Романовна, пожалуйста, расскажите мне о Марине Рогачевой.

— Зачем это тебе? — изумилась она.

— Поверьте, это очень важно, — твердо сказала я. — Мне нужно понять, что она за человек, от этого многое зависит...

Я вспомнила, Игорь когда-то говорил, что Марина обладала замечательным потенциалом, была честолюбива и горда до крайности, но вдобавок очень ранима. Как это могло сочетаться, я понимала плохо, но если Лариса Романовна скажет то же самое, придется поверить.

— Марина... — Лариса Романовна задумалась. — Славная была девочка, чем-то вы с ней похожи, только ты замкнутая, а у нее все эмоции были на виду. И терпением ее тоже природа обделила... — Она вздохнула. — Марина, как я помню, всегда была первой, она не сомневалась, что непременно прославится. Ты, наверно, знаешь, она должна была принять участие в том проекте...

Я кивнула: это было мне известно.

— А еще она по уши влюбилась в Игоря, это было видно невооруженным глазом, — невесело усмехнулась Лариса Романовна. — Из кожи вон лезла, чтобы обратить на себя его внимание, а он то ли правда не замечал, то ли делал вид, что не замечает, ты ведь его знаешь. Знаешь, Наина, я всегда удивлялась, что в нем находят женщины, большего эгоиста и себялюбца я в жизни не встречала. А студентки все равно за ним бегали...

Я промолчала. Я что-то не замечала, чтобы кто-нибудь из моих однокурсниц проявлял сердечную склонность к Давлетьярову, его все поголовно терпеть не могли. Хотя Градова-то вот тоже строила какие-то матримониальные планы...

— Собственно, я полагаю, Марина и на участие в проекте согласилась только ради того, чтобы показаться во всей красе, — добавила Лариса Романовна. — А Игорь вел себя просто отвратительно. Теперь-то я знаю, в чем было дело, но тогда, честно говоря, иногда мне хотелось прилюдно надавать ему пощечин за все те мерзости, что он вытворял.

Да уж, могу себе представить, какие представления устраивал Игорь, если уж даже привычная Лариса Романовна до такой степени выходила из себя!

— Представляешь, это я-то, взрослая женщина! — словно прочитала мои мысли Лариса Романовна. — А каково было Марине? Наина, представь на минуту, что человек, в которого ты влюблена без памяти, при всей аудитории называет тебя бездарью, халтурщицей, советует переучиться на парикмахера, пока не поздно, и это еще самые мягкие выражения!.. Что бы ты почувствовала на ее месте?

— Не знаю, — честно ответила я. — Я никогда не влюблялась без памяти. Но, наверно, я бы обиделась.

— Обиделась... — усмехнулась Лариса Романовна. — Я всегда поражалась твоему терпению, Наина. Обиделась — это не то слово. Марина была оскорблена до такой степени, что ушла из университета.

— От любви до ненависти... — задумчиво протянула я.

— Верно. — Лариса Романовна посмотрела на меня с любопытством. — Всю ее влюбленность как рукой сняло, у Марины трясучка начиналась при одном упоминании об Игоре. Удержать ее в университете так и не смогли, она заявила, что на одном гектаре с ним... хм... Извини, она выразилась крайне грубо.

Да, эту историю я знала достаточно хорошо, Игорь своего добился, не дал запустить проект, а вот об оскорбленных чувствах Марины Рогачевой, конечно, не подумал. Ему вообще дела нет до того, что испытывают окружающие, он этой несчастной Марине душу наизнанку вывернул, ноги об нее вытер и пошел дальше. Из самых благих побуждений, конечно, но факт остается фактом!

— Зачем тебе понадобилось ворошить прошлое? — спросила Лариса Романовна, видя, что я не собираюсь ничего объяснять.

— Да вот как-то все время получается, что все ответы — именно в прошлом, — туманно ответила я и начала прощаться.

Что ж, судя по всему, случайная догадка очень даже может подтвердиться. Только хотелось бы еще кое-что проверить, чтобы знать наверняка: Женя Астахова — просто однофамилица мужа Марины Рогачевой, или между ними есть какая-то связь? Потому что если связь есть, это одно дело, а если нет, совсем другое, и в достаточно логичном, на мой взгляд, построении, возникают безобразные дыры...

Конечно, следить за Женей я вовсе не собиралась, просто заглянула в ее личное дело. Никто мне этого, понятно, не разрешал, но я прекрасно знала, где эти личные дела хранятся, а потому незаметно пошарить в бумагах смогла. Сведения о тех учащих, которых переводили

на наш шестой этаж, собирались по возможности полные, я однажды видела свое личное дело и была очень удивлена, обнаружив там данные не только о своих родителях, но и о более дальних родственниках, которых я и видела-то всего раз или два в жизни. Не было исключением и личное дело Жени Астаховой. Очень скоро я обнаружила, что у Жени имеется троюродный брат, некто Сергей Астахов, имелся тут и его адрес. Если память мне не изменяла, именно тот адрес, по которому я давным-давно разыскивала Марину Рогачеву. Должно быть, муж после свадьбы переехал к ней, такое бывает, и нередко.

"Быть не может, чтобы все оказалось так просто, — подумалось мне. — Хотя почему просто? Если бы я не вспомнила, откуда знаю фамилию Астаховой, я бы в жизни не догадалась!" Оставалось только гордиться своей памятью.

Единственное, что не укладывалось в выстроенную мною картину, был распушенный кем-то слух о наших с Давлетьяровым тесных отношениях. Прицепить его к версии, в которой фигурировала Марина Астахова, не получалось никак. Оставалось допустить, что слух этот к ней отношения не имеет, а взялся из какого-то другого источника...

Мои раздумья прервал телефонный звонок. Звонил Сашка, на которого напала охота пообщаться. Мне, если честно, общаться сейчас не очень хотелось, но не бросать же трубку! Сашка-то в чем виноват? А кстати... Вот сейчас я и проверю, окончательным ли бредом выглядит моя версия или все же нет!

— Саш, послушай, я тебе сейчас кое-что расскажу, а ты скажи, может такое быть или не может, — попросила я. — Только не перебивай, ладно?

— Давай, — охотно согласился Сашка. — Рассказывай, я слушаю.

— Значит, жила-была одна девочка, — начала я. — Очень красивая и способная, умница и отличница.

— Это ты про себя, что ли? — фыркнул в трубку Сашка.

— Я же просила не перебивать! — рассердилась я.

— Ладно, ладно, извини, — весело ответил Сашка. — Давай дальше.

— Так вот... — Я продолжила рассказ. — Училась она, училась, скоро должна была окончить университет, и тут вдруг взяла и влюбилась в своего преподавателя, да так, что искры из глаз и шерсть дыбом... А он, представь себе, на эту умницу и красавицу никакого внимания не обращал, отчего она только больше распалялась. — Я перевела дыхание. Сашка внимательно слушал и больше не перебивал. — А потом он на нее внимание обратил, только не такое, как бы ей хотелось. Он ее, представь себе, начал прилюдно унижать и оскорблять. Только тут такое дело: девочку эту должны были задействовать в одном опасном эксперименте, и она согласилась. Только она не знала, чем это может для нее обернуться, а преподаватель тот очень хорошо знал, потому что уже через это прошел и едва живым остался. Так что делал он все это из самых благих побуждений, только девочка об этом, конечно, не подозревала...

— А почему ж он ей прямо не сказал? — удивился Сашка. — Рассказал бы все, как есть, к чему столько проблем?

— Не знаю, Саш, — сказала я. И правда, почему? — Может, опасался, что она не поверит, девочка была очень честолюбивой и мечтала прославиться. Может, не хотел огласки. В общем, он просто вынуждал ее уйти и добился своего, девочка бросила университет, хлопнула дверь

и заявила, что ноги ее больше там не будет.

— Жестоко, — прокомментировал Сашка. — Это ж как надо было унижать, чтобы до такого дошло! Морду она ему, случайно, не набила?

— Об этом история умалчивает, — хмыкнула я. — Главное, что возненавидела она свою прежнюю любовь лютой ненавистью, а когда узнала, что он умер, так просто счастлива была...

— А... — начал было Сашка, но я перебила:

— Погоди, это еще не все. На самом деле этот преподаватель вовсе не умер, там другая история, совсем уж детективная, но это сейчас неважно. Главное, некоторое время эта девочка, то есть девушка уже, была уверена, что его больше нет. Еще до этой новости она, наверно, чтобы обо всем поскорее забыть, сменила профессию, вышла замуж, родила ребенка... В общем, жила, как все нормальные люди. — Я вздохнула. — А у ее мужа имелась троюродная сестра, которая, представляешь, совпадение какое, училась в том же университете. С братом и его женой эта студентка, конечно, общалась, и всякие новости рассказывала...

— Ага, то есть, ты хочешь сказать, эта девушка вдруг услышала, что тот преподаватель жив? — сообразил Сашка. — Слушай, поименуй их как-нибудь, а то я уже путаюсь во всех этих девицах!

— Ладно, — согласилась я. — Значит, та девушка — Марина, а кузина ее мужа — Женя. Так вот, Женя новости подробно пересказывает, и Марина с удивлением узнает, что преподаватель мало того, что жив, так еще и процветает. Более того, у него образовалась какая-то невозможная любовь с однокурсницей Жени, тоже очень красивой и способной девицей...

Об этом было очень просто догадаться: Градова, как рассказывала мне Маргарита, охотно делилась с подружками своими планами. А поскольку планы, надо думать, успехом все-таки не увенчались, Градова не захотела ударить в грязь лицом и придумала красивую сказку. Все равно ведь проверить никто бы не смог. Кто, может, и не поверил, но Женя Астахова определенно купилась: в самом деле, разве такая красавица, как Градова, могла не добиться своего? Да надо быть полным идиотом, чтобы отказаться от такой девушки! Словом, Женя благополучно пересказала выдумку Наташи Градовой кузену и его жене.

Не знаю, как именно рассуждала Марина, могу представить лишь в общих чертах. Должно быть, ее взяло за живое: это какой же волшебной красоте удалось-таки заполучить Давлетьярова?! Похороненная вроде бы обида и злоба снова выползли на свет. Найти Градову, полагаю, было несложно, думаю, Женя Астахова знала, где та живет, курс был дружный, наверняка все бывали друг у друга в гостях. А уж выудить из Жени эти сведения Марине труда не составляло, я помнила, на что она была способна. А вот что было дальше... Наверно, Марина просто хотела взглянуть на счастливую соперницу. А когда увидела...

— А дальше-то что? — поинтересовался Сашка.

— А дальше, Саш, Марина нашла эту студентку, — сказала я. — И, уж не знаю, умышленно или нет, но она ее убила.

— Да ну... — фыркнул Сашка. — Почему же ее, а не его? Раз уж она его так ненавидела?

Этот вопрос меня тоже занимал. Если убийство было случайным, тогда все понятно, а если нет... Тут несколько вариантов: возможно, Марина опасалась не справиться с Давлетьяровым. Возможно, она все еще продолжала любить его и боялась, что не сможет выполнить

задуманное. А может быть, поверила в красивую байку о том, что Игорь и правда любит Градову, и решила причинить ему боль не меньшую, чем когда-то испытала сама.

Примерно это я и изложила Сашке.

— Ну, тогда вроде вполне логично, — сказал он. — Слушай, но это как же надо было ненавидеть человека, чтобы решиться отомстить ему подобным образом? И даже о ребенке своем не подумать, я уж не говорю о муже!

— Очень сильно, Саш, — тихо сказала я. А еще — как надо было его любить, чтобы эта любовь смогла перерасти в такую черную ненависть?.. — Очень.

— Да... история... — протянул Сашка. — А что, вполне жизненно. Наин, ты что, детектив решила написать?

— Если бы... — вздохнула я. — Это, Саш, не детектив, а история из жизни. Хочешь — верь, хочешь — нет.

— Но эту Марину в конце концов поймали? — резонно поинтересовался Сашка.

— Пока нет, — хмыкнула я.

— Что значит "пока нет"? — Судя по голосу, Сашка встревожился. — Так, погоди... Наина, это имеет отношение к тому убийству вашей студентки, о котором ты рассказывала?

— Угу... — сказала я. — Это оно и есть.

— И ты в это влезла?! — Сашка был воплощенное негодование. — Ты с ума сошла!

— Да не заводись ты, — сказала я. — Это только мои домыслы, и я о них никому не рассказывала.

— И не вздумай! — Сашка определенно рассердился. — Если только в милиции, ясно тебе? Мало ли...

— Мало ли — что? — поинтересовалась я.

— Ну... — Сашка замялся. — Ты же рассказывала, какие сплетни о тебе и этом мужике ходят. А если эта Марина и о них узнает? Ты соображаешь, во что ввязалась?

— Хм... — сказала я. В Сашкиных словах был резон. Сейчас, когда страсти вокруг убийства немного улеглись, у студентов дойдет дело и до других сплетен, и тогда Марина точно услышит обо мне. А может, уже услышала...

— Может, поживешь пока у меня? — предложил Сашка озабоченно. — Пока все не уладится...

— Саш, вот только тебя не хватало впутывать в эту историю, — вздохнула я. — Не волнуйся, я могу за себя постоять. А если вдруг что... Знаешь, между двумя боевыми магами лучше не становиться, даже если один из них недоучившийся.

Сашка молчал, видимо, только сейчас начал осознавать, что специальность у меня не слишком мирная.

— Я, к тому же, немножко приболела, — осенило меня. В доказательство я покашляла в

трубку. — Не хочу тебя заразить, так что лучше пока нам не общаться.

— А, ну тогда конечно, — заметно обрадовался Сашка, очень трепетно относившийся к своему здоровью. — Лечись как следует, я завтра позвоню. И поосторожнее там!

— Ага, — сказала я. — Непременно.

Я бросила мобильник на стол — батарейка почти совсем разрядилась, надо все-таки разориться и купить новый телефон, стыдно уже с такой рухлядью ходить, — легла и привычно уставилась в потолок. Н-да... А ведь Сашка определенно обрадовался тому, что можно не приезжать, а также тому, что эту идею высказала я сама.

"А ты, Чернова, наверно, хотела, чтобы он примчался, прорвался мимо вахтера и начал о тебе заботиться? — поддела я себя. — Или, еще того лучше, забрал к себе, приставил охрану на всякий случай и заботился уже там?"

А что, может быть, и хотела. Только, видно, не настолько у нас были близкие отношения, а постель — еще не повод для знакомства, все верно...

"Да, Чернова, — хмыкнула я. — Похоже, один мужчина тебя никак не удовлетворит, придется завести гарем. Один будет о тебе заботиться, другой развлекать, а третий... хм-м-м..."

Мне внезапно вспомнилось: когда я однажды заболела ангиной и температура скакнула под сорок (а в таком состоянии заниматься самолечением совершенно невозможно), Игорь немедленно засунул меня под одеяло и взялся лечить сам. Медик из него, если честно, как и из любого боевого мага, просто ужасный, а если учесть, что параллельно с лечением он еще битый час читал мне лекцию о вреде неумеренного потребления мороженого и хождения по холоду нараспашку, то удивительно, как я от такой заботы не скончалась. "А ведь он правда о тебе заботился тогда, Чернова, — поняла вдруг я. — Уж как умел, и не его вина, что умел он плохо..."

Думать об этом было неприятно. Да что уж теперь...

Я встала и вытащила из тумбочки пакет с фотографиями, выбросить которые не поднималась рука, хотя и пересматривать их не тянуло. Надо же, какая я была всего год назад, до этой конференции, которая что-то во мне перевернула... Физиономия бледная, не накрашенная, взгляд исподлобья, а еще этот серый свитер, который Игорь почему-то особенно ненавидел и однажды просто выкинул. Хороший был свитер, теплый и уютный... Фотографий Давлетьярова у меня было всего две или три, он фотографироваться очень не любил, а застать его врасплох у меня ни разу не получилось. Вот он курит на балконе, а вот сидит за компьютером, в обоих случаях вид совершенно отсутствующий, о чем думает — непонятно. А снимок, где имелись мы оба, вообще был только один. Кажется, на улице проводилась какая-то рекламная акция, нас щелкнули «полароидом», а потом долго приставали с просьбой заполнить анкету. Игорь тогда быстро дал интервьюерам от ворот поворот, но фотографию я все-таки утащила. Надо же, вот так, со стороны если посмотреть — более неподходящих друг другу людей и представить трудно. Рослый, подтянутый, стильно одетый Игорь и я, вечно в этих дурацких (права была Мирей!) потертых джинсах, которой всегда было наплевать на свой внешний вид. А если учесть, что оба мы были замкнутыми и нелюдимыми, и легкостью нрава не отличались, то вообще сложно понять, как это мы умудрились столько времени провести вместе.

"Если считать, что женщины похожи на цветы, — всплыла вдруг в памяти реплика, произнесенная хорошо знакомым голосом, — то ты больше всего напоминаешь кактус. Прежде

чем дотронуться — десять раз подумаешь, а стоит ли?" В общем и целом, это было чистой правдой.

"Сама-то хороша, — сказала я себе. — Только и знаешь жаловаться, что тобой не интересовались, а сама-то ты по-другому поступала, что ли? Вот только не надо прикидываться, будто ты боялась, стеснялась и не находила времени о чем-нибудь спросить! Просто тебе так удобно было, вот и все. Ты и с Сашкой точно так же себя ведешь, и радуешься, что он особенно к тебе не лезет с задушевными разговорами, а значит, и тебе вроде как можно его делами не интересоваться. Хм-м-м... А что это ты, Чернова, вдруг задумалась об этом? — спросила я себя сурово. — Ты же вроде бы решила все раз и навсегда? Решила же? Так что давай, дорогая, выкинь эти фотографии в помойку, а если уж не можешь, то запрячь подальше и выброси из головы дурацкие мысли!"

Заверещал предусмотрительно включенный в зарядное устройство мобильник. Кого это разобрало в такую поздноту? Неужто Сашка решил все-таки проявить благородство и приехать к «больной» подруге? Но номер на дисплее высветился незнакомый...

— Алло? — сказала я.

— Наина! — раздался знакомый голос. — Привет! Не спишь еще?

— Маргарита, ты? — изумилась я. — Что случилось? И откуда у тебя мой номер?

— Ой, ну твой номер просто государственная тайна! — засмеялась Маргарита. На заднем плане слышался какой-то веселый шум. — Я же в группе старостой была, у меня все ваши телефоны есть, а ты свой номер не меняла! Слушай, я что звоню-то... Вась, ну потише, я ничего не слышу! — закричала она куда-то в сторону и пояснила мне: — Это у нас тут вечеринка, на пляже...

— Ясно, — хмыкнула я. Наверно, Маргарита все еще в Майами.

— Когда этот парень из Интерпола приехал, здоровый такой, и стал вопросы задавать, я так перепугалась, думала, случилось что, — продолжала Маргарита. Да, наверно, Микки произвел на нее неизгладимое впечатление. — Васька вообще перетрухал, потом два дня ворчал, успокоиться не мог... Короче, я этому америкосу все честно рассказала!..

— Я знаю, — ответила я. — Он мне звонил.

— Ну ничего себе! — поразилась Маргарита. — Ну и знакомства у тебя, Наина! А вообще прикольный парень, и вежливый такой, хоть объяснил, зачем ему это надо... Так вот, я правда никому ничего про тебя с Давлетьяровым не рассказывала, честное слово! Только я тут что вспомнила... Мы с Васькой в кафе сидели, и тут меня осенило!

— Ну? — подбодрила я.

— Помнишь, мы с тобой разговаривали? — спросила Маргарита торжествующе. — В кафе? Народу там было мало... Так вот за твоей спиной сидела девчонка какая-то, и, знаешь, я подумала, что она очень даже могла слышать, о чем мы говорим, мы же нормально разговаривали, не шептались!

— Точно... — сообразила я.

— А потом в кафе толпа ввалилась, стало шумно, — напомнила Маргарита. — Она могла

недослышать, а потом разнесла эту историю, как поняла! Как тебе?

— Вполне может быть, — сказала я. — А как она выглядела, не помнишь?

— Помню, конечно, — фыркнула Маргарита. — Маленькая такая, худенькая блондиночка, кудрявая, в круглых очечках, на овцу похожа!

Описывала Маргарита образно, в этом ей отказать было нельзя, я мгновенно опознала Лику Лебедеву со все того же злосчастливого пятого курса. Ну что ж, теперь все становилось на свои места. Историю о моей связи с Давлетьяровым выложила милиционерам именно она, без сомнения. Да и с подружками наверняка поделилась...

— Спасибо, Маргарита! — искренне сказала я. — Если бы не ты...

— Да ладно, — засмеялась она. — Ну все, пока, а то я все деньги прозвоню, и Васька меня убьет!..

Мы распрощались, и я снова задумалась. Да, теперь вся эта история выглядела более чем логично. И что мне с ней делать? Рассказать Шамонину? А не пошлет ли он меня лесом? Скажет, детективов девочка начиталась, да и поди, объясни ему, откуда я знаю все подробности давнишних событий!

Я посмотрела в окно. Здание общежития стояло как раз напротив главного корпуса университета, и там, на шестом этаже, светились два окна. Я прищурилась, посчитала окна от края: так, похоже, этим вечером еще кое-кому не спится...

Глава 13

Желание поделиться своими догадками стало непреодолимым, так что я оделась и отправилась в главный корпус. Двери еще не запирали, хорошо.

— Чернова? — Давлетьяров поднял глаза на звук открывшейся двери и уставился на меня с легким недоумением. — Что случилось?

— Да ничего не случилось, — сказала я. — Просто я, кажется, разобралась в этой истории с убийством.

— Ты в своем репертуаре, — фыркнул Игорь. — А до утра это подождать не могло?

— Могло, — вздохнула я. — Только...

— Только тебя распирало, — кивнул Игорь. — Ну что ж, раз пришла, то давай, выкладывай.

Он посмотрел на меня скептически. Как, впрочем, и обычно, когда я собиралась изложить что-нибудь, до чего дошла своим умом.

И я рассказала все, что знала. Первое время Игорь еще сохранял на лице выражение вежливого любопытства, а потом перестал притворяться. Видно было, что ему неприятен мой рассказ, а воспоминания, похоже, причиняли боль. Вот уж странно: я думала, Игоря ничем не проймешь...

— Ну как, похоже на правду? — спросила я, наконец.

— До отвращения. — Игорь передернул плечами. — Как ты до этого додумалась, Чернова?

— Случайно, — честно сказала я. — Если бы не обратила внимания на фамилию и не вспомнила, где слышала ее раньше, так до сих пор и мучилась бы догадками... Как думаешь, стоит рассказать Шамонину?

— Разумеется, — сухо ответил Игорь, чиркая зажигалкой. Огонек никак не желал зажигаться, в конце концов, это Игорю надоело, он отложил зажигалку и заставил сигарету вспыхнуть самой собой. — Или ты предпочитаешь держать это при себе?

— Ну я так, для проформы спросила, — хмыкнула я. — Как ты обычно говоришь...

Игорь взглянул на меня как-то странно, но ничего не сказал.

— Я только хотела спросить одну вещь... — сказала я.

— Хотела, так спрашивай, — поморщился Игорь. Отчего-то конструкции вроде "хочу сделать" или "хочу сказать" он не жаловал.

— Неужели тебе было ее совсем не жалко? — тихо спросила я. — Я имею в виду Марину...

— Я понял. — Игорь отвел взгляд и уставился в стену. — Жалко ли мне ее было... Чернова, любишь ты задавать такие вопросы, на которые и не знаешь, как ответить.

— Сам ведь научил, — сказала я, но я Игорь пропустил мои слова мимо ушей.

— Жалко или нет, теперь значения не имеет, — произнес он медленно. — Я помню лишь, что сам себе был отвратителен, и только. Но тогда я считал, что это необходимая мера.

— Хотел, как лучше, — понятиливо кивнула я. — А получилось... Слушай, ну почему же ты ей правду не рассказал?

— Тебе я, помнится, как раз рассказал, — фыркнул Игорь. — И сильно ты меня послушалась? Не припоминаешь?

Я вынуждена была признать, что в чем-то он прав. Предполагать, что Игорь мог бы сыграть на чувствах влюбленной девицы, скажем, поставить ей условие, например, так и быть, он ответит на ее чувства, но взамен она откажется от участия в проекте, я не стала. До такого бы он не опустился...

— Ну да, наверно, это и правда был единственный выход, — сказала я задумчиво. — Только очень уж жестокий...

— Избавь меня от своего морализаторства, будь так любезна, — поморщился Игорь. — Я как-нибудь сам с собой разберусь.

— Да уж, ты разберешься! — неожиданно обозлилась я. — Ты так разбираешься, что лучше бы и не начинал...

— Высказалась? — полюбопытствовал Игорь. — Молодец. И шла бы ты уже домой, поздно уже...

— А ты что тут сидишь в такое время? — спросила я, остывая. Нет, Игоря не переделать...

— Ночую, — хмыкнул Игорь.

— То есть? — не поняла я.

— То есть, Чернова, я обменял квартиру. В новой же из обстановки имеются пока что только голые стены и коробки с книгами, и жить там невозможно, — терпеливо пояснил Игорь. Я опешила.

— А мебель? — глупо спросила я.

— Оставил новым хозяевам, пусть что хотят, то и делают с этими дровами, — нехотя ответил Игорь. Я удивилась еще больше. — Пока комнату сниму, наверно...

— Что это с тобой? — спросила я. Нет, я решительно не узнавала Давлетьярова! Вот так взять, сняться с насиженного места...

— Кризис среднего возраста, должно быть, — вздохнул он. — Иди себе, Чернова, скоро двери запрут, будешь с охраной объясняться...

— Ну ладно, — сказала я, открывая дверь. — Доброй ночи.

Ответа не последовало.

Я вышла на улицу, обогнула главный корпус и решила срезать путь. Если пойти мимо бизнес-центра, прямо по футбольному полю, то путь до общаги почти вдвое короче, чем если петлять по дорожкам. Темно, правда, но это ерунда, я сто раз тут ходила...

Ну что ж, значит, завтра я наведаюсь к Шамонину. Или дожждаться очередного вызова? Нет уж, лучше не тянуть... Интересно, что будет с Мариной? У нее ведь ребенок маленький, это как-то учтут или нет?

Я как раз вышла на футбольное поле и поняла, что погорячилась: по такой грязище в темноте идти удовольствие маленькое, придется по беговой дорожке обходить. И вот тут мне и показалось, будто за мной кто-то идет. Я остановилась, прислушалась — вроде тихо. Пошла дальше — снова чудятся шаги. "Да что за ерунда!" — рассердилась я и осторожно соступила с гравийной дорожки на подмерзшую траву. Так и есть, за мной кто-то шел, гравий скрипел под осторожными шагами. Это что еще за новости? Посторонних на территории университета, да еще ночью, быть вроде бы не должно.

Я уж совсем было собралась развернуться и поинтересоваться, кто это за мной шпионит, но не успела...

Нет, недаром я все-таки целыми днями пропадала на полигоне, работая по мишеням. Если бы не моя реакция, ошеломительной силы заряд, направленный мне в спину, наверняка разнес бы меня в клочья. Но я успела среагировать, выдав ответный импульс, и два мощных энергетических потока схлестнулись над грязным футбольным полем...

Невидимый в темноте противник был очень силен, да еще и напал внезапно, но все же одолеть меня ему было не под силу. Второй удар невидимка нанес в полную силу, я тоже не стала сдерживаться, выдав кое-что из новых наработок... Польшнуло так, что если бы я предусмотрительно не прижмурилась, точно бы ослепла, как это и произошло с моим противником. Противницей, — поняла я, рассмотрев в неестественном белесом свете стройную женскую фигуру. Марина?!

Так, размышлять я буду потом, а сейчас к делу: левой рукой выдать убойной силы «стопор»,

без этого никуда, Марина сильна, причем она бьет на поражение, а мне ее калечить не с руки. Поверх «стопора» накинуть «сетку», да помощнее, а в довершение прикрыть хорошим таким "псевдо сном". Теперь Марина была надежно стреножена, а вдобавок слегка оглоушена. Я на всякий случай грохнула еще «квадро-стенку», пробить такую в Маринином состоянии не выйдет, поверху она не выберется, если только под землей прокопается, и то если сумеет скинуть все прочие мои заклинания, а это вряд ли.

Я с удивлением обнаружила, что даже не запыхалась. Так... Похоже, до Марины все-таки дошел последний слух, она обнаружила, что с Градовой ошибочка вышла, и, наверно, решила исправить ситуацию. Это же совсем свихнуться надо... Но меня-то она как выследила? Наверно, с помощью все той же Жени Астаховой, впрочем, это уже неважно...

Я устало помотала головой. Надо, наверно, милицию вызвать, пусть они сами с ней разбираются. До главного корпуса ближе, чем до общаги, надо пойти и позвонить с поста охраны.

Снова помотав головой — уши слегка заложило от действия собственного же разряда, могу представить, как Марину контузило, — я направилась обратно. В ушах по-прежнему звенело, темень была — хоть глаз выколи, поэтому, влетев с разбегу во что-то твердое, я изрядно перетрусилась.

— Наина!.. — Кто-то схватил меня в охапку. — Цела?!

— Поставь меня на землю, пожалуйста, — попросила я чуточку заторможенно. — А то ты мне ребра переломашь, и тогда я точно буду не цела...

— Ты... — выдохнули из темноты. — С твоими... расследованиями! Чтобы не смела больше, понятно я выражаюсь?!

— Понятно, понятно, только не надо мной командовать, ладно? — миролюбиво заметила я. — А быстро ты бегаешь... Сквозь стены, что ли?

Из темноты донеслось шипение, но внятных комментариев не последовало.

— Милицию надо вызвать, — сказала я. — Отпусти меня уже, больно ведь...

Милицию, как выяснилось, уже вызвал охранник, заметивший творящееся на футбольном поле светопреставление, оставалось только дожидаться их приезда.

У себя в кабинете Игорь, не тратя лишних слов, вынул из шкафа пузатую бутылку и пару стаканов. Я молча сидела на диванчике и наблюдала, как он пытается эту бутылку откупорить. Наконец, это ему удалось.

У Игоря отчетливо тряслись руки: горлышко бутылки отчаянно звякало о край бокала, — никогда с ним такого не бывало на моей памяти. И уж тем более я ни разу не видела, чтобы он так пил коньяк — залпом, в один глоток.

— Держи... — Он сунул мне в руки второй бокал, налил себе еще и в две затяжки прикончил сигарету. Лицо у него было какое-то... перевернутое.

— Игорь, ты чего? — спросила я недоуменно. Я даже не успела испугаться, да и нечего было особенно пугаться, если честно.

— Ничего. — Он присел на диванчик и оказался в опасной близости от меня. — Ничего...

Да... это уже почти традиция — в стрессовых ситуациях пить с Давлетьяровым коньяк...

Я не успела понять, кто первый протянул руку, просто вдруг оказалось, что мы сидим в обнимку, и Игорь так прижимает меня к себе, что даже захоти я отодвинуться — ничего не выйдет, руки у него сильные. Только мне совсем не хотелось отстраняться. Запах табачного дыма и дорогого одеколона был до такой степени знакомым, что у меня невесть с чего навернулись слезы на глаза.

— Наина... — тихо сказал Игорь.

— А? — отозвалась я. — Что?..

— Нет, ничего...

— Говори уже, — потребовала я. Господи, да о чем я, ничего он не скажет, потому что не станет переступать через себя...

— У тебя со вкусом как?

— Что-о? — опешила я.

— Со вкусом у тебя как? — повторил Игорь терпеливо. — С художественным.

— Так себе, — честно призналась я. — Скорее даже плохо. А что?

— Жаль, — вполне искренне сказал Игорь. — Я же говорю — у меня в квартире голые стены...

— А... — Я не нашлась, что ответить. Подумала немного. Да... видимо, мне на роду написано набить множество шишек на лбу об одни и те же грабли. А в конце концов, голова моя, что хочу, то и ворочу! — Ну... я думаю, если попробовать вместе, может, что-нибудь путное и получится... Ты как считаешь?

— Согласен, — серьезно ответил Игорь.

— Только обещай не курить в комнате, — потребовала я.

— А ты обещай не надевать больше таких коротких юбок, — не остался в долгу Игорь.

— Почему это? — поинтересовалась я. — Тебе не нравятся мои ноги?

— Мне не нравится, когда на твои ноги пялятся посторонние, — последовал ответ.

— Погоди... — Я отстранилась, чтобы заглянуть Игорю в лицо. — Ты что... ревнуешь, что ли?!

Игорь не ответил, только плотнее сжал губы, и по лицу его было ясно видно, что больше он ничего не скажет. Мне стало смешно. Ну ничего себе, это до чего же надо было довести Игоря, чтобы получить такое признание!

— Ну ладно, — сказала я — Короткие не буду. Буду носить длинные. — Дождалась, пока Игорь довольно улыбнется, и мстительно добавила: — С разрезом...

Внизу, на улице, завывли сирены. Сейчас придется объясняться с милиционерами, снимать с

Марины свои заклинания... а может, лучше и не снимать, потому что иначе она может натворить дел!..

"Ну их всех к черту... — подумала я. — Пусть сами разбираются!"

— И как, ты полагаешь, милиционеры должны будут разобраться с твоей "стенкой"? — поинтересовался Игорь, и я поняла, что снова думала вслух.

— Да, наверно, придется все-таки помочь, — вздохнула я...

...Объяснение с милиционерами Игорь хотел взять на себя, но я не согласилась. В конце концов, нападали на меня, и разгадку нашла тоже я, а если он считает, что я не смогу внятно и связно изложить историю событий, то пусть послушает и удостоверится, что ему тоже случается ошибаться. Игорь, разумеется, выказал сомнение в моих ораторских способностях, но заявил, что если мне так хочется, то пусть я сама общаюсь, с кем хочу, он послушает, а потом поделится впечатлениями... Словом, почти как обычно. (Если честно, насчет "связно изложить" я немного погорячилась, приходилось то забежать вперед, то возвращаться назад, но, главное, основную идею замученные оперативники уловили.)

Но так, наверно, и должно быть: здесь я немного уступлю, тут он слегка поддастся... По принципиальным вопросам, конечно, дело может дойти до скандала, но если вместе подумать, то ведь можно найти какой-то компромисс?

"Да, Чернова, — сказала я себе. — Похоже, это будет посложнее, чем диссертацию писать! С другой стороны, никто и не говорил, что будет легко!.."

...Я сдала пальто в гардероб и подошла к большому зеркалу, чтобы поправить прическу. Заодно окинула себя взглядом: длинная юбка с провокационным разрезом (заметным, по счастью, только при ходьбе) выглядела очень недурно. Видимо, отражению я тоже понравилась, потому что оно весело мне подмигнуло.

Лифт, как водится, не работал (похоже, по вторникам и пятницам у него выходной), пришлось идти на шестой этаж пешком, но к этому я давно привыкла. Проходя длинным коридором, я привычно здоровалась со встречными: сегодня как раз имело место быть заседание кафедры, так что народу было предостаточно.

Я раскланялась с дряхлой Лолитой Станиславовной, Бог весть каким образом забравшейся при неработающем лифте на шестой этаж (может, на своей клюке взлетела? Я бы не удивилась!). У самых дверей кафедры я столкнулась еще с несколькими нашими сотрудниками. Получилось небольшое столпотворение, а тем временем подтянулся еще один опаздывающий.

— Доброе утро, — поздоровался он сразу со всеми присутствующими и обернулся ко мне. — Наина, ты снова забыла телефон. Попробуй пристегивать его к себе наручниками, вдруг поможет? Держи.

— Непременно так и поступлю, Игорь, — вздохнула я и взяла мобильник. Увидела вытянувшиеся физиономии коллег, ехидно улыбнулась и добавила: — Как только ты ключ от них найдешь, уже неделю ведь грозишься...

© *Copyright Измайлова Купа *